

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2020 '1

ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 — 2020

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS

Редакционный совет:

С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),

К. Р. Некемьяс (Школа по связям с общественностью,
Государственный университет Пенсильвании в Харрисбурге, Миддлтаун, США;
почетный доктор политических наук и государственной политики),

Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор),

З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, доктор социологических наук, профессор),

Н. Б. Гафизова (Ивановский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),

И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),

Е. В. Панкратова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2020

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2020

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 1 — 2020

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
C. R. Nechemias, Dr. Sc., Assoc. Prof. Emerita of Political Science and Public Policy
(School of Public Affairs, Pennsylvania State University at Harrisburg, Middletown, USA),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy (St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **E. V. Pankratova** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2020
© Ivanovo State University, 2020

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Woman in Russian Society
2020. No. 1. P. 3—16
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.1

Женщина в российском обществе
2020. № 1. С. 3—16
ББК 67.911.11
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.1

ПРАВА ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: РЕЗУЛЬТАТ ГЕНЕЗИСА ИЛИ ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ?

А. А. Каширкина, А. Н. Морозов

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, ccla1@izak.ru

Статья посвящена определению места и роли прав женщин в цивилизационном каталоге прав человека с точки зрения полифункционального подхода. В частности, на основе международно-правового анализа выделяются акты, заложившие фундамент правовой защиты женщин; с опорой на международные правовые акты проводится периодическая систематизация важнейших вех в формировании прав женщин — определяются формации в развитии гендерных прав; осуществляется анализ правового статуса женщины в современном обществе с позиций как правовой защиты, так и реального положения вещей, т. е. освещаются проблемы, стоящие перед дальнейшим совершенствованием защиты прав женщин в контексте каталога прав человека. Авторы исходят из концепции синергетического подхода к развитию правореализационных механизмов применительно к правам женщин: осуществление международно-правовых и законодательных актов по вопросам гендерных прав должно дополняться восприятием прав женщин на всех уровнях функционирования государства и общества — экономическом, политическом, социальном, культурном, бытовом и т. д.

Ключевые слова: права женщин, международное право, гендерная политика, защита, равные права, дискриминация, женское движение, гендерная стратегия, каталог прав человека, синергетический подход.

WOMEN'S RIGHTS IN MODERN SOCIETY: THE RESULT OF GENESIS OR AN OBJECTIVE NECESSITY?

A. A. Kashirkina, A. N. Morozov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ccla1@izak.ru

The article is devoted to the definition of the place and role of women's rights in the civilizational catalogue of human rights from the point of view of a multifunctional approach. In particular, on the basis of international legal analysis the main acts that laid the "Foundation" of legal protection of women are singled out; the periodic systematization of the main milestones in the formation of women's rights on the basis of international legal acts is carried out; the analysis of the legal status of women in modern society is carried out from the standpoint of both legal protection and the real state of things, i. e. the formation of women's rights. The problems facing the further improvement of women's rights protection in the context of the human rights catalogue are highlighted. The authors adhere to the concept that women's rights are also rights included in the General catalogue of human rights. However, taking into account the civilizational development of various States and cultures, it was only in the middle of the twentieth century that the international legal framework for equal rights of men and women was achieved. However, many challenges, including overcoming discrimination, remain to this day. In this regard, in the third Millennium after the "gender revolution" of the twentieth century comes the era of "gender strategy", where the agenda includes the problems historically hushed up by society. The authors proceed from the concept of a synergetic approach to the improvement of legal mechanisms in relation to women's rights: the implementation of international legal and legislative acts on gender rights should be complemented by the perception of women's rights at all levels of state and society functioning, i. e. economic, political, social, cultural, domestic, etc. Women's rights in the catalogue of human rights should be included in the natural matrix of legal awareness, both of men and women, as inalienable. Thus, the enshrined rights of women in the third Millennium should be objectified in social development in the strategy of gender equality, where the main emphasis will be not on the normative consolidation (which has already taken place), but on filling the gaps in the gender culture, social perception of women status, its significant role even in those areas of social life that have traditionally been considered "male". However, this should not deprive women of preferential legal protection and guarantees of their rights. In this context, the authors see further improvement of the human rights catalogue in relation to women's rights. The article is written using both general scientific and special methods of cognition: dialectical, historical, philosophical, comparative legal, formal legal, logical, analytical, as well as involving methods of legal modeling and synergetic analysis.

Key words: women's rights, international law, gender policy, protection, equal rights, discrimination, women's movement, gender strategy, catalog of human rights, synergetic approach.

Положение о равенстве мужчин и женщин, закрепленное в Конституции РФ 1993 г., послужило основой для оформления правового фундамента гендерного равенства. Однако вскоре стало очевидно, что во многих общественных отношениях данное важнейшее конституционное положение остается в значительной

степени декларативным и не в полной мере реализованным на должном правовом уровне. И сейчас среди разнообразных по своему содержанию прав и свобод человека и гражданина важное место принадлежит правам женщин. Безусловно, права женщин следует рассматривать в контексте прав человека, определяя необходимость выделения гендерной специфики. Нужны дополнительные, а точнее, преференциальные средства защиты прав женщин как на международном, так и на национальных уровнях, поскольку правовых презумпций о равенстве мужчин и женщин оказалось недостаточно для обеспечения женщинам подлинного равноправия во всех областях, а также защиты их прав с учетом большей, нежели у мужчин, уязвимости в современном обществе.

Несмотря на формальную легализацию равенства мужчин и женщин, все проблемы в этой области как в Российской Федерации, так и в иных странах еще довольно далеки от их полного разрешения. При этом ядром всех проблем, связанных с правами женщин во всем мире, так или иначе выступает недостаточность одной нормативно-правовой базы для устранения всех форм дискриминации женщин, «перекоса» существующих отношений в пользу мужчин, т. е. гендерная асимметрия. Излишне доказывать, что права женщины как полноценного субъекта права не могут обрести статус действительных (а не только декларируемых) без решения «гендерной проблемы». Причем очевидно, что решение это значимо для женщин всех стран мира вне зависимости от цвета кожи, языка, национальности, вероисповедания и других особенностей: каждая из них заинтересована в преодолении фактической дискриминации женщин в современном обществе, носящей отчасти явный, а в большей степени скрытый, завуалированный характер.

Вместе с тем, как отмечают некоторые авторы, вступая в XXI в., «мы нуждаемся в поддержке такого простого утверждения, что более половины мира, то есть женщины, действительно являются людьми и имеют права человека» [Hernández-Truyol, 1996: 606].

В зарубежной литературе встречаются рассуждения о том, что непонимание прав женщин как прав человека отражается в том факте, что правительства немногих стран во внутренней или внешней политике привержены равенству женщин как основному праву. Ни одно правительство не определяет свою политику в отношении других стран на основе отношения к женщинам, даже если считается, что решения о помощи и торговле основаны на положениях о правах человека в стране. В неправительственных организациях права женщин редко являются приоритетом и права человека в ракурсе прав женщин рассматриваются как особые интересы, одновременно нарушения, которые затрагивают меньшее количество людей, определяются в качестве наиболее важных. Такое разделение прав женщин и прав человека увековечило вторичный статус женщин и подчеркивает важность признания прав человека-женщины [Gender and International Human Rights Law, 2005].

Эта семантическая формулировка — «права человека-женщины», демонстрирующая юридически тот факт, что по мере развития каталога прав человека женщины стали все более стремиться обретать равные с мужчинами права, тем не менее содержит в себе то рациональное зерно, согласно которому это право может быть закреплено статуарно, т. е. в жесткой, писаной форме, но является

далеко не общепринятым в понимании еще многих людей. Поэтому формы бытовой, социальной и иной дискриминации корреспондируют юридически закрепленному праву на равенство женщин и мужчин, и отчасти формулировка «права человека-женщины» может вызывать негативную коннотацию в связи с выделением обособленности статуса женщин в каталоге прав человека. Однако, несмотря на подобные дискурсы, по нашему мнению, говорить о подобной категории прав на данном этапе исторического развития не только можно, но и необходимо.

Прежде всего права женщин являются правами человека. Они охватывают все аспекты жизни — здоровье, образование, участие в политике, экономическое благополучие, свободу от насилия и т. д. Женщины обладают правом на полное и равное осуществление всех своих прав человека и свободу от всех форм дискриминации — это имеет основополагающее значение для реализации прав человека, достижения мира и безопасности, устойчивого развития. Устав ООН гарантирует равные права женщин и мужчин. Все основные международные документы по правам человека предусматривают прекращение дискриминации по признаку пола. Почти все страны ратифицировали Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, которая рассматривается как международный билль о правах женщин.

И все же серьезные нарушения сохраняются сегодня почти в каждом регионе мира, и прогресс в решении данного вопроса является неприемлемо медленным, особенно для наиболее маргинализированных женщин. Дискриминация, закрепленная в законодательных актах, сохраняется во многих странах. Женщины не участвуют в политической жизни на равных с мужчинами правовых началах. Они сталкиваются с вопиющей дискриминацией на рынках труда и в доступе к экономическим правам. Многочисленные формы насилия, прямо направленные против женщин, лишают их прав и слишком часто даже жизни. В некоторых регионах сохраняется неприемлемо высокий уровень материнской смертности. Неоплачиваемая работа по уходу за малолетними детьми по-прежнему ограничивает возможности женщин пользоваться своими правами [Human Rights of Women].

В результате развития общества правовое оформление различных видов прав человека и гражданина получило объективацию в виде теоретически выделяемого каталога прав человека. По справедливому мнению ученых, вся наша цивилизация должна быть построена на основе признания прав человека и их юридической защите [Nagel, 2014].

В философском наполнении фрагменты современного каталога прав человека мы можем встретить в работах античных легистов, в трудах мыслителей Древнего Востока и Азии, творениях эпохи Просвещения и даже в религиозных трактатах. Однако в комплексном наполнении в качестве правовых норм права человека стали юридическими категориями универсального характера лишь с принятием в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека. В то же время применительно к глобализационной динамике современных международных отношений каталог прав человека, выработанный и закрепленный в данной декларации, объективно претерпевает изменения. Сегодня, в третьем тысячелетии, мы

можем смело говорить об эволюции прав человека, т. е. о каталоге прав человека в новом человеческом измерении.

Данное обозначение применимо к набору правовых норм, содержащихся в различных международных актах (в первую очередь в международных пактах о правах человека и Всеобщей декларации прав человека 1948 г.) и отражающих базовые принципы существования человека в обществе, включая его права, гарантированные властями государства. Своеобразным стержнем политических прав в каталоге прав человека является принцип равноправия мужчин и женщин, который одновременно выступает общепризнанным принципом международного права.

Несомненно, нельзя не отметить такой международно-правовой акт, как Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г., которая была принята в развитие Всеобщей декларации прав человека, международных пактов о правах человека, а также Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин. Все указанные международные документы предусматривают принцип равенства мужчин и женщин, однако в Конвенции 1979 г. констатируется, что дискриминация женщин по половому признаку остается проблемой, существующей в современном обществе. В связи с этим одна из целей Конвенции — обеспечить в государствах — участниках международных пактов о правах человека соблюдение предусмотренных данными международно-правовыми актами экономических, социальных, культурных, гражданских и политических прав мужчин и женщин в равной мере, без какой-либо дискриминации женщин. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Факультативный протокол к этой Конвенции являются международными договорами и после выполнения государством всех внутренних процедур, необходимых для вступления в силу указанных договоров, становятся обязательными для данного государства. Для Российской Федерации участие в Конвенции перешло по праву правопреемства от СССР. Следовательно, положения и указанной Конвенции, и Протокола являются обязательными для Российской Федерации и должны добросовестно исполняться всеми органами государственной власти.

Участниками упомянутых международных договоров выступают более 180 государств. Это говорит о том, что их положения имеют характер общепризнанных норм международного права, а обязательства, вытекающие из этих положений, могут быть отнесены к обязательствам *erga omnes*, т. е. обязательствам, распространяющимся в отношении всех членов международного сообщества.

Конвенции отводится ведущее место в иерархии международных договоров в области прав человека, ее прогрессивную роль в цивилизационном развитии гендерного равенства трудно переоценить. Конвенция не только является международным биллем о правах женщин, но и имеет императивное значение для государств по выработке недискриминационной политики в отношении женщин и предоставлению им комплексных гарантий осуществления равных с мужчинами прав. Конвенция была принята, чтобы укрепить и усилить положения уже принятых международных договоров, направленных на прекращение практики дискриминации в отношении женщин, т. е. ее можно по праву назвать венцом международно-правовой «башни» гендерной политики. В регулятивном

плане Конвенция определяет конкретные области дискриминации, например, в сфере политических, гражданских прав, включая семейное и трудовое право. В этих и других областях она устанавливает конкретные цели государств — участников Конвенции и меры, которые им надлежит принимать для содействия построению недискриминационного, а значит, действительно гармоничного общества, где женщины реально наделены и практически пользуются такими же правами, что и мужчины. Следовательно, можно говорить о действующем в ряде государств мира правореализационном механизме в отношении прав женщин, включающем гарантии этих прав.

Целеполагание Конвенции ориентирует государства, участвующие в ней, на преодоление дискриминации женщин по признаку пола. Причем подобное преодоление должно носить активный и повсеместный характер: начиная с законодательных мер и заканчивая признанием статуса женщины в обществе, значимости ее экономического и социального вклада в благосостояние семьи и развитие общества в целом. Еще одна важная особенность Конвенции заключается в признании необходимости достижения не только юридического равенства мужчин и женщин, но и фактического, в том числе на бытовом уровне, несмотря на существующие стереотипы, а также принятия временных специальных мер для достижения этой цели, т. е. курса «правовых преференций» для женщин с учетом их большей уязвимости в обществе по сравнению с мужчинами.

Таким образом, на примере Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин четко прослеживается необходимость гармонизированного и согласованного международно-правового и внутригосударственного регулирования в рассматриваемой сфере.

Вместе с тем в научной литературе по международному праву высказываются мнения о невысокой эффективности указанной Конвенции. Так, например, Р. Холт отмечает, что, хотя Конвенция и является наиболее всеобъемлющим международным договором из когда-либо разработанных в отношении прав женщин, она имеет несколько недостатков, в частности, в ней не говорится конкретно о правах женщин в важных областях, правоприменительные механизмы Конвенции одни из самых слабых в международных договорах по правам человека, а оговорки, допущенные многими государствами, делают ее еще менее эффективной [Holt, 1991] (см. также: [Pauw, 2013]).

Израильский исследователь Б. Медина рассматривает права человека сквозь призму взаимодействия международно-правового и внутригосударственного регулирования посредством принятия судебных решений на основе совместного применения норм международного и национального права [Medina, 2017]. Р. Сли подчеркивает значение международно-правовых актов в сфере прав человека для интерпретации национального законодательства в данной области, а также выработки правовых аргументов на основе взаимодействия международно-правовой и национальной регуляции [Slye, 2001].

Юридическая база по защите прав женщин является довольно обширной и разветвленной. По мере развития и совершенствования международно-правовой базы в области защиты прав человека произошло оформление принципа равноправия мужчин и женщин.

В документах ООН отмечается: в прошлом права человека были концептуализированы таким образом, что не принимались во внимание жизнь женщин и факт их обычного столкновения с насилием, дискриминацией и угнетением. Активисты, правозащитные механизмы и государства сыграли решающую роль в обеспечении того, чтобы система прав человека совершенствовалась и была приспособлена для включения гендерных аспектов нарушений этих прав с целью лучшей защиты женщин. Фактически обеспечение прав человека-женщины требует всестороннего понимания основных социальных структур и властных отношений, которые определяют способность женщин пользоваться своими правами человека и влияют на нее [Women's Rights... , 2014]. Вместе с тем очевидно, что международное право по защите прав человека в полной мере применимо и к защите прав женщин [Human Rights... , 2008].

В связи с этим следует отметить, что существуют точки зрения, согласно которым ООН следовало бы более сосредоточиться на вопросах обеспечения международного мира и безопасности, а права человека продвигать посредством внутригосударственных и региональных механизмов, разработки рекомендательных международных норм, отчетов и мониторинга [Wuerth, 2017]. По мнению других авторов, несмотря на развитие региональных блоков государств, в частности БРИКС, ООН будет принадлежать ведущая роль в вопросах обеспечения международно-правовой регламентации прав человека на универсальном уровне [Subedi, 2015].

Разумеется, применительно к правам человека в целом следует не допустить размывания сложившейся системы международного права, в том числе «выкристаллизовавшихся» в этой системе общепризнанных принципов международного права и их вольной трактовки отдельными государствами, претендующими на международный гегемонизм. Однако сама формулировка «защита прав женщин» акцентирует внимание на несовершенстве системы правовой защиты интересов женщины и обозначает различие в положении женского и мужского населения [Kognaś, 2015].

Отдельного внимания заслуживает положение женщин в теократических и мусульманских государствах, где они традиционно во многих областях жизни не имеют равных прав с мужчинами. Юридическое разрешение проблемы недискриминации женщин в этих странах наталкивается на дилемму философско-религиозного обоснования, которое в данном случае блокирует право. Международное сообщество может рекомендовать данным государствам внести соответствующие изменения в законодательство, однако согласно основополагающим принципам применить большее воздействие оно не вправе. И здесь мы сталкиваемся уже не столько с правовой проблемой, сколько с проблемой глобального характера — соотношения цивилизаций Востока и Запада в широком смысле, которые в значительной степени развиваются по разным траекториям.

В то же время следует учитывать, что в настоящих условиях «персонификация» государств по цивилизационным, культурным и историческим истокам — объективное явление, оценивать которое исключительно со знаком «минус» нельзя. Историческая преемственность у отдельных народов есть объективная неизбежность, так же как и различие языков и менталитета. Отношения между государствами и между индивидами в международном социуме

должны строиться на основе взаимного уважения культурного, исторического и иного своеобразия.

В свою очередь, как отмечает Ю. Войновска-Радзинска, размышления о защите прав женщин следует начинать с вывода о том, что положения, содержащиеся во Всеобщей декларации прав человека (все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах, каждый имеет право использовать все провозглашенные свободы и права независимо от каких-либо различий, в том числе гендерных), не стали реальностью. Несмотря на существование различных документов, посвященных международной защите прав, женщина по-прежнему страдает от дискриминации по признаку пола [Wojnowska-Radzińska, 2013].

Минувший XX в. был действительно переломным в решении вопросов политических прав женщин во всем мире. Именно в этот период равенство мужчин и женщин стало принципом международного права, зафиксированным в Уставе ООН и многих международных конвенциях, обрело конституционное закрепление практически во всех странах мира. Важно также, что впервые в ряде стран были оформлены смежные правовые институты: предоставления женщинам равных избирательных прав, защиты от дискриминации по половому признаку, права доступа на государственную службу и права обучаться в любых образовательных учреждениях, права на равную с мужчинами оплату и равное материальное обеспечение за одинаковый труд, равные с мужчинами права в браке и после его расторжения, недопущения насилия в отношении женщин и др.

Вероятно, XXI в. можно будет назвать веком гендерной стратегии, поскольку после XX в., века гендерной революции, когда произошел настоящий переворот в мире правовых ценностей, закрепивший равенство мужчин и женщин в большом количестве важнейших международных правовых актов, новая эра третьего тысячелетия вывела на арену «мягкие» силы, способствующие распространению в мире гендерного равенства в тех сферах, где женщины исторически подавлялись и находились под властью мужчин в силу многовековой расстановки администрирования: кинематографе и искусстве, бизнес-управлении и секретариате, науке и т. д. Именно в третьем тысячелетии различные неправительственные организации и движения, деятели политики, науки и искусства, представляющие «мягкую» силу, обратили внимание на различные теневые стороны гендерной проблемы, поскольку, несмотря на формальную легализацию равенства мужчин и женщин, вопросы в этой области еще достаточно далеки от их полного разрешения. При этом лейтмотивом всех проблем, связанных с правами женщин, так или иначе выступает недостаточность одной нормативно-правовой базы для устранения всех форм дискриминации в отношении женщин. Многовековое развитие человеческой цивилизации по патриархальному типу, разумеется, не может быть преобразовано в гармоничное даже за несколько десятилетий, поскольку для обретения женщинами действительно реального равенства во всех сферах жизни необходимо, помимо его легального закрепления, изменение старого патриархального мышления, *de facto* препятствующего действию существующих правовых норм.

С точки зрения исторического, формально-логического и сравнительно-правового подходов в каталоге зарождения и развития защиты прав женщин можно теоретически выделить несколько формаций, т. е. определенных исторических

промежутков, которые охарактеризовались существенными достижениями в гендерной политике и объективировались в международные правовые акты или иные значимые документы. Так, с сугубо правовой точки зрения до принятия Всеобщей декларации прав человека говорить о появлении прав женщин как обособленного гражданского и политического права не представлялось возможным, поскольку сама система общепризнанных принципов и норм стала формироваться после создания ООН в 1946 г. с закреплением их в Уставе ООН.

Состоявшаяся еще в 1993 г. Всемирная конференция по правам человека стала свидетелем результата усилий правозащитников во всем мире, направленных на то, чтобы положить конец историческому игнорированию нарушений прав человека в отношении женщин. Действительно, права человека-женщины были, пожалуй, единственной областью, в которой данная конференция столкнулась с проблемой определения перспективной повестки дня через двадцать пять лет после последней Всемирной конференции по правам человека. Конференция значительно расширила международную повестку дня в области прав человека, включив в нее нарушения по половому признаку [Sullivan, 1994].

Итак, по нашему мнению, можно выделить следующие формации в развитии гендерной защиты прав.

1946—1952 гг. — этап с момента принятия Устава Организации Объединенных Наций до принятия под ее эгидой важнейшего международного правового акта — Конвенции о политических правах женщин. Это начальная формация становления каталога прав женщин.

1952—1957 гг. — формирование под эгидой ООН международной повестки по правам женщин, в частности, 24 июля 1957 г. Экономический и социальный совет ООН принял резолюцию 652 «Доклад комиссии по правам женщины», а 29 января 1957 г. была подписана важнейшая Конвенция о гражданстве замужней женщины, ставшая ступенью «архитектурной башни» женских прав.

1957—1979 гг. — принятие Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, ознаменовавшей собой новую эру в развитии гендерного каталога, и всплеск поистине революционного феминистического движения.

1979—1999 гг. — принятие Факультативного протокола о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

1999—2000 гг. — принятие Декларации тысячелетия под эгидой ООН, признавшей необходимость продолжения усилий государств в реализации принципа равноправия мужчин и женщин.

2000 г. — настоящее время — формация, в которой гендерные права и гендерная политика стали получать закрепление в рамках крупных региональных международных организаций и объединений, включая Европейский союз и Совет Европы.

С этим связан и второй мощный рывок — юридическое закрепление прав равенства мужчин и женщин в высших документах — конституциях государств. Именно соблюдение принципа равенства прав и свобод мужчин и женщин выступает индикатором состояния равенства в обществе. Равенство мужчин и женщин — это социально-правовое явление, характеризующее существующие общественные отношения и отражающее степень одинакового значения субъектов

для общества и государства, наличие у граждан равных прав, свобод и обязанностей, а также возможностей для их реализации вне зависимости от признака пола [Анисимова, 2013].

Во-многих конституциях государств подобный принцип в том или ином объеме имплементирован (например, в Конституциях Республики Беларусь, Социалистической Республики Вьетнам, Китайской Народной Республики, Основном законе Федеративной Республики Германия, Конституции Республики Мальдивы и др.). При этом характерной чертой государственной политики в отношении женщин в государствах постсоветского пространства является наличие специальных законодательных актов, направленных на обеспечение равных прав и возможностей мужчин и женщин. В числе такого рода законодательных актов возможно обозначить Закон Республики Казахстан от 8 декабря 2009 г. № 223-IV ЗРК «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин», Закон Азербайджанской Республики от 10 октября 2006 г. № 150-IIIГ «Об обеспечении гендерного (мужского и женского) равенства», Закон Кыргызской Республики от 4 августа 2008 г. № 184 «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин», Закон Республики Молдова от 9 февраля 2006 г. № 5-XVI «Об обеспечении равных возможностей для женщин и мужчин».

Таким образом, мы можем сделать вывод: только пройдя многовековое развитие, общество согласилось установить правовую норму о равенстве мужчин и женщин, а значит, юридически признать, что набор объективных правомочий, достигнутый мужчинами в обществе, в полном и тождественном виде, без изъятий государство предоставляет и женщинам.

Как отмечают исследователи, нельзя отрицать, что по сей день в различных частях мира женщины находятся в неблагоприятном положении с точки зрения соблюдения наиболее важных прав человека, включая право на жизнь и личную неприкосновенность. В данном случае одна из серьезных проблем — наличие практически во всех современных обществах разделения реализации гендерных прав на две сферы: публичную и частную. В связи с этим во многих странах нарушения прав женщин рассматриваются как личная проблема, в которую государство не должно вмешиваться [Раянова, 2013]. Такой подход основан на противопоставлении в рамках либерализма сферы публичного и сферы частного и предполагает минимальное вмешательство в сферу частного [Engle, 1992; Воскобитова, 2017].

Таким образом, и в правовом, и в философском понимании реализации обязанности государства участвовать в обеспечении равноправия женщин есть дилемма: государство предоставляет или гарантирует данную норму?

В том-то и дело, что защита прав женщины как результат гендерной политики получила свое оформление не только в результате отсутствия либо официального непризнания данной нормы в государстве. Наоборот, признавая равенство мужчин и женщин на конституционном уровне, т. е. *de jure*, *de facto*, женщины в силу воздействия исторически сформированных стереотипов и социальных деструктивных моделей практически дискриминируются в самых разных сферах бытия: от продвижения по карьерной лестнице и оплаты труда соответствующей квалификации до подавления личностного роста с помощью

навязывания нравственных клише, в которых роль женщины намеренно принижается и ограничивается.

Ученые-юристы отмечают, что на сегодняшний день в правовой доктрине представлены две базовые модели равенства — формального равенства и равенства содержательного. Концепция формального равенства исходит из необходимости равного обращения с равными субъектами. В свою очередь, концепция содержательного равенства сфокусирована на обеспечении равенства результатов [Подоплелова, 2018].

По нашему мнению, в настоящее время по крайней мере в большинстве европейских государств существует базовая правовая модель гендерной защиты. К ее важнейшим элементам относятся:

— юридическая опора на общепризнанный принцип равенства мужчин и женщин, являющийся одновременно императивным принципом международного права, который имеет для государств общеобязательную юридическую силу;

— конституционное отражение данного принципа, а значит, и признание высшего характера данной нормы, ее огромной значимости для общества, государства, граждан;

— предоставление женщинам юридических гарантий защиты их статуса на законодательном уровне при возникновении социальной уязвимости (рождение ребенка и его воспитание, выход на работу после отпуска по уходу за ребенком, материальная поддержка матерей-одиночек и т. д.);

— комплексный характер предоставляемой женщинам защиты, необходимый для поддержания юридического базиса закрепленных норм на уровне общественного сознания и бытия. Без признания недискриминационного положения женщины на социально-бытовом уровне никакие юридические гарантии не будут иметь действенный характер;

— оформление социального сопротивления дискриминации женщин — идеологии феминизма и феминистических движений, которые требуют отдельного исследования, но для правовой модели гендерной защиты имеют очень важное значение, поскольку подобная реакция женщин на дискриминацию с правовой, социальной и психологической точек зрения свидетельствует о довольно высокой степени зрелости общества, его «продвинутости» в вопросах гендерной политики и ее практической реализации;

— появление, пусть и разрозненных, мер ответственности за отдельные нарушения прав женщин — в настоящее время самое крупное достижение гендерной политики в юридическом плане.

Таким образом, гендерная защита является одним из важных достижений в эволюции каталога прав человека. В повестке третьего тысячелетия гендерная защита с уровня формально-юридического закрепления должна перейти на уровень повсеместной и комплексной практической реализации. Причем, по нашему мнению, для формирования эффективной практической реализации необходима просветительская и научная работа по всеобъемлющим вопросам гендерного равенства. Такие аспекты следует внедрить в политологические, социологические, философские, правовые исследования.

Итак, юридический контекст правопонимания, а значит, правильной всеобъемлющей реализации прав женщин невозможен без установления и укрепления

в государстве и обществе адекватного экономического, социального, психологического, бытового восприятия этих прав как неотъемлемых и неотчуждаемых, принадлежащих всем женщинам от рождения независимо от расы, национальности, культуры, а не привнесенных веяниями цивилизации и политики. Исходя из этого развитие каталога прав человека применительно к гендерной проблематике в третьем тысячелетии невозможно только в международно-правовом и законодательном русле, подобное развитие и совершенствование в настоящее время должно носить синергетический характер, т. е. иметь разноплановую опору и межотраслевой ракурс исследований.

Библиографический список

- Анисимова Л. В.* Соблюдение прав женщин в единстве с правами и основными свободами // Омбудсмен. 2013. № 1. С. 42—47.
- Воскобитова М. Р.* Подходы Европейского суда по правам человека к рассмотрению дел о домашнем насилии в отношении женщин // Международное правосудие. 2017. № 1. С. 85—95.
- Подоплелова О. Г.* Гендерные стереотипы в конституционном праве России: ловушка «особого отношения»? // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 3. С. 73—91.
- Раянова К.* Развитие института за права на жените — взаимодействие между международным и национальным правом // Научни трудове на Русенския университет. 2013. Т. 52, сер. 7. С. 253—254.
- Engle K.* International human rights and feminism: when discourses meet // Michigan Journal of International Law. 1992. Vol. 13, iss. 3. URL: <https://repository.law.umich.edu/mjil/vol13/iss3/1> (дата обращения: 14.06.2019).
- Gender and International Human Rights Law. 2005. URL: <http://www.lac.org.na/projects/grap/Pdf/inthrgender.pdf> (дата обращения: 15.06.2019).
- Hernández-Truyol B. E.* Women's rights as human rights — rules, realities and the role of culture: a formula for reform // Brooklyn Journal of International Law. 1996. Vol. 21, № 605. URL: <http://scholarship.law.ufl.edu/facultypub/511> (дата обращения: 14.06.2019).
- Holt R.* Women's Rights and International Law: the Struggle for Recognition and Enforcement. 1991. URL: <https://cjgl.cdrcs.columbia.edu/article/womens-rights-and-international-law-the-struggle-for-recognition-and-enforcement/> (дата обращения: 14.06.2019).
- Human Rights in the Administration of Justice: a Manual on Human Rights for Judges, Prosecutors and Lawyers. 2008. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/training9add1.pdf> (дата обращения: 15.06.2019).
- Human Rights of Women: the Beijing Platform for Action Turns 20. URL: <http://beijing20.unwomen.org/en/in-focus/human-rights> (дата обращения: 15.06.2019).
- Kornaś A.* Prawa kobiet muzułmańskich w europejskim systemie ochrony praw człowieka. 2015. URL: <https://journals.umcs.pl/szn/article/download/2101/1553> (дата обращения: 14.06.2019).
- Medina B.* Domestic human rights adjudication in the shadow of international law: the status of human rights conventions in Israel // Israel Law Review. 2017. Vol. 50, № 3. P. 331—388.
- Nagel K.* Human rights and the law of human rights: a positive legal regulation of an ontic reality // Adam Mickiewicz University Law Review. 2014. Vol. 3. P. 213—227.

- Pauw M. de. Women's rights: from bad to worse?: assessing the evolution of incompatible reservations to the CEDAW Convention // *Utrecht Journal of International and European Law*. 2013. Vol. 29, iss. 77. P. 51—65.
- Slye R. International law, human rights beneficiaries, and South Africa: some thoughts on the utility of international human rights law // *Chicago Journal of International Law*. 2001. Vol. 2, № 1. URL: <http://digitalcommons.law.seattleu.edu/faculty/602> (дата обращения: 14.06.2019).
- Subedi S. P. The universality of human rights and the UN human rights agenda: the impact of the shift of power to the East and the resurgence of the BRICS // *Indian Journal of International Law*. 2015. Vol. 55, iss. 2. P. 177—207.
- Sullivan D. Women's human rights and the 1993 World Conference on Human Rights // *American Journal of International Law*. 1994. Vol. 88, iss. 1. P. 152—167.
- Wojnowska-Radzińska J. Ochrona praw kobiet w systemie Rady Europy. 2013. URL: http://ssp.amu.edu.pl/wp-content/uploads/2014/03/SSP_2013_4_037-052.pdf (дата обращения: 14.06.2019).
- Women's Rights are Human Rights. 2014. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Events/WHRD/WomenRightsAreHR.pdf> (дата обращения: 15.06.2019).
- Wuerth I. B. International law in the post-human rights era // *Texas Law Review*. 2017. Vol. 96, iss. 2. URL: <https://ssrn.com/abstract=2947771> (дата обращения: 14.06.2019).

References

- Anisimova, L. V. (2013) Sobliudenie prav zhenshchin v edinstve s pravami i osnovnymi svobodami [Respect for women's rights in unity with rights and freedoms], *Ombudsmen*, no. 1, pp. 42—47.
- Engle, K. (1992) International human rights and feminism: when discourses meet, *Michigan Journal of International Law*, vol. 13, iss. 3, available from <https://repository.law.umich.edu/mjil/vol13/iss3/1> (accessed 14.06.2019).
- Gender and International Human Rights Law* (2005), available from <http://www.lac.org.na/projects/grap/Pdf/inthrgender.pdf> (accessed 15.06.2019).
- Hernández-Truyol, B. E. (1996) Women's rights as human rights — rules, realities and the role of culture: a formula for reform, *Brooklyn Journal of International Law*, vol. 21, no. 605, available from <http://scholarship.law.ufl.edu/facultypub/511> (accessed 14.06.2019).
- Holt, R. (1991) *Women's Rights and International Law: The Struggle for Recognition and Enforcement*, available from <https://cjgl.cdrs.columbia.edu/article/womens-rights-and-international-law-the-struggle-for-recognition-and-enforcement/> (accessed 14.06.2019).
- Human Rights in the Administration of Justice: A Manual on Human Rights for Judges, Prosecutors and Lawyers* (2008), available from <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/training9add1.pdf> (accessed 15.06.2019).
- Human Rights of Women: The Beijing Platform for Action Turns 20* (1995), available from <http://beijing20.unwomen.org/en/in-focus/human-rights> (accessed 15.06.2019).
- Medina, B. (2017) Domestic human rights adjudication in the shadow of international law: the status of human rights conventions in Israel, *Israel Law Review*, vol. 50, no. 3, pp. 331—388.
- Nagel, K. (2014) Human rights and the law of human rights: a positive legal regulation of an ontic reality, *Adam Mickiewicz University Law Review*, vol. 3, pp. 213—227.
- Pauw, M. de. (2013) Women's rights: from bad to worse?: Assessing the evolution of incompatible reservations to the CEDAW Convention, *Utrecht Journal of International and European Law*, vol. 29, iss. 77, pp. 51—65.

- Podoplelova, O. G. (2018) Gendernye stereotipy v konstitutsionnom prave Rossii: lovushka “osobogo otnosheniia”? [Gender stereotypes in the constitutional law of Russia: the trap of “special treatment”?], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 3, pp. 73—91.
- Raianova, K. (2013) Razvitie na instituta za pravata na zhenite — vzaimodeistvie mezhdu mezhdunarodnoto i natsionalnoto pravo [Development of the women’s rights institute — interaction between international and national law], *Nauchni trudove na Rusenskiia universitet*, vol. 52, book 7, pp. 253—254.
- Slye, R. (2001) International law, human rights beneficiaries, and South Africa: some thoughts on the utility of international human rights law, *Chicago Journal of International Law*, vol. 2, no. 1, available from <http://digitalcommons.law.seattleu.edu/faculty/602> (accessed 14.06.2019).
- Subedi, S. P. (2015) The universality of human rights and the UN human rights agenda: the impact of the shift of power to the East and the resurgence of the BRICS, *Indian Journal of International Law*, vol. 55, iss. 2, pp. 177—207.
- Sullivan, D. (1994) Women’s human rights and the 1993 World Conference on Human Rights, *American Journal of International Law*, vol. 88, iss. 1, pp. 152—167.
- Voskobitova, M. R. (2017) Podkhody Evropeiskogo suda po pravam cheloveka k rassmotreniiu del o domashnem nasilii v otnoshenii zhenshchin [European Court of Human Rights approaches to domestic violence cases against women], *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 1, pp. 85—95.
- Women’s Rights are Human Rights* (2014), available from <https://www.ohchr.org/Documents/Events/WHRD/WomenRightsAreHR.pdf> (accessed 15.06.2019).
- Wuerth, I. B. (2017) International law in the post-human rights era, *Texas Law Review*, vol. 96, iss. 2, available from <https://ssrn.com/abstract=2947771> (accessed 14.06.2019).

Статья поступила 23.09.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Каширкина Анна Анатольевна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения деятельности секретариата делегации Российской Федерации в Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия), Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, anna-kash@yandex.ru (Cand. Sc. (Law), Senior Researcher Fellow at the Department of Scientific Support of the Activities of the Secretariat of Russian Delegation in European Commission for Democracy through Law (Venice Commission), Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Морозов Андрей Николаевич — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела зарубежного конституционного, административного, уголовного законодательства и международного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, ccla1@izak.ru (Cand. Sc. (Law), Senior Researcher Fellow at the Department of Constitutional, Administrative, Criminal Law and International Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Woman in Russian Society

2020. No. 1. P. 17—28

DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.2

Женщина в российском обществе

2020. № 1. С. 17—28

ББК 60.542.2

DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.2

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСБАЛАНС ИЛИ РОСТ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА?

Л. Г. Титаренко

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь, larisa166@mail.ru

Беларусь занимает высокие места в мире по индексам гендерного равенства и гендерного разрыва, но практическое достижение равноправия женщин тормозится традиционными стереотипами и патерналистской риторикой. На примере сферы высшего образования продемонстрировано, что неплохие показатели гендерного равенства автоматически не приводят к преодолению гендерного дисбаланса, который поддерживается механизмами гендерного разделения труда и патерналистской социальной политикой. Делается вывод, что гендерное равноправие допускается, когда оно не препятствует интересам рынка. Массовизация высшего образования стимулирует гендерный дисбаланс, так как рынок труда не нуждается в большом количестве работников по ряду специальностей, выбираемых девушками.

Ключевые слова: гендерное равенство, индекс гендерного равенства, индекс гендерного разрыва, гендерные стереотипы, гендерный дисбаланс, высшее образование, гендерный рынок труда.

GENDER IMBALANCE OR GROWTH OF GENDER EQUALITY?

L. G. Titarenko

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, larisa166@mail.ru

Belarus ranks high in the world gender equality index. However, this does not mean that in practice gender balance has been already achieved. The process is hampered by traditional stereotypes and paternalistic rhetoric. The goal of the article is to demonstrate the gender imbalance that first of all appears as an unexpected consequence of growth of the number of women in the sphere of the higher education. This sphere is considered to be among the most advanced in gender equality, however, mass higher education available for all who can pay

stimulates gender imbalance among the graduates: most of them are women. They cannot find proper employment because of imbalance between the number of women-graduates and the market demands for the most popular “feminist” professions: pedagogical, humanitarian, economic, juridical and the like. This phenomenon generates new social problems and produces new gender inequalities. A second sphere of visible gender imbalance is labor market. Gender imbalance is maintained by the continuing gender division in the labor market and the existence of the so called “glass ceiling”. Third, gender imbalance exists in family domain where social policy provides several benefits to women stimulating their roles as mothers. The official rhetoric disseminated by the state media and the socialization mechanisms imposes the idea that the main task of every woman is to deliver babies. This way women are considered as active subjects only in demographic sphere of a society. On the basis of statistical analysis, the author concludes that the growth of gender equality takes place only if it does not interfere with the interests of the market economy. However, the mass higher education stimulates gender imbalance, and the labor market does not need a large number of specialists in a number of specialties chosen by women. The country’s economic priorities differ in practice with the official social policy in regard to gender, they generate new types of gender inequality. The achieved high ranks in women’s life expectancy, education and number of seats in the parliament does not automatically provide gender balance. This situation is not completely specific for Belarus. On the contrary, it is common. Market interests are an insurmountable barrier for the paternalistic social policy everywhere in the world. Belarusian state itself plays in the market and strives to achieve economic profit more than to achieve gender equality in the everyday life.

Key words: gender equality, Gender Equality Index, Global Gender Gap Index, gender stereotypes, gender imbalance, higher education, gender labor market.

Постановка проблемы

Гендерное неравенство — одна из старейших форм социального неравенства, тесно связанная с другими его формами (материальной, этнической, расовой, религиозной и пр.). Так оно оценивается учеными в современном мире [Российский гендерный порядок... , 2007; Силласте, 2016; Коннелл, 2015]. Гендерное неравенство пронизывает социальную структуру общества вертикально, т. е. может иметь место в любых социальных подсистемах, включая образование и занятость, а также семью.

Республика Беларусь, провозгласив себя социально ориентированным государством в Конституции (1994 г.), выбрала эволюционный путь встраивания страны в рынок, при этом государство в значительной степени сохранило бесплатный набор социальных услуг и полный контроль над всеми социальными институтами. В наследство от СССР страна получила принцип гендерного равенства, перенесенный из советского законодательства в белорусскую Конституцию. Был взят курс на постепенное улучшение уровня и качества жизни населения, рост благосостояния и предоставление социальных гарантий всем гражданам. Поэтому основные социальные потребности масс и сегодня в значительной мере удовлетворяются не на рыночной основе, а оплачиваются из социальных фондов.

Женщины составляют в Беларуси более 53 % населения и почти 50 % работников, занятых в экономике, поэтому гендерное равенство — это практический

вопрос, а не только теоретический дискурс. Несмотря на большое внимание, которое обращает власть на гендерные отношения (борьба с домашним насилием, поддержка женщин-матерей), за годы постсоветского развития социально-экономическое неравенство полов не было преодолено. Гендерные стереотипы, сохранившиеся как анахронизм прежнего гендерного порядка, способствуют тому, что женщины в Беларуси по-прежнему зачастую рассматриваются в СМИ и повседневной жизни как слабый пол, требующий мужской защиты [Бурова, 2018: 163]. Функционирование и ретрансляция традиционных стереотипов загоняют и женщин и мужчин в устаревшие нормативные рамки поведения, препятствующие их свободному развитию. При значительном вовлечении в общественное производство женщины вынуждены выполнять предписанные им второстепенные социальные роли. Увеличение женской занятости — это тип феминизации, который в Беларуси приводит не к возрастанию социальной роли женщин в обществе, а к росту эксплуатации их труда и дискриминации. В настоящее время женщины зарабатывают меньше по сравнению с мужчинами. Гендерный разрыв в оплате труда, учтенный в международных индексах, равен 25,3 %, а по последним данным белорусской статистики, — 27,3 % [Гендерный разрыв... , 2019], из которых только 3 %, по оценкам Всемирного банка, можно объяснить наблюдаемыми различиями между женщинами и мужчинами. Какая-то доля этого разрыва может быть обусловлена сохранением гендерной дискриминации [Кремер, 2018]. Гендерный дисбаланс, проявляющийся как неравный доступ женщин и мужчин к принятию решений, неравенство в экономической занятости и образовательной сфере, сохраняется.

В XXI в. Беларусь продвинулась дальше стран — соседей по СНГ в решении гендерных проблем. В Беларуси осуществляются многолетние национальные планы действий по обеспечению гендерного равенства. В плане, разработанном на 2017—2020 гг., имеется раздел «Расширение экономических возможностей женщин и мужчин». В нем предложен список государственных мер и акций, направленных на содействие в трудоустройстве женщин и развитии женского предпринимательства. Реализуются планы и мероприятия по экономическому продвижению женщин в бизнесе.

Достижения гендерной политики Беларуси, измеренные в показателях индекса гендерного разрыва в 2018 г., вывели страну на 28-е место среди 144 стран [Global Gender Gap Report... , 2019]. Индекс включает четыре показателя: продолжительности жизни, образования, возможностей в экономике, представленности в политике. В Беларуси ожидаемая при рождении продолжительность жизни женщин довольно высока по восточно-европейским меркам, причем женщины живут дольше мужчин на 11 лет (78,5 против 67,5 года). Ожидаемая продолжительность обучения у женщин выше, чем у мужчин (15,9 и 15,1 года соответственно). Женщины достигли более высокого уровня образования. Среди работающих в организациях Беларуси женщин каждая третья имеет высшее образование, каждая четвертая — среднее специальное. С 2016 г. в Беларуси установлен рекомендуемый уровень участия женщин в парламенте (не ниже 30 %), хотя в рамках белорусских реалий это было сделать нетрудно и раньше: все зависело от политической воли лидера страны. Но в целом индекс представленности белорусок в политике самый низкий из четырех. Больше всего социальная

политика традиционно поддерживает женщин в области деторождения: президент страны возлагает на них большие надежды и рекомендует каждой родить троих детей, чтобы поднять рождаемость и остановить сокращение населения республики [Лукашенко... , 2018]. Сегодня матери могут пользоваться такой социальной поддержкой, как трехлетний отпуск по уходу за детьми (хотя его оплата в целом невысока). Женщинам гарантировано сохранение их рабочих мест после возвращения из декретного отпуска, матери с малолетними детьми имеют ряд льгот [О дополнительных мерах... , 2014]. Базовое медицинское обслуживание в Беларуси осталось бесплатным для всех, и женщины (особенно пенсионного возраста) пользуются этой социальной гарантией в полную меру.

Вышесказанное позволяет понять, почему по индексу гендерного разрыва Беларусь обогнала многие страны мира. По индексу гендерного равенства, рассчитываемому по трем показателям (охрана репродуктивного здоровья, гражданские права, возможности на рынке труда), Беларусь также на высоком месте — 31-м [Индекс... , 2018]. Создается впечатление, что гендерный баланс в обществе достигнут и социальная политика может быть направлена лишь на предоставление женщинам (особенно семейным) тех или иных дополнительных льгот, делающих их семейную и профессиональную жизнь еще более комфортной [Семья... , 2017]. В некоторых источниках гендерные достижения рассматриваются как одна из причин того, что в Беларуси самый низкий процент феминисток по сравнению с двумя соседними республиками — Россией и Украиной [В Беларуси... , 2012].

Однако проблема реализации гендерного равенства сложнее и многограннее, чем достижение некоторых, пусть и важных, показателей. Высокие индексы гендерного равенства, не сбалансированные другими мерами социальной политики, могут входить в противоречие с реалиями рынка и приводить к непредсказуемым социальным последствиям, которые общественное мнение трактует как аргумент против гендерного равноправия, якобы реализуемого за счет ущемления прав мужчин (им разрешен труд на вредных для здоровья работах, больничный лист по уходу за ребенком выдают неохотно и т. п.). На практике развивающийся рынок и его приоритеты противоречат патерналистской социальной политике в отношении женщин, а в ряде случаев приводят к результатам, которые ухудшают их положение в трудовой сфере [Соколова, 2011]. Эти противоречия не лежат на поверхности социальных процессов, они выявляются методом анализа статистики и социологических данных. Примечательно, что даже правительство Беларуси не скрывает таких нерешенных проблем, как «наличие гендерных стереотипов в сфере трудовых отношений, разрыв в оплате труда женщин и мужчин» [Заседание... , 2018].

Гендерный дисбаланс в сфере высшего образования

Корни гендерного неравенства в труде уходят в сферу образования. Согласно статистике, в советское время количество лиц с высшим образованием ограничивалось потребностями народного хозяйства, общее число студентов и специалистов определялось планом. Прием в вузы осуществлялся через вступительные экзамены. Все студенты учились за счет средств государственного бюджета, и число женщин-студенток было несколько ниже, чем число мужчин-

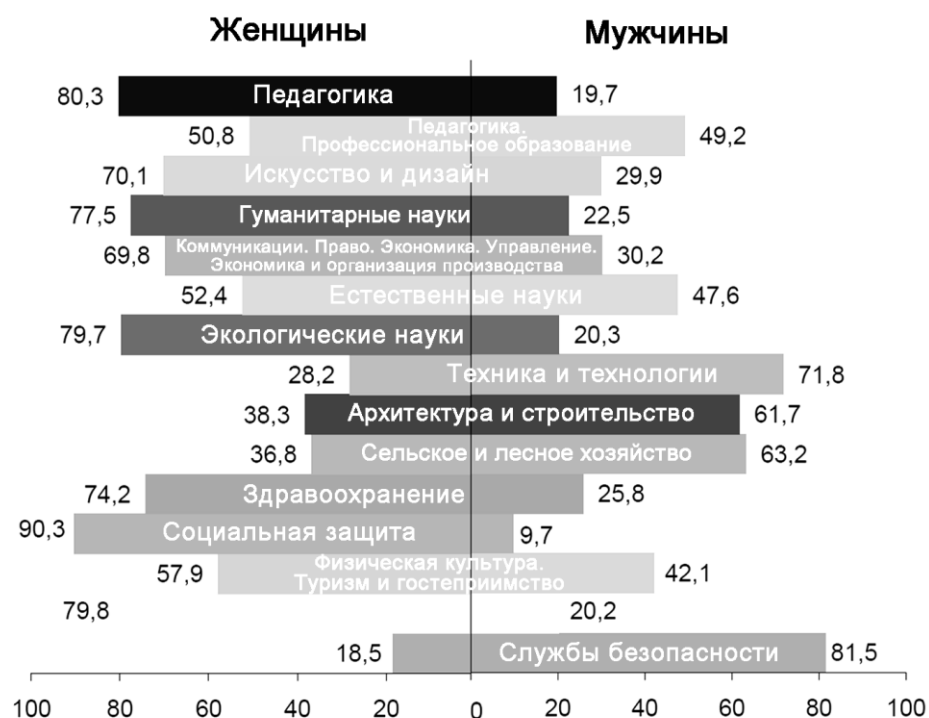
студентов. В стране пользовались популярностью инженерные специальности [Smolentseva et al., 2018: 10].

После 1991 г. в сферу высшего образования пришел рынок. С 1993 г. в Беларуси появилась платная форма обучения и открылись негосударственные вузы, в которые студенты могли поступить просто заплатив за свое обучение. Вступительные экзамены перестали играть роль отборочного сита. Начался резкий рост числа студентов вузов, а среди них — женщин. Мотивация наплыва женщин в сферу высшего образования была связана главным образом с двумя основными факторами.

Во-первых, в советском и постсоветском обществе существовало мнение, что высшее образование является социальным лифтом. Это мнение было обосновано западными теориями социальной стратификации, согласно которым высшее образование — важный показатель идентификации среднего класса, гарантирующий более престижную работу и более высокую зарплату, чем у работников физического труда, не имеющих высшего образования. Американский социолог Д. Белл в работе «Приход постиндустриального общества» привел обширную статистику, подтверждающую зависимость роста доходов от числа лет, затраченных на учебу [Bell, 1973]. Ни в советском, ни в постсоветском обществе аналогичной статистики не было, но аргумент считался доказанным, несмотря на огромные социально-экономические различия между США и СССР, а позднее постсоветскими странами.

Второй аргумент более адаптирован к восточно-европейским постсоветским реалиям. Он связан с тем, что для продвижения на рынке труда женщинам необходимо преодолеть намного больше препятствий, чем мужчинам, поэтому диплом о высшем образовании рассматривается как фактор, способствующий профессиональному росту и успеху. Там, где мужчина может достичь высокого профессионального статуса и получать хорошую зарплату без высшего образования, продвижение женщин часто невозможно. Диплом дает женщине хотя бы некоторую гарантию успешного трудоустройства и шанс на профессиональный рост. Поэтому высшее образование стало более престижным для женщин, чем для мужчин. В результате больше женщин заканчивают вузы и пополняют ряды работников с высшим образованием: они знают, что на рынке труда им надо иметь высокие стартовые позиции, чтобы достичь того, чего мужчины достигают и без диплома. Те выпускницы средних школ, у которых нет высоких амбиций или денег на оплату высшего образования, стремятся получить среднее специальное образование. В этой сфере женщины также преобладают. Поэтому год от года в стране становится больше женщин-специалистов с дипломом как о среднем специальном образовании, так и о высшем. По данным статистики, в 2016 г. из расчета на тысячу населения в возрасте 25—29 лет в Беларуси было 311 человек с высшим образованием (при этом 250 мужчин и 373 женщины), в возрастной группе 30—34 года — 284 человека (241 мужчина и 327 женщин) [Образование... , 2017: 24—25]. В последние годы, в условиях демографического спада, тенденция снижения уровня образования у мужчин молодого возраста нарастает, тогда как среди женщин имеет место обратная тенденция. Если в конце 2010 г. 25,4 % мужчин — работников организаций имели высшее образование, 22,6 % среднее специальное, 24,8 % профессионально-техническое

и 32,6 % общее среднее образование, то в 2016 г. соответствующие цифры изменились следующим образом: 24,6, 17,6, 25,1 и 27,3 %. Число мужчин с высоким уровнем образования (высшее и среднее специальное) снизилось с 48,0 до 42,2 %. Количество женщин с таким же уровнем образованием, работающих в организациях, за это время выросло на 6,1 % (с 56,2 до 62,3 %) [там же: 25]. Дисбаланс очевиден: уровень образования женщин намного выше уровня образования мужчин, тогда как соотношение их уровней дохода обратное: \$13 479 и \$19 592 [Human Development Report... , 2018: 43]. Большинство женщин получают дипломы по специальностям, которые традиционно рассматривались в советском обществе как «женские» и низкооплачиваемые (области педагогики, искусства и дизайна, гуманитарных наук, социальной защиты, здравоохранения). Часть женщин предпочитают обучаться профессиям, которые с 1990-х гг. стали престижными (право, экономика, экология), однако и в этом случае высокооплачиваемая работа не гарантирована из-за перепроизводства выпускников с такими специальностями. Мужчины сохранили приоритеты в технике, строительстве, сельском и лесном хозяйстве, сфере безопасности (рисунок). Сложилась ситуация, когда по ряду направлений обучения абсолютное большинство студентов составляют женщины. Но само получение диплома не гарантирует им равных возможностей с мужчинами на рынке труда.

Распределение специалистов — выпускников вузов, женщин и мужчин, по профилю образования в 2017 г., % [Образование... , 2017: 115]

Проблема усугубляется и тем, что сегодня в Беларуси более половины студентов обучаются на платной основе, а среди выпускников таких молодых людей 60 %, и большинство из них женщины [Образование... , 2019: 138, 141]. Количество платных мест значительно выше по «женским» специальностям, чем по техническим и инженерным, которые в основном выбирают мужчины. Значит, сначала семьи студенток вынуждены делать большие финансовые затраты на получение образования, а затем женщины-выпускницы не могут найти работу по полученной специальности, так как первое рабочее место предоставляется государством только выпускникам-бюджетникам. Выпускницы, обучавшиеся не за счет бюджета, часто находят работу, не соответствующую их специальности, тем самым обесценивая диплом, и даже трудятся на должностях, которые вообще не требуют высшего образования. При этом большинство выпускниц, приехавших учиться из сельской местности и маленьких городков в Минск и областные центры, там же и остаются, тем самым обостряя проблему гендерного дисбаланса между городом и селом, особенно остро стоящую среди молодежи. Практически начиная с 1990-х гг. в сальдо внутривнутристрановой миграции в города из сел преобладали женщины. Эта тенденция позднее лишь усугублялась. В результате «в сельской местности практически во всех трудоспособных возрастах мужчин больше, чем женщин» [Шахотько, 2011]. Сегодня молодежь в селах составляет менее 20 %, и мужчины по-прежнему преобладают, поскольку большинство девушек после окончания школы выезжают в город. Они не хотят исполнять традиционные гендерные роли и следовать гендерным стереотипам, надеясь на более широкие и разнообразные возможности, которые предоставляются в городах. По данным Европейского исследования ценностей в Беларуси в 2017 г., менее 20 % опрошенных женщин согласились, что в обществе по-прежнему доминируют традиционные роли женщин, тогда как более половины поддержали идею совмещения семейных ролей с оплачиваемой работой и разделение семейных обязанностей между мужчиной и женщиной [European Values Study... , 2017].

Гендерное неравенство и рынок труда

Гендерный дисбаланс легко проследить на белорусском рынке труда, который зависит от рынка образования. При этом в белорусских вузах сохраняются бюджетные места, в народном хозяйстве страны преобладают государственные предприятия, а также действует механизм обязательного трудоустройства выпускников-бюджетников: государство обязуется их распределять на первое рабочее место в соответствии с полученной специальностью. Результатом этого становится перенос гендерного дисбаланса из сферы образования в сферу реальной экономики. Получив образование по специальностям, заведомо менее престижным и низкооплачиваемым, женщины заполняют соответствующие ниши на рынке труда. Статистика свидетельствует, что женский рынок труда в Беларуси не меняется (таблица).

**Удельный вес женщин в численности работающих
в организациях различных сфер деятельности (2018 г.), % [Статистика... , 2018]**

Сфера деятельности	Удельный вес
Здравоохранение и социальные услуги	85,6
Образование	81,4
Финансы и страхование	74,8
Услуги по временному проживанию и питанию	72,2
Оптовая и розничная торговля	69,5
Творчество, спорт, развлечения и отдых	64,2
Наука и техника	57,4
Государственное управление	56,3
Информация и связь	44,8
Промышленность	42,2
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	39,4
Транспорт, складирование, почтовая и курьерская служба	36,3
Строительство	18,8

На рынке труда сохраняется действие механизмов «стеклянного потолка» и «липкого пола», которые затрудняют продвижение женщин по карьерной лестнице, рост их доходов. Даже в процессе трудоустройства имеет место гендерное неравенство: работодатель в каждой выпускнице заранее видит потенциально беременную женщину или молодую мать, без конца берущую больничные листы [Ковалевский, 2016]. Открытая дискриминация женщин запрещена белорусским законом, однако закон не гарантирует отсутствия негласной дискриминации в реальной жизни. По расчетам Всемирного банка, у женщин с высшим образованием, работающих в организациях, в два с половиной раза меньше шансов на получение руководящей должности, чем у мужчин. И это не потому, что настолько низок их профессиональный уровень: влияние гендерных стереотипов на работодателей по-прежнему сильно. Поэтому доля руководителей среди мужчин-служащих в Беларуси составляет 41 %, а среди женщин — 17 % [Кремер, 2018].

Такое положение дел сказывается на самосознании женщин. Даже среди женщин-ученых, как показала А. П. Соловей, преобладает тип женщин, одинаково ориентированных на профессиональную деятельность и семью (более 41 %), а женщин, ориентированных на науку и материальную независимость, значительно меньше [Соловей, 2019: 36]. На долю женщин в академической среде приходится лишь 23 % высоких должностей. Вряд ли это личный выбор женщин-ученых, скорее, результат социализации и воспитания, влияния СМИ, а также следствие социальной политики, которая рассматривает деторождение как основную функцию женщин. Тем не менее население республики продолжает уменьшаться, даже при некотором росте числа семей с двумя детьми. Молодое поколение женщин, социализированное в эпоху роста индивидуализма в мире, принимая на словах традиционные гендерные стереотипы, переинтерпретирует их на индивидуалистский лад. Как показали результаты проведенного нами опроса в 2019 г., семья позиционируется у большинства студенток как главная ценность, но чаще всего планируется рождение одного ребенка, ибо современные молодые девушки и юноши хотят иметь больше свободного времени для путешествий, развлечений, т. е. «жизни для себя».

Гендерный дисбаланс имеет место и в бизнесе. Рейтинговые показатели участия белорусских женщин в бизнесе выше средних по региону стран Европы и Центральной Азии, однако в Беларуси женщины реже, чем мужчины, открывают собственные компании или руководят ими. Ситуация в политической сфере неоднозначна. Несмотря на то что в настоящее время женщины занимают около 30 % мест в парламенте, на уровне исполнительной власти их роль сильно принижена. Нет ни одной женщины на должности заместителя премьер-министра страны, среди 24 отраслевых министров женщина всего одна. Такое представительство в исполнительной власти — в ряду самых низких в мире. Председатели большинства государственных комитетов и их заместители тоже мужчины, как и большинства региональных государственных комитетов [Кремер, 2018]. Это значит, что гендерный дисбаланс в доступе к принятию решений в Беларуси, несмотря на достигнутые показатели, не уменьшается.

Заключение

Гендерные показатели уровня образования и продолжительности жизни в белорусских реалиях за годы постсоветского развития изменялись в пользу женщин. Что касается уровня доходов, тенденция всегда была обратной: доход мужчин, как и их заработная плата, существенно выше дохода и оплаты труда женщин. Во-первых, данная ситуация отражает сложившийся в постсоветское время гендерный дисбаланс в образовании в пользу женщин, обусловленный желанием представительниц «слабого пола» пробить «стеклянный потолок» и занять профессиональные позиции, обеспечивающие более высокий доход и материальную независимость. Во-вторых, гендерный дисбаланс сохраняется на рынке труда, так как ряд профессий в постсоветском обществе традиционно считаются «женскими» и оплачиваются ниже, чем «мужские». Этот дисбаланс существует и в России [Сенашенко, Стручкова, 2019]. В-третьих, женщины по-прежнему имеют неравный доступ к принятию управленческих и политических решений в обществе, что связано с патерналистской гендерной политикой, рассматривающей женщину прежде всего как мать, обязанную рожать обществу детей. И хотя женщины на белорусском рынке труда крайне необходимы, им, как прежде, платят меньше, чем мужчинам, поскольку считается, что благосостояние женщин больше зависит от государственных льгот, чем от результатов их труда.

Сложившийся гендерный дисбаланс поддерживается механизмами социализации и средствами массовой пропаганды, воздействующими на все население. Тем не менее ценности молодого поколения белорусок, только вступающих в самостоятельную жизнь, изменяются в сторону гендерного равенства. В существующих условиях патерналистского подхода к женщине понадобится значительное время, чтобы эти ценности стали доминирующими, если власть сама не поймет, что данный подход далеко не самый перспективный для развития рыночной экономики. В глобальной экономической конкуренции сегодня выигрывают те страны, которые лучше интегрируют женщин в социально-экономическую жизнь и создают им оптимальные условия для развития лидерских качеств, проявления инновационности и творчества, высоко востребованных в современной экономике.

Библиографический список

- Бурова С. Н. Гендерные исследования в Беларуси: история, социальный контекст, персоны // Журнал Белорусского государственного университета. Сер.: Социология. 2018. № 1. С. 161—168.
- В Беларуси всего 4 % феминисток — наименьший процент из всех славянских стран экс-СССР // Onliner.by. 2012. URL: <http://dengi.onliner.by/2012/08/17/femin> (дата обращения: 15.05.2013).
- Гендерный разрыв. Зарплата женщин в Беларуси на четверть меньше, чем мужчин. А как в других странах? 2019. URL: <https://finance.tut.by/news645143.html> (дата обращения: 11.07.2019).
- Заседание Национального совета по гендерной политике при Совете министров Республики Беларусь 21 декабря 2018 г. 2018. URL: <http://www.mintrud.gov.by/ru/news> (дата обращения: 22.12.2018).
- Индекс гендерного равенства по версии ПРООН. 2018. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/gender-equity-index-un/info> (дата обращения: 23.05.2019).
- Ковалевский В. Гендер на рынке труда: почему женщинам платят меньше, а декрет так и не стал «папиным» отпуском. 2016. URL: <https://finance.tut.by/news487477.html> (дата обращения: 06.03.2016).
- Коннелл Р. В. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 432 с.
- Кремер А. Действительно ли Беларусь достигла успехов в обеспечении гендерного равенства? 2018. URL: <https://blogs.worldbank.org/ru/europeandcentralasia/has-belarus-really-succeeded-pursuing-gender-equality> (дата обращения: 07.08.2018).
- Лукашенко хочет по три ребенка от каждой семьи // Teleskop. 2018. URL: <http://teleskop-by.org/2018/11/05/lukashenko-hochet-po-tri-rebenka-ot-kazhdoj-belorusskoj-semi/> (дата обращения: 05.11.2018).
- О дополнительных мерах государственной поддержки семей, воспитывающих детей: указ Президента Республики Беларусь от 9 декабря 2014 г. № 572. 2014. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31400572&p1=1> (дата обращения: 15.10.2018).
- Образование в Республике Беларусь: статистический сборник. Минск: Нац. стат. комитет Республики Беларусь, 2017. 219 с.
- Образование в Республике Беларусь: статистический сборник. Минск: Нац. стат. комитет Республики Беларусь, 2019. 187 с.
- Официальная статистика. Численность населения на 1 января по областям Республики Беларусь. 2019. URL: www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika (дата обращения: 05.06.2019).
- Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. 306 с.
- Семья в Республике Беларусь. Минск: Нац. стат. комитет Республики Беларусь, 2017. 113 с.
- Сенашенко В. С., Стручкова Е. П. Образовательная модель — важный фактор влияния на сопряжение системы высшего образования и сферы труда // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 4. С. 9—20.
- Силласте Г. Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2016. 640 с.
- Соколова Г. Н. Социально-экономическое неравенство в Республике Беларусь: индикаторы и механизмы минимизации // Белорусский экономический журнал. 2011. № 1. С. 108—120.

- Соловей А. П. Социальное самочувствие женщин-исследовательниц в академической науке Республики Беларусь // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 1. С. 28—39.
- Статистика: больше всего женщин Беларуси занято в сферах здравоохранения, образования и оказания услуг. 2019. URL: <https://belretail.by/news/statistika-bolshevsego-jenschin-belarusi-zanyato-v-sferah-zdravoohraneniya-obrazovaniya-i-okazaniya> (дата обращения: 06.03.2019).
- Шахотько Л. П. Динамика численности и структуры населения Беларуси // *Демоскоп Weekly*. 2011. № 469—470. URL: demoscope.ru/weekly/2011/0469/index.php (дата обращения: 15.10.2018).
- Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: a Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books, 1973. 507 p.
- European Values Study 2017: Integrated Dataset. 2017. URL: <https://dbk.gesis.org/dbksearch/sdesc2.asp?ll=10¬abs=&af=&nf=&search=&search2=&db=e&no=7500> (дата обращения: 16.02.2019).
- Global Gender Gap Report 2018. 2018. URL: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2018> (дата обращения: 14.03.2019).
- Human Development Report 2018. 2018. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 14.05.2019).
- Smolentseva A., Huisman J., Froumin I. Transformation of higher education institutional landscape in Post-Soviet countries: from Soviet model to where? // *25 Years of Transformations of Higher Education Systems in Post-Soviet Countries: Reform and Continuity* / ed. by J. Huisman, A. Smolentseva, I. Froumin. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 1—44.

References

- Bell, D. (1973) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*, New York: Basic Books.
- Burova, S. N. (2018) *Gendernye issledovaniia v Belarusi: istoriia, sotsial'nyi kontekst, osoby* [Gender studies in Belarus: history, social context, persons], *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia Sotsiologiia*, no. 1, pp. 161—168.
- European Values Study 2017: Integrated Dataset (2017), available from <https://dbk.gesis.org/dbksearch/sdesc2.asp?ll=10¬abs=&af=&nf=&search=&search2=&db=e&no=7500> (accessed 16.02.2019).
- Gendernyi razryv. Zarplata zhenshchin v Belarusi na chetvert' men'she, chem muzhchin. A kak v drugikh stranakh? (2019) [Gender gap. The salary of women in Belarus is a quarter less than that of men. How about in other countries?], available from <https://finance.tut.by/news645143.html> (accessed 11.07.2019).
- Global Gender Gap Report 2018 (2018), available from <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2018> (accessed 14.03.2019).
- Human Development Report 2018 (2018), available from http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (accessed 14.05.2019).
- Konnell, R. V. (2015) *Gender i vlast': Obshchestvo, lichnost' i gendernaia politika* [Gender and power: Society, personality and gender policy], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kovalevskii, V. (2016) *Gender na rynke truda: pochemu zhenshchinam platiat men'she, a dekret tak i ne stal "papinym" otpuskom* [Gender in the labor market: why women are paid less, and the decree never became a "father's" vacation], available from <https://finance.tut.by/news487477.html> (accessed 06.03.2016).
- Kremer, A. (2018) *Deistvitel'no li Belarus' dostigla uspekhov v obespechenii gendernogo ravenstva?* [Is Belarus really successful in ensuring gender equality?], available from

- <https://blogs.worldbank.org/ru/europeandcentralasia/has-belarus-really-succeeded-pursuing-gender-equality> (accessed 07.08.2018).
- Obrazovanie v Respublike Belarus'*: Statisticheskiĭ sbornik (2017) [Education in the Republic of Belarus], Minsk: Natsional'nyĭ statisticheskiĭ komitet Respubliki Belarus'.
- Obrazovanie v Respublike Belarus'*: Statisticheskiĭ sbornik (2019) [Education in the Republic of Belarus], Minsk: Natsional'nyĭ statisticheskiĭ komitet Respubliki Belarus'.
- Sem'ia v Respublike Belarus'* (2017) [Family in the Republic of Belarus], Minsk: Natsional'nyĭ statisticheskiĭ komitet Respubliki Belarus'.
- Senashenko, V. S., Struchkova, E. P. (2019) *Obrazovatel'naia model' — vazhnyi faktor vliianiia na sopriazhenie sistemy vysshego obrazovaniia i sfery truda* [The educational model is an important factor in influencing the integration of higher education and the world of work], *Vysshee obrazovanie v Rossii*, vol. 28, no. 4, pp. 9—20.
- Shakhot'ko, L. P. (2011) *Dinamika chislennosti i struktury naseleniia Belarusi* [Dynamics of the number and structure of the population of Belarus], *Demoskop Weekly*, no. 469—470, available from demoscope.ru/weekly/2011/0469/index.php (accessed 15.10.2018).
- Sillaste, G. G. (2016) *Gendernaia sotsiologiia i rossiiskaia real'nost'* [Gender sociology and Russian reality], Moscow: Al'fa-M.
- Smolentseva, A., Huisman, J., Froumin, I. (2018) Transformation of higher education institutional landscape in Post-Soviet countries: from Soviet model to where?, in: Huisman, J., Smolentseva, A., Froumin, I. (eds) *25 Years of Transformations of Higher Education Systems in Post-Soviet Countries: Reform and Continuity*, London: Palgrave Macmillan, pp. 1—44.
- Sokolova, G. N. (2011) *Sotsial'no-ekonomicheskoe neravenstvo v Respublike Belarus': indikatory i mekhanizmy minimizatsii* [Socio-economic inequality in the Republic of Belarus: indicators and minimization mechanisms], *Belorusskiĭ ekonomicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 108—120.
- Soloveĭ, A. P. (2019) *Sotsial'noe samochuvstvie zhenshchin-issledovatel'nits v akademicheskoi nauke Respubliki Belarus'* [Social well-being of women researchers in the academic science of the Republic of Belarus], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 28—39.
- V Belarusi vsego 4 % feministok — naimen'shiĭ protsent iz vsekh slavianskikh stran èkc-SSSR (2018) [In Belarus, only 4 % of feminists — the smallest percentage of all the Slavic countries of the ex-USSR], *Onliner.by*, available from <http://dengi.onliner.by/2012/08/17/femin> (accessed 15.05.2013).
- Zasedanie Natsional'nogo soveta po gendernoĭ politike pri Sovete ministrov Respubliki Belarus' 21 dekabria 2018 g.* (2018) [The meeting of the National Council on Gender Policy under the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated December 21, 2018], available from <http://www.mintrud.gov.by/ru/news> (accessed 22.12.2018).
- Zdravomyslova, E., Temkina, A. (eds) (2007) *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podkhod* [Russian gender order: a sociological approach], St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Статья поступила 13.07.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Титаренко Лариса Григорьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь, larisa166@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Sociology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus).

Woman in Russian Society
2020. No. 1. P. 29—44
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.3

Женщина в российском обществе
2020. № 1. С. 29—44
ББК 74.484.4
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.3

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

И. Д. Горшкова^a, О. А. Мирясова^b

^a Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

^b Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, verdikt.o@gmail.com

Представлены результаты исследований, посвященных восприятию в вузовской среде гендерного неравенства в сфере социально-трудовых отношений в условиях оптимизации высшего образования и на фоне продолжающегося неотрадиционалистского наступления. Данные качественного исследования отражают ставшие более явными проблемы гендерного разрыва в оплате труда, «стеклянного потолка», недостатка учета потребностей работников с семейными обязанностями и пр. Количественный опрос фиксировал распространенность (не)соблюдения принципов гендерного равенства, дискриминационных практик на рабочих местах.

Ключевые слова: гендерное неравенство, высшая школа, равная оплата труда, «стеклянный потолок», работники с семейными обязанностями, профсоюзы.

GENDER INEQUALITY IN CURRENT RUSSIAN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

I. D. Gorshkova^a, O. A. Miryasova^b

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

^b Institute of Sociology, Federal Research Sociological Centre,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, verdikt.o@gmail.com

The article presents the results of studies on how gender inequality in the sphere of social and labor relations is recognized and perceived by University teaching employees against the background of the ongoing neotraditionalist crackdown and in the conditions of optimization of higher education (job cuts, fragmentation of rates, unstable employment, increased teaching load, bureaucratization, forced reduction of requirements for students in terms of per capita financing, the growing gap in the income of teachers and administration, the actual elimination of self-government in Universities, increased ideological pressure).

According to the qualitative data, Russian higher education optimization causes an aggravation of gender problems (gender pay gap, glass ceiling, lack of consideration of the needs of workers with family responsibilities, etc.), making them more visible for university employees. The level of decision-making is dominated by men, practicing hierarchical management model. In the hands of university managers there were sensitive issues of managing financial resources, building incentive systems, personnel policy, the solution of which often (arbitrarily or involuntarily) turns out to be gender-discriminating / blind.

Survey results indicate that the equality principles between men and women in higher education are only partially respected, and the majority of respondents recognize the problem of gender inequality as acute.

Key words: gender inequality, higher school, equal pay, glass ceiling, workers with family responsibilities, trade unions.

В фокусе внимания российских гендерных исследований высшей школы, динамично развивавшихся с середины 1990-х гг., довольно широкий спектр вопросов: недостаточная представленность женщин среди профессоров, руководителей научных и учебных подразделений на фоне феминизации сферы образования, объективные и субъективные причины гендерной асимметрии, «стеклянный потолок», трудности научно-педагогической карьеры женщин, сочетающих работу с семейными обязанностями в двухкарьерной семье [Беляева, Горшкова, 2000; Силласте, 2001; Беляева, Ермолаева, 2011]; гендерная политика вузов [Хасбулатова, 2002; Гендерные отношения... , 2003]; воспроизводство гендерных стереотипов через скрытый учебный план, консервативные педагогические практики и необходимость интеграции гендерных исследований в учебные и научно-исследовательские программы [Ярская-Смирнова, 2000; Гендерная экспертиза... , 2005; Рябова, 2005; Пушкарева, 2008]; дискриминирующие женщин предубеждения работников высшей школы [Мартынова, 2005; Семенова и др., 2016]. Вслед за обсуждениями зарубежных специалистов и на фоне прогнозов об ускоренном приближении цифровой эпохи стали активнее подниматься вопросы о недостаточном вовлечении женщин в образование, связанное с информационными технологиями, с инженерно-техническими и естественно-научными дисциплинами [Малышева, 2016; Калабихина, 2017; Савостина и др., 2017].

Однако в целом в последние годы гендерные исследования высшей школы ведутся не столь бурно, как 15—20 лет назад. Кроме того, текущий период отличается и общим неотрадиционалистским наступлением [Айвазова, 2017], и заметными негативными изменениями в положении вузовских работников в условиях оптимизации высшей школы — узко понимаемого повышения ее эффективности как экономии бюджетных средств без учета социально-экономических последствий. Ухудшение положения работников сферы образования фиксируется не только в РФ. Европейский комитет профсоюзов образования констатирует: государственный сектор — включая образование — утратил свою еще недавно защитную роль для женщин, поскольку проводимые в нем сокращения сталкивают в первую очередь женщин в трясину неустойчивой занятости с ограниченными гарантиями дохода, баланса между трудовой и семейной жизнью, снижают общий уровень условий труда женщин [Promoting Gender Equality... , 2014].

В этой связи представляет интерес, как в вузовской среде в условиях идеологических и кадровых изменений последних лет распознают и воспринимают гендерное неравенство в сфере социально-трудовых отношений. Возможность изучить этот вопрос предоставилась в рамках реализации двух проектов Конфедерации труда России¹, охватывавших работников из разных отраслей, в том числе высшей школы. Оба проекта², наряду с такими видами деятельности, как круглые столы, образовательные программы, региональные акции и пр., включали исследовательскую часть (интервью и опрос), одной из задач которой было изучение гендерных аспектов реализации трудовых прав. Собранные данные позволили выявить восприятие гендерного неравенства на рабочих местах и отношение к нему.

Методология

Исследование проводилось по смешанной (качественно-количественной) методологии. Подмассив данных по группе работников вузов включает 13 глубинных интервью из проекта о трудовых правах занятых в бюджетном секторе (2015—2016 гг.), 17 глубинных интервью и раздаточное анкетирование методом снежного кома (103 респондента) из проекта о положении работников с семейными обязанностями (2016—2017 гг.). Основные характеристики вузовской выборки таковы: 1) интервью — 60 % женщин, 40 % мужчин; до 35 лет — 27 %, 35—50 лет — 30 %, старше 50 лет — 43 %; 2) опроса — 68 % женщин, 32 % — мужчин; до 35 лет — 25 %, 35—50 лет — 44 %, старше 50 лет — 31 %. Место жительства — Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Иваново, Ханты-Мансийск. Участники исследования практически не подвергались проектному вмешательству по повышению гендерной чувствительности: они или не участвовали в образовательной программе, или участвовали в ней, но уже после проведения исследования.

Метод глубинного интервью был выбран с целью предоставления респондентам возможности свободно говорить на обозначенную тему, анализировать свой опыт и опыт своих знакомых, припоминать истории из жизни. Набор интервью прекратился, когда исследователи обнаружили стабилизацию мнений и выявили основной спектр практик и позиций. Выбранная тактика анализа

¹ Конфедерация труда России (КТР) — общероссийское объединение профсоюзов, действующее с 1995 г., насчитывает более 20 общероссийских и межрегиональных независимых профсоюзов из разных отраслей: транспортной, производственной, сферы услуг, образования, здравоохранения, культуры и др. В 2015 г. съезд КТР принял резолюцию о приверженности идеям гендерного равенства, демонстрируя намерение реализовывать в организации гендерную повестку [Gorshkova, 2015].

² «Анализ и продвижение успешных практик гражданской активности в образовательной и медицинской сферах через реализацию механизмов коллективной защиты трудовых прав работников бюджетного сектора и прав граждан Российской Федерации на доступное образование и медицинскую помощь» (ноябрь 2015 г. — сентябрь 2016 г.), Фонд президентских грантов, 2015 г.; «Анализ и пути преодоления барьеров в реализации социально-трудовых прав работников с семейными обязанностями. Разработка механизмов защиты прав работников с семейными обязанностями» (ноябрь 2016 г. — сентябрь 2017 г.), Фонд президентских грантов, 2016 г.

в целом соответствует тому, что в качественных исследованиях называется «история жизни».

Известны методологические ограничения [Zdravomyslova, Temkina, 2014], связанные с обсуждением вопросов гендерного равенства в полевом исследовании. Люди далеко не всегда осознают условия и проблемы своего существования, их понимание собственного положения часто ограничено идейными шорами, сформированными механизмами социализации, ненастроенностью гендерной оптики, структуры угнетения остаются невидимыми самим угнетенным. С другой стороны, исследователи гендерного неравенства вынужденно оказываются в активистской позиции, «заставляя» информантов/респондентов размышлять на тему справедливости общественных отношений и скрытых иерархий. Рефлексия на тему своего положения может приводить опрашиваемых к осознанию необходимости признания неравенства при отсутствии желания или возможности изменить диспозицию, и вызовом для исследования становится самозащита респондентов в виде непризнания собственной социальной уязвимости или доминирующего положения.

Оптимизация высшей школы глазами вузовских работников

В исследовании 2015—2016 гг. специальное внимание было уделено изменениям, которые в последние годы происходят в бюджетном секторе. Работники вузов указывали на значительный объем последствий оптимизации, негативно влияющих на преподавателей, педагогические коллективы и сферу образования в целом. Поскольку эти процессы не являются ведущей темой статьи, основные выводы приведены тезисно:

— вследствие уменьшения числа бюджетных мест, аудиторных часов, объединения кафедр и прочего происходит сокращение рабочих мест и увеличение нагрузки на оставшихся преподавателей, уход совместителей, совмещающих преподавание с основной занятостью (научная деятельность), владеющих современными знаниями;

— имеет место дробление преподавательских ставок (до 0,2—0,1 ставки) во имя номинального исполнения майских указов о повышении зарплат преподавателей до уровня двух средних зарплат по региону, при этом фактическая учебная нагрузка или сохраняется, или возрастает;

— распространяется неустойчивая занятость, нередко приобретая вид перманентного «испытательного срока» (годовые и даже десятимесячные трудовые договоры, произвол администрации при принятии решения о продлении срочного договора); заключаются гражданско-правовые договоры вместо трудовых (с отсутствием социальных гарантий, включая неоплату отпусков, больничных); женщины оказываются наиболее уязвимыми в случае беременности (трудовое законодательство запрещает увольнение работников, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, но это не распространяется на срочные трудовые договоры); при проведении конкурсов на замещение должностей не учитывается вынужденное отсутствие женщины на работе в период отпуска по уходу за ребенком, что сказывается на интенсивности научно-исследовательской и методической работы;

— растет бюрократизация (увеличивается количество отчетов, подразделений, контролирующих преподавателей, доминирует формальный подход к учебным программам, сокращение творческой составляющей, применение формальных показателей (регулярно пересматриваемых) оценки работы по наличию публикаций при отсутствии достаточных временных и материальных ресурсов для полноценной исследовательской работы);

— происходит ухудшение социального самочувствия преподавателей, падение удовлетворенности своей работой, в том числе из-за невозможности влиять на формирование учебных программ, отсутствует общественное обсуждение образовательной политики учреждения;

— подушевое финансирование приводит к вынужденному снижению требований к учащимся (в частности, распространены неформальные ограничения при выставлении неудовлетворительных оценок на экзаменах ради сохранения численности студентов);

— нарастает разрыв в доходах преподавателей и доходах ректоров и высших должностных лиц администрации;

— в высшей школе фактически ликвидировано самоуправление (многие вузы в РФ лишены права избирать ректоров, отменяется выборность руководителей подразделений, в ученых советах все большую роль играют представители администрации);

— наблюдается усиление идеологического давления, преследования активистов независимых профсоюзов;

— Министерство науки и высшего образования отказывается выполнять роль арбитра (ссылаясь на университетскую автономию, ведомство не принимает меры по жалобам преподавателей и в то же время устанавливает бюрократические требования, увеличивающие нагрузку на работников);

— вузы, не попавшие в программу Топ-100, испытывают острый недостаток финансирования, который приводит к закрытию вузов (или филиалов) в небольших городах, что ухудшает доступ к высшему образованию части жителей и приводит к миграции молодежи в мегаполисы.

Реализация в профессии: ограничения для женщин

Интервьюируемым предлагалось высказаться по достаточно широко и нейтрально сформулированным вопросам о положении женщин в вузах. Многие участники делились своими спонтанными мнениями и наблюдениями, вполне соответствующими гендерной повестке женского движения: о предубеждениях в оценке возможностей профессиональной самореализации преподавательниц, барьерах должностного роста, гендерном разрыве в оплате труда, проблемах с сочетанием семейных и профессиональных обязанностей и др. Однако из уст женщин звучали и традиционалистские суждения, в основном когда речь заходила о самых общих представлениях о месте профессии в жизни вузовских работников, их профессиональной (не)полноценности. Часть опрошенных постулировали второстепенную значимость женской профессиональной самореализации, объясняя это собственными предпочтениями.

Думаю, в обществе неравенство существует. Мое личное мнение — пусть муж работает и зарабатывает, это дело мужское. Женщине хватает и своих дел: дом, забота о детях (жен., г. Иваново).

У меня сын и дочь. Я считаю, что сын добьется больше, чем дочь, потому что он мальчик. Может быть, это субъективно, но вот такие у меня ощущения (жен., Московская обл.).

Мужчины-консерваторы прибегают к эссенциалистской аргументации, характеризуя существующее неравенство как само собой разумеющееся, предопределенное и неизменное состояние, хотя и декларируют приверженность идеалам равенства.

Существуют объективные биологические предпосылки, чтобы это неравенство было, и надо от этого плясать... Я за полное равенство, но оно не должно возводиться в абсолют (муж., г. Санкт-Петербург).

Однако большая часть респондентов критически относятся к циркулирующим в обществе (на уровне массового сознания и на институциональном уровне) представлениям о неполноценности женщин-профессионалов.

Бытующие коллективные предубеждения, как правило, проявляются в неформальной обстановке.

Не то чтобы люди хотели сознательно дискриминировать женщин или создавать преимущество мужчинам. Но есть стереотип, мол, женщина не может делать хорошую карьеру. Вроде как выбор: «либо ты — женщина, либо — ученый». Есть такая грубая шутка: женщина-ученый как морская свинка: и не морская, и не свинка... Даже в интеллигентных семьях жена будет рядом сидеть и хихикать над такими словами мужа (муж., г. Москва).

Но наиболее развернутыми и эмоциональными рассказами делились опрошенные, которые столкнулись в той или иной форме с практически открыто дискриминационной позицией руководства, представителей администрации вузов, выражавшейся, в частности, во всемерной поддержке преподавателей-мужчин и злоупотреблениях в отношении женщин, нежелании (и неготовности) сотрудничать с ними, в демонстративном игнорировании их потребностей.

Наш руководитель все время поддерживал мужчин — в профессиональном, должностном продвижении, в зарплате... На нашей кафедре все статусные привилегии, возможности достаются мужчинам. У нас с коллегой-женщиной была всегда очень большая нагрузка, которая очень часто потом приписывалась мужчинам... Раньше я никогда не считала, что у нас неравенство есть, потому что я по природе сама человек активный, но последние годы я вижу, что есть, и эта ситуация сохраняется (жен., г. Санкт-Петербург).

Работаю на кафедре... которую долгое время возглавлял... человек, обладавший совершенно патриархальными установками, которые проявлялись повсеместно. <...> Он просто не брал на кафедру женщин-преподавателей, считая, что они приносят конфликты, дразги, мелочные ситуации, которые не позволяют кафедрой качественно управлять (жен., г. Санкт-Петербург).

Проректор университета прямо на заседании комиссии по коллективным переговорам в ответ на наши предложения учитывать потребности сотрудниц заявил, что женщина вообще должна сидеть дома и воспитывать детей... (муж., г. Москва).

Если у преподавателей есть возможность сравнить гендерные режимы в разных вузах, то проблемы неравенства становятся более очевидными.

Работала в педагогическом вузе долгое время, где не замечала принципиальной разницы в положении мужчин и женщин. Да, там состав в основном женский, женщины руководили, но не потому что они преобладали. Людей оценивали по интеллекту, компетентности и нравственным качествам. Но здесь, в другом вузе, четко это есть — формальное, внутреннее, скрытое пренебрежительное отношение к женщинам. «Женщина должна работать, получать меньше, а мы за это ее уважать не будем». С женщинами меньше считаются, их мнение не авторитетно... К мужчинам более лояльное отношение, им <легче, чем женщинам> прощают какие-то огрехи (жен., г. Санкт-Петербург).

Судя по ответам респондентов, за последнее время такого рода дискриминационные практики не только не ослабли, но, наоборот, стали более открытыми. Гендерное неравенство становится еще более очевидным, когда речь заходит о сравнении конкретных условий работы женщин и мужчин. Для ряда опрошенных совершенно очевидно, что мужчины, работающие в вузах, получают более высокую реальную зарплату, чем коллеги-женщины на тех же должностях. Это объясняется возможностями непрозрачной системы индивидуального поощрения, нередко произвольно формируемой «под мужчин», и тем, что распределение дополнительных средств чаще всего бесконтрольно осуществляется руководителями-мужчинами.

Принцип, что за одну и ту же работу мужчина и женщина по ставке получают одинаковую заработную плату, можно обойти в любом вузе. Методы зачисления зарплаты, например в нашем государственном университете, достаточно туманные: регулирующего их документа фактически нет, существующий рамочный документ никак этот вопрос не разъясняет... В нашем университете существует строгая тарифная сетка по группам и категориям, но ничто не мешает руководству университета одной и той же должности приписывать разные категории в зависимости от пола работника. Например, на данный момент у нас есть 6 категорий доцентов с 6 разными окладами, и никто не знает, почему (муж., г. Иваново).

У вузов есть право самим устанавливать нормы, которыми определяются надбавки. Нормы формируют перечень показателей, которым нужно соответствовать, чтобы получить стимулирующую надбавку. Этот перечень формируется руководящей группой, состоящей из мужчин, которые исходят из своих представлений, и часто личных. «Есть у меня книжка на полке, значит, поощряем за книжки». Или: «У меня есть звание, значит, я введу показатели “звания”». У меня был доступ к перечню этих баллов, считаю, что это больше для мужчин, чем женщин (жен., г. Санкт-Петербург).

Не является секретом то, что заработная плата у сотрудников администрации, как правило, значительно выше, чем у профессорско-преподавательского состава. Неравенство в зарплате вузовских работников — женщин и мужчин — в сегодняшней ситуации представляется драматичным следствием гендерной асимметрии состава руководящих кадров и их окружения.

В вузах складываются определенные руководящие группы, которые и имеют доступ к материальным ресурсам, в том числе и опосредованно, через систему установления неких «норм». В окружении у руководителя — мужчины, они и получают больше (жен., г. Санкт-Петербург).

Руководящий состав у нас такой: ректор — мужчина, его прямой заместитель, друг и товарищ — мужчина, проректор по АХЧ — мужчина, проректор по науке — единственная женщина. В связи с оптимизацией проректора АХЧ сократили, но не убрали: стал главным инженером, так же сидит в кабинете ректора и получает ту же самую зарплату. А с женщинами расстаются гораздо легче, чем с мужчинами (жен., г. Екатеринбург).

Женщины по-прежнему имеют меньшие шансы получить более высокую должность, даже если не принимать в расчет такие сдерживающие факторы, как семейные обязанности, субъективные ограничения. Продвижение мужчин и игнорирование достижений женщин видится как вполне целенаправленная стратегия.

Мужчинам быстрее поручают работу, которая способствует именно карьерному росту, у них больше возможностей, чем у женщины, независимо от того, замужем она или нет, есть у нее дети или нет (жен., г. Екатеринбург).

Если продвигают «на кого-то», прежде всего, предложат мужчинам, а не женщинам... Хотя сегодня, когда говорят, что важны профессиональные успехи, публикации в международных журналах, которые входят в международные базы — вот у меня этого всего достаточно... у меня масса грантов... исследований, я эксперт в разных советах... т. е. объективно у меня много заслуг, но мне никогда и никто не предлагал стать руководителем кафедры (жен., г. Санкт-Петербург).

При этом отношение к женщинам-руководителям может отличаться повышенной предвзятостью.

Масса предрассудков относительно женщин на руководящих постах, не высказываемых, но существующих подспудно: что только стервы туда идут. Хотя по своему опыту могу сказать — ничего подобного. Когда я учился, у нас была замечательная ведущая кафедры, серьезный ученый (муж., г. Москва).

Однако наряду с внешними препятствиями проблемой для карьерного роста остаются самоограничения женщин, а также неоднозначное отношение к содержанию административной работы, особенно в нынешних условиях ее высокой бюрократизации, съедающей время на творчество, личную жизнь.

Я сочетала работу преподавателя с административной, но административная работа стала превращаться в невозможное количество переписываемой бумаги, и я поняла, что у меня нет времени не только на семью, но даже и на преподавание, и просто ушла оттуда (жен., г. Санкт-Петербург).

Оптимизация образования усиливает негативные тенденции в преподавательском корпусе непрестижных вузов с низкими зарплатами и слабым контингентом студентов. На занятость в таком вузе в первую очередь соглашаются женщины, лишенные серьезных профессиональных амбиций, нуждающиеся либо в социальных связях и статусе вузовского работника, либо в подработке, не требующей серьезной включенности в рабочий процесс.

На нашей кафедре есть две женщины: одной меньше 30 лет, другой около 40. Впечатление, что для них преподавание — это скорее хобби себе в удовольствие при обеспеченных мужьях. Другая группа — люди пенсионного возраста, для них эта работа — какая-никакая прибавка к пенсии и/или социальная востребованность, они будут работать за любые деньги «до последнего» (жен., г. Москва).

Характеризуя в целом умонастроения работников вузов, можно утверждать, что основные гендерные проблемы в высшей школе многими распознаются, в том числе благодаря тому, что оптимизация делает их более зримыми, а неравенство оценивается критически. Однако вузовские работники чаще скорее просто констатируют сложившийся порядок вещей, не ставя вопрос о его изменении или не испытывая оптимизма по этому поводу, оценивая свои возможности влиять на ситуацию как слабые.

Поиск баланса семья/работа и его влияние на гендерное равенство

Универсальной проблемой работающих женщин, в том числе преподавательниц, является необходимость сочетать профессиональные и семейные обязанности, особенно в части ухода за зависимыми членами семьи — детьми, престарелыми родственниками. Несмотря на то что особенности преподавательского труда (относительно гибкий график, возможность часть работы делать дома, длительные летние отпуска и пр.) создают дополнительные возможности для достижения баланса «работа — семья», в сравнении с преподавателями-мужчинами женщины испытывают трудности, из-за которых у них часто снижается продуктивность работы, замедляется должностной рост и падают доходы.

Женщина не может себе позволить ребенка оставить дома без внимания, а мужчина может, потому что... есть жена. Он может задержаться на работе... а женщина-коллега вынуждена уходить из-за ребенка (жен., г. Санкт-Петербург).

Всю жизнь работала с женщинами, знаю, что им приходится сложнее. Они больше сил тратят на работу, именно сил, в связи с тем, что им приходится совмещать ее с семьей. Мужчин, которые вынуждены напрягаться одновременно на работе и в семье, я видела меньше, скорее наоборот. У нас декан каждый день уходил домой обедать. Я не помню, чтобы у нас такие женщины-преподаватели были, у которых была бы такая возможность (жен., г. Екатеринбург).

При этом вузы редко принимают во внимание потребности работников с семейными обязанностями, а программы «привлечения молодых кадров» больше ориентированы на мужскую модель построения карьеры.

Является преподаватель родителем, воспитывающим ребенка в одиночку? На это абсолютно плюют и могут вбить в семестре по тридцать часов в неделю, люди будут, просто не поднимая головы, пахать семестр... Это для всех преподавателей может быть проблемой, но для преподавателей с детьми — особенно (муж., г. Екатеринбург).

Когда дети вырастут, уже поздно делать карьеру, упущено время. Можно, конечно, защитить докторскую. Пытаться пробиваться, но тут уже возрастной фактор начинает работать. При этом известна политика в Академии наук и высшей школе: «А давайте-ка увеличивать прослойку более молодых сотрудников» (жен., г. Санкт-Петербург).

Большинство опрошенных соглашались с тем, что решение проблемы сочетания семейных и профессиональных обязанностей и гендерного выравнивания условий труда может лежать в плоскости пересмотра ролей в семье, в большем вовлечении мужчин в домашний (неоплачиваемый) труд, хотя в российском обществе отцовские отпуска по уходу за ребенком и больничные еще рассматриваются как необычное явление.

Мужчина может взять отпуск по уходу за ребенком, больничный в случае болезни ребенка, но, как правило, в организациях, если он даже пытается, это воспринимается как экзотика и чудачество. Это проблема общественного сознания. Но такие вопросы нужно продвигать в коллективных договорах. Наверное, да, это как раз тот инструмент, который дает возможность хоть как-то проблемы смягчать (муж., г. Москва).

В целом проблематика распределения семейных обязанностей и связанных с этим диспропорций в возможностях реализации женщин и мужчин в профессии находит существенно большее понимание у вузовских работников, чем остальные аспекты гендерного неравенства. Далеко не все респонденты одобряют полное уравнивание родителей в обязанностях по воспитанию детей и ведению домашнего хозяйства, но признание негативного влияния материнства на карьеру женщины является общим местом.

Гендерная чувствительность и восприятие гендерного равенства

С помощью количественного опроса оценивалась распространенность (на уровне тенденции, учитывая небольшой объем выборки) проявлений гендерного неравенства, дискриминационных практик и пр. При этом следует принимать во внимание описанные ранее методологические ограничения, согласно которым ответы на вопросы о реальном гендерном (не)равенстве зависят от гендерной оптики опрошенных, что особенно сказывается на результатах формализованного исследования.

Широко сформулированный вопрос о том, актуальна ли проблема неравенства мужчин и женщин в трудовой сфере — по месту работы респондентов, разделил их практически поровну: 49 % женщин и 45 % мужчин признали наличие такой проблемы. Вопрос об отношении к суждению «идея равенства мужчин и женщин не сочетается с ценностями российского общества» обнаружил, что с ним согласны не более 10 % опрошенных независимо от пола. То есть на декларативном уровне идея равенства разделяется большинством. Преподавателей, полностью отрицающих проблему гендерного неравенства, оказалось немного: 9 % опрошенных утверждают, что все указанные в анкете принципы гендерного равенства (табл. 1) соблюдаются «всегда» (7 % работников с семейными обязанностями, 4 % женщин). Вместе с теми, кто дали более осторожный ответ «соблюдаются, как правило», оптимистов оказалось 38 %.

Если посмотреть на распределение ответов по каждому указанному принципу, то от 22 % до 46 % опрошенных готовы были утверждать, что они соблюдаются «всегда». Женщины более критичны при оценке равенства возможностей: реже всего (не более 20 %) они соглашались с безусловным наличием равных

возможностей для профессионального роста, равной оплаты и возможностей для выполнения семейных обязанностей.

Уверены в соблюдении принципа равных возможностей для профессионального роста мужчин и женщин «всегда» 26 % опрошенных, «как правило» — 51 %, а 14 % утверждают, что возможности «почти никогда не равны» (9 % затруднились ответить). Примерно такие же цифры — при ответах на вопрос о других типах и причинах неравенства. Так, 22 % считают, что у мужчин и женщин, работающих в вузе, «всегда» есть равные возможности для выполнения семейных обязанностей, 39 % — что они есть «как правило», 18 % — «почти никогда нет».

Таблица 1

Распределение ответов согласившихся с утверждением, что по месту работы всегда соблюдаются принципы гендерного равенства, %

Принципы гендерного равенства	Все респонденты (n = 103)	Работники с семейными обязанностями (n = 53)	Женщины (n = 66)
Мужчины и женщины имеют всегда:			
равные возможности для выполнения семейных обязанностей	22	22	20
равные возможности для профессионального роста	26	21	18
равную оплату за равный труд	28	23	19
возможность равного участия в процессах принятия решений	34	20	24
уважительное отношение вне зависимости от пола со стороны руководства	37	28	23
уважительное отношение вне зависимости от пола в коллективе	46	36	34

То, что проблема совмещения семейных и профессиональных обязанностей остается самой насущной, подтверждают ответы на открытые вопросы о поиске баланса «семья — работа» и возможных изменениях по месту работы, которые упростили бы достижение баланса. Именно на них респонденты отвечали наиболее охотно. Большинство ответов касаются трудностей в ситуации неготовности работодателя учитывать факт наличия детей. Основным пожеланием работодателю является учет мнения семейных работников при распределении учебных часов и составлении расписания.

Респондентам также были предложены конкретные примеры гендерного неравенства на рабочем месте, большинство из которых были сформулированы

«зеркально» — для женщин и для мужчин. Тем не менее большинство опрошенных если и отмечали случаи неравенства, то они касались ущемления прав именно женщин (табл. 2). Наиболее заметные проявления неравенства касаются самоограничения женщин, связанного с семейными обязанностями (49 % опрошенных женщин), и предпочтения работодателем мужчины перед женщиной при распределении должностей (47 % опрошенных женщин). При сравнении мнений мужчин и женщин видны существенные различия: мужчины реже признают наличие гендерного неравенства, ограничивающего женщин-коллег в возможностях профессионального роста.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос, наблюдаются ли дискриминационные практики в трудовом коллективе респондентов, %

Дискриминационная практика	Женщины (n = 66)	Мужчины (n = 37)
Женщина отказывается от новой должности ради выполнения семейных обязанностей	49	39
Мужчина отказывается от новой должности ради выполнения семейных обязанностей	3	12
В вопросах карьерного роста достойной женщине предпочитают мужчину только потому, что он мужчина	47	18
В вопросах карьерного роста достойному мужчине предпочитают женщину только потому, что она женщина	4	6
Женщин берут на работу с меньшей охотой, чем мужчин, и пытаются уволить в первую очередь	30	9
Мужчин берут на работу с меньшей охотой, чем женщин, и пытаются уволить в первую очередь	3	0
Женщины пытаются продемонстрировать свое превосходство за счет комментариев по поводу личных качеств мужчины, его внешности	4	15
Мужчины пытаются продемонстрировать свое превосходство за счет комментариев по поводу личных качеств женщины, ее внешности	20	6
Женщина уволилась после рождения ребенка, так как работодатель не был готов создавать условия для совмещения работы и материнства	19	18
Мужчина уволился после появления ребенка в семье, так как работодатель не был готов создавать условия для совмещения работы и отцовства	0	3
После возвращения из декретного отпуска сотруднице снизили зарплату или понизили ее в должности	19	18

Выводы

На декларативном уровне подавляющее большинство респондентов разделяют идею гендерного равенства, по крайней мере не видят никакого противоречия с базовыми ценностями общества (как они представляются опрошенным). Но гендерной чувствительностью, позволяющей замечать неравенство в повседневной жизни, обладает только примерно половина опрошенных преподавателей. Значительная часть работников вузов, прежде всего женщин, достаточно ясно распознают конкретные проявления гендерного неравенства в высшей школе. Это касается не только трудностей сочетания профессиональных и семейных обязанностей, но и вопросов оплаты труда, должностного роста, общих дискриминационных установок.

У вузовских работников-мужчин идеи эгалитаризма также находят поддержку, хотя и заметно меньшую, чем у женщин. Мужчины чаще обращаются к эссенциалистской риторике (о природе, предназначении женщины); они признают, что семейные обязанности существенным образом отражаются на успешности женщин в профессии, однако редко поддерживают их перераспределение внутри семьи.

Изменения, происходящие в вузах, в том числе оптимизация высшей школы, помимо общих негативных последствий вызывают обострение гендерных проблем, делая их более явными, главным образом из-за того, что на уровне принятия решений преобладают мужчины, практикующие иерархическую, жестко конкурентную модель управления. В условиях достаточной автономии вузов в руках вузовских управленцев оказались чувствительные вопросы распоряжения материальными средствами, система стимулирования сотрудников, кадровая политика, которые часто (вольно или невольно) оказываются гендерно-дискриминационными/слепыми.

Места сотрудников (и женщин, и мужчин), нацеленных на полноценную профессиональную самореализацию, но несогласных с предлагаемыми условиями труда (низкие зарплаты, повышенная учебная нагрузка, произвол в системе стимулирования, нереалистичные требования к публикационной активности и пр.), могут заполняться кадрами менее профессионально мотивированными. В числе таких кадров женщины, чьим жизненным приоритетом остается семья, забота о близких, что в конечном счете может усугублять стереотипные представления о профессиональной неполноценности женского труда.

Принимая во внимание тот факт, что негативные переживания по поводу неравенства вытесняются из сознания людей, достаточно высокая открытость и чувствительность к гендерным вопросам, которую продемонстрировали участники исследования, говорит об изменении дискурса образованного класса в направлении признания неравенства, несмотря на рост традиционалистских идей в официальной пропаганде. Драматичным выглядит тот факт, что признание гендерного неравенства как проблемы не сопровождается ясно выраженными намерениями бороться с несправедливостью.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Гендерный дискурс в поле консервативной политики // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4. С. 3—13.
- Беляева Г. Ф., Горикова И. Д.* Университетские женщины: социологический автопортрет: (по материалам социологических исследований, проведенных в 1998—1999 гг. в МГУ). М.: Изд-во МГУ, 2000. 75 с.
- Беляева Г. Ф., Ермолаева Е. О.* Женщины Московского университета: профессиональная карьера и семья // *Альманах современной науки и образования*. Тамбов: Грамота, 2011. № 5. С. 77—82.
- Гендерная экспертиза учебников для высшей школы / под ред. О. А. Ворониной. М.: МЦГИ: Солтэкс, 2005. 260 с.
- Гендерные отношения и гендерная политика в вузе: сборник статей / под ред. Е. Г. Трубиной, М. А. Литовской. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 358 с.
- Калабихина И. Е.* Новые подходы к измерению представленности женщин в STEM-образовании и STEM-занятости в России // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 1. С. 5—16.
- Мальшиева М.* Естественные и технические науки для женщин в XXI веке // *Народонаселение*. 2016. № 3. С. 76—85.
- Мартынова Т. Н.* Гендерные проблемы высшего образования // *Фундаментальные исследования*. 2005. № 1. С. 27—30.
- Пушкарева Н. Л.* Гендерная нейтральность или равнодушие?: (к итогам экспертизы учебной литературы по истории 1990—2000-х гг.) // *Женщина в российском обществе*. 2008. № 1. С. 48—71.
- Рябова Т. Б.* Гендерная экспертиза вузовских учебников по педагогике // *Женщина в российском обществе*. 2005. № 3—4. С. 7—18.
- Савостина Е. А., Смирнова И. Н., Хасбулатова О. А. STEM: профессиональные траектории молодежи: (гендерный аспект) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 3. С. 33—44.
- Семенова Л. Э., Чевачина А. В., Семенова В. Э.* Гендерные ориентиры педагогов высшей школы // *Современные проблемы науки и образования*. 2016. № 6. С. 487—495.
- Силласте Г.* Гендерная асимметрия в образовании и науке: взгляд социолога // *Высшее образование в России*. 2001. № 2. С. 96—106.
- Хасбулатова О. А.* Гендерная политика в сфере высшего образования в условиях социальных трансформаций // *Женщина в российском обществе*. 2002. № 2—3. С. 3—7.
- Ярская-Смирнова Е. Р.* Гендерное неравенство в образовании: понятие скрытого учебного плана // *Гендерные исследования*. 2000. № 5. С. 295—301.
- Gorshkova I. D.* Gender agenda in Russian Independent Trade Unions // *Differences, Inequalities and Sociological Imagination: View from Russia*. Moscow, 2015. P. 279—284.
- Zdravomyslova E., Temkina A.* Feminist reflections on fieldwork // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2014. № 6. P. 84—112.
- Promoting Gender Equality within Teacher Trade Unions and in the Teaching Profession Implementing and Reinforcing Teacher Trade Union Actions on Gender Equality in Times of Austerity / European Trade Union Committee for Education. Brussels, 2014.

References

- Aivazova, S. G. (2017) Gendernyi diskurs v pole konservativnoi politiki [Gender discourse in the field of conservative politics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Beliaeva, G. F., Ermolaeva, E. O. (2011) Zhenshchiny Moskovskogo universiteta: professional'naia kar'era i sem'ia [Moscow University women: professional career and family], *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, no. 5, pp. 77—82.
- Beliaeva, G. F., Gorshkova, I. D. (2000) *Universitetskie zhenshchiny: sotsiologicheskii avtoportret: (Po materialam sotsiologicheskikh issledovaniĭ, provedennykh v 1998—1999 gg. v MGU)* [University women: a sociological self-portrait: (Based on sociological studies conducted in 1998—1999 at Moscow State University)], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Gendernye otosheniia i gendernaia politika v vuze: sbornik stateĭ* (2003) [Gender relations and gender policy at the university: Collection of articles], Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Gorshkova, I. D. (2015) Gender agenda in Russian Independent Trade Unions, in: *Differences, Inequalities and Sociological Imagination: View from Russia*, Moscow, pp. 279—284.
- Iarskaia-Smirnova, E. R. (2000) Gendernoe neravenstvo v obrazovanii: poniatie skrytogo uchebnogo plana [Gender inequality in education: the concept of a hidden curriculum], *Gendernye issledovaniia*, no. 5, pp. 295—301.
- Kalabikhina, I. E. (2017) Nove podkhody k izmereniiu predstavlenosti zhenshchin v STEM-obrazovanii i STEM-zaniatosti v Rossii [New approaches to measuring women's representation in STEM education and STEM employment in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 5—6.
- Khasbulatova, O. A. (2002) Gendernaia politika v sfere vysshego obrazovaniia v usloviakh sotsial'nykh transformatsii [Gender policy in higher education in the context of social transformations], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2—3, pp. 3—7.
- Malysheva, M. (2016) Estestvennye i tekhnicheskie nauki dlia zhenshchin v XXI veke [Natural and technical sciences for women in the XXI century], *Narodonaselenie*, no. 3, pp. 76—85.
- Martynova, T. N. (2005) Gendernye problemy vysshego obrazovaniia [Gender issues in higher education], *Fundamental'nye issledovaniia*, no. 1, pp. 27—30.
- Pushkareva, N. L. (2008) Gendernaia neĭtral'nost' ili ravnodushie?: (K itogam ėkspertizy uchebnoi literatury po istorii 1990—2000-kh gg.) [Gender neutrality or indifference?: (To the results of the examination of educational literature on the history of the 1990—2000s)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 48—71.
- Riabova, T. B. (2005) Gendernaia ėkspertiza vuzovskikh uchebnikov po pedagogike [Gender expertise of university textbooks on pedagogy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 7—18.
- Savostina, E. A., Smirnova, I. N., Khasbulatova, O. A. (2017) STEM: professional'nye traektorii molodezhi: (Gendernyi aspekt) [STEM: professional trajectories of youth: (Gender aspect)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 33—44.
- Semenova, L. Ė., Chevachina, A. V., Semenova, V. Ė. (2016) Gendernye orientiry pedagogov vyssheĭ shkoly [Gender guidelines for higher education teachers], *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, no. 6, pp. 487—495.
- Sillaste, G. (2001) Gendernaia asimetriia v obrazovanii i nauke: vzgliad sotsiologa [Gender asymmetry in education and science: a sociologist's view], *Vyshee obrazovanie v Rossii*, no. 2, pp. 96—106.
- Voronina, O. A. (ed.) (2005) *Gendernaia ėkspertiza uchebnikov dlia vyssheĭ shkoly* [Gender expertise of textbooks for higher education], Moscow: MTsGI, Solteks.

Zdravomyslova, E., Temkina, A. (2014) Feminist reflections on fieldwork, *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, no. 6, pp. 84—112.

Статья поступила 12.03.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Горшкова Ирина Дмитриевна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, idg9@mail.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of History and Politics Theory, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Мирясова Ольга Александровна — научный сотрудник Центра политологии и политической социологии, Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, verdikt.o@gmail.com (Research Fellow, Centre for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 1. P. 45—54
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.4

Женщина в российском обществе
2020. № 1. С. 45—54
ББК 65.248.7
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.4

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЖЕНСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Н. С. Рычихина

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия, richihina@mail.ru

В современном мире большинство стран нацелены на привлечение квалифицированных специалистов, что позволяет женщинам, имеющим образование и обладающим компетенциями в своей профессиональной области, при поиске работы за рубежом трудоустроиться по специальности. Гендерная теория миграции выделяет самостоятельную трудовую миграцию женщин (в отличие от миграции за мужем) как основную. Автором проводится анализ современных тенденций женской трудовой миграции, в процессе которого исследуются изменения за последние 20 лет в сферах занятости женщин, географии миграции, мотивах поиска работы на международном рынке труда и др. Анализируются требования зарубежных компаний к подбору специалистов, выявляются ограничения при трудоустройстве женщин в зарубежную компанию. Актуализируется значимость формирования крупными международными компаниями политики по кросс-культурной и социальной адаптации женщин, приезжающих на работу из других стран, позволяющей преодолеть болезненный период привыкания на новом рабочем месте и добиться высокой результативности их труда в компании.

Ключевые слова: международный рынок труда, женская трудовая миграция, гендерная теория миграции, кросс-культурная и социальная адаптация персонала.

MODERN TRENDS OF WOMEN'S INTERNATIONAL LABOR MIGRATION

N. S. Rychikhina

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, richihina@mail.ru

In the modern world the majority of the countries aim at enrolment of qualified specialists. This makes it possible for qualified and highly competent women succeed in competing at a labor market both at home and abroad. The gender theory of migration considers the independent labor migration of women to be the main trend nowadays. The author carries out the analysis of current trends of women's labor migration and investigates the last twenty year changes in the following spheres: employment of women, migration geography, motives of job search in the international labor market, etc. Requirements of the foreign companies

to selection of experts are analyzed; restrictions at employment of women in a foreign company are brought to light. The importance of policies on the cross-cultural and social adaptation of the women coming to work from other countries – developed by large international companies and aimed at helping to overcome the painful period of getting accustomed to a new workplace and achieving high effectiveness of work in the company — is underlined.

Key words: international labor market, women's labor migration, gender theory of migration, cross-cultural and social adaptation of personnel.

Постановка проблемы

В условиях глобализации современного общества, активного появления на рынке труда международных компаний женщины, имеющие соответствующее образование, обладающие желанием строить карьеру, становятся полноправными, самостоятельными, активными участниками процесса трудовой международной миграции. Крупные конгломератные компании открывают для них свои двери. Сегодня большинство стран мира нацелены на привлечение высококвалифицированных специалистов, независимо от их половой принадлежности. Они являются определенной категорией мигрантов, которым предоставляется максимально доступная возможность получения документов для работы. Постепенно растет количество женщин, мигрирующих не как «зависимые члены семьи» (миграция за мужем), а в качестве переезжающих в поисках работы самостоятельно, за коллегами или друзьями, которые успешно трудоустроились в другой стране. Увеличивается количество женщин, являющихся квалифицированными специалистами в определенной области, которые при поиске работы за рубежом стремятся работать по специальности.

В подобных условиях актуальность изучения современных тенденций женской трудовой миграции имеет важное значение. В 2018 г. Центр стратегических разработок опубликовал доклад, в котором анализируются основные аспекты в области временной и долгосрочной трудовой миграции [Миграционная политика... , 2018]. В докладе подчеркивается, что страны Европы и Северной Америки в настоящее время стремятся к привлечению квалифицированных специалистов, которые говорят на языке страны, имеют высшее образование и, главное, у которых уже есть контракт с работодателем.

В 2019 г. была проведена научная конференция «Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика», организованная Ивановским государственным университетом совместно с РАНХиГС при Президенте РФ (Ивановский филиал), Институтом социально-политических исследований РАН и Федерацией женщин с университетским образованием, на которой учеными активно обсуждались, в частности, виды и проблемы женской трудовой миграции (см., напр.: [Носкова, Кузьмина, 2019; Сигарева, 2019]).

Изучению особенностей трудовой миграции женщин посвящены публикации Н. Г. Абдуразаковой, подробно излагающей исторические аспекты миграции женщин [Абдуразакова, 2007], Е. В. Тюрюкановой, занимающейся анализом сфер занятости женщин за рубежом [Тюрюканова, 2002], Е. В. Шереметьевой, рассматривающей социально-правовые аспекты миграции [Шереметьева, 2004],

Н. Л. Микиденко и С. П. Сторожевой, актуализирующих значимость вопросов адаптации женщин в другой стране [Микиденко, Сторожева, 2016], Д. Р. Песковой и О. П. Абреу Бастоса, выявляющих риски и последствия женской трудовой миграции [Пескова, Абреу Бастос, 2014].

Как мы видим, в условиях активной востребованности на международном рынке труда высококвалифицированных специалистов интерес научных работников, работодателей организаций и компаний, а также непосредственно женщин, планирующих переезд за рубеж, к проблеме женской международной трудовой миграции ежегодно возрастает.

За последние 20 лет произошли значительные изменения в сферах занятости женщин, целях их трудовой миграции, предпочтениях в выборе рабочего места за рубежом, изменилась география миграции. Также появились новые требования крупных конгломератных компаний к подбору специалистов на ведущие должности, разработаны и внедряются в текущее управление персоналом программы кросс-культурной, социальной адаптации женщин-мигранток и интеграции их в общество. Данные вопросы требуют глубокого изучения.

Анализ современных тенденций женской трудовой миграции

Рассмотрим особенности трудовой миграции в 1990—2000-х гг. и выделим специфические черты, присущие женской трудовой миграции в настоящее время.

1. Анализ динамики миграционной активности женщин

В 1995 г. по данным переписи населения стран-реципиентов, 48 % трудовых мигрантов составляли женщины [International Migration Policies... , 1995]. Что касается динамики трудовой миграции женщин из России, то именно в этот период наблюдается ее активный рост. Если в 1996 г. в поисках работы из России мигрировало 1,2 тыс. женщин, то в 1998 г. — уже 2,9 тыс., а в 2000 г. — 5,8 тыс. (поток мигранток вырос почти в 5 раз по сравнению с 1996 г.) [Тюрюканова, 2002: 67—80]. Миграционную активность женщин в поисках работы за рубежом подтверждают данные Федеральной службы государственной статистики: в 2017 г. из России мигрировало 440 831 человек, из них 187 450 (42,0 %) женщины.

2. Анализ возрастного состава

Интересен возрастной состав мигрирующих за рубеж женщин. По данным Федеральной службы государственной статистики, 24,0 % мигранток находятся в возрасте от 20 до 29 лет (т. е. только закончили учебу в институте, университете или колледже), 13,1 % — женщины 30—34 лет (на пике карьерного роста) и 10,5 % — женщины 35—39 лет (рассчитано по: [Численность и миграция... , 2019]).

Исследование наиболее предпочтительного возраста мигранток, проведенное Центром стратегических разработок, выявило, что идеальным аппликантом сегодня для большинства стран Европы и Северной Америки выступает женщина в возрасте до 35 лет [Миграционная политика... , 2018: 42]. С годами, в процессе полной реализации на родине, желание женщин уехать в другую страну снижается. В 2017 г. только 8,0 % мигранток были

в возрасте 40—44 лет и 6,4 % — в возрасте 45—49 лет (рассчитано по: [Численность и миграция... , 2019]).

3. Региональный анализ миграции женщин

За последние 20 лет поменялся список российских регионов, из которых чаще всего мигрируют женщины. В 1992 г. активнее всего выезжали жители (разбивки по полу нет) крупных городов, в особенности Москвы и Санкт-Петербурга — около 40,0 % эмигрантов. Но уже к 1999 г. москвичи и петербуржцы составляли только 10,6 % эмигрантов. В 2017 г. лидерами по внешней миграции являлись также Воронежская, Калужская, Тамбовская, Ростовская, Тюменская, Новосибирская области, Краснодарский и Хабаровский края и другие регионы [там же].

4. Анализ сферы занятости

Рассмотрим изменения предпочтений женщин по сфере занятости. Если по данным опроса, проводимого в 2000 г., выявлено, что 1/3 респонденток готовы ехать за рубеж на любую работу [Тюрюканова, 2002], то в настоящее время женщины осознанно выбирают зарубежную компанию еще на родине, пользуясь информацией в Интернете, изучая сайты конгломератных компаний, обращаясь в агентства по поиску работы, оценивая отзывы в Интернете, прислушиваются к рекомендациям знакомых.

Е. В. Тюрюканова и О. Г. Исупова отмечают, что в конце 1990-х — начале 2000-х гг. женщины-мигрантки больше были заняты в индустрии досуга и развлечений, сфере общественных услуг (низший персонал в гостиницах, барах, бизнес-центрах), домашнего обслуживания (няни, домработницы) [там же; Исупова, 2010]. Наше исследование показало, что за почти 20-летний период изменилась и сфера занятости мигранток. Женщины из России все более активно начинают себя проявлять в таких секторах, как информационные и телекоммуникационные технологии, инженерия, образование, здравоохранение. Последнее время в России начали появляться публикации по проблеме эмиграции женщин, занятых в сфере высшего образования и науки (см., напр.: [Рязанцев и др., 2017: 22]). Кроме того, женщины стремятся работать по специальности. М. Е. Барсукова замечает, что проблема трудовой миграции женщин — это процесс, аналогичный процессу утечки мозгов [Барсукова, 2012: 81].

Характерными чертами современной женской трудовой миграции являются такие, как:

- нацеленность на работу в другой стране;
- самостоятельный поиск работы на зарубежных рынках труда;
- осознанный выбор зарубежной компании для реализации своего трудового потенциала;
- экономические мотивы трудоустройства по специальности.

5. Анализ мотивов трудовой миграции

Трудовая миграция дает женщинам возможность обеспечить себе и своей семье более высокий уровень жизни, сменить жилье на более комфортное, дать хорошее образование детям, что подтвердили 91,0 % мигрировавших опрошенных женщин [Женщины-мигранты... , 2011: 17—19]. Высокая заработная плата, возможность пройти обучение и повысить квалификацию, перспектива карьерного роста, получение профессионального опыта, привлекательный

компенсационный пакет — вот основные движущие мотивы поиска работы женщинами на международном рынке труда. При трудоустройстве в зарубежную компанию помимо материальной мотивации женщинами движет стремление к профессиональному росту, самореализации, желание занимать престижную должность в перспективной организации.

Требования зарубежных компаний к подбору квалифицированных специалистов

В настоящее время международные компании, заинтересованные в высококвалифицированных специалистах, активно приглашают на своих сайтах в Интернете лучшие трудовые ресурсы из других стран. В конгломератных компаниях все более популярными становятся геоцентрическая и «third country national» стратегии подбора персонала (политика организации направлена на привлечение сотрудников из других государств и на должности назначаются обладающие лучшей квалификацией, независимо от их национальной и половой принадлежности). Главным критерием отбора сотрудников в такие компании является владение компетенциями в профессиональной области. На своих официальных сайтах компании с политикой «third country national» размещают информацию по свободным вакансиям, а на корпоративном портале публикуют «карьерный компас» для новичков [Рычихина, Зорик, 2019].

Правда, существуют серьезные ограничения при трудоустройстве женщин в такие зарубежные компании: необходимо получить разрешение на проживание в стране, хорошо знать иностранный язык, получить дополнительное образование, подтвердить российский диплом и др.

Получение разрешения на проживание в стране — очень важная составляющая трудоустройства. Остановимся на этом подробнее. При планировании миграции за рубеж женщины должны учитывать два основных условия получения разрешения на проживание в стране: уровень образования и контракт на работу по востребованной на рынке труда специальности. Например, значительное преимущество при подаче документов на проживание в Канаде получают те женщины-мигрантки, которые уже имеют предложение о работе. В США разрешение на въезд по рабочей визе также дается преимущественно лицам определенных профессий, имеющим приглашение от работодателя. В Дании существует система рабочих карт (Danish job card scheme), которые дают право быстро получить разрешение на работу и вид на жительство высококвалифицированным специалистам определенных профессий. Список востребованных профессий (Positive list) периодически обновляется и в настоящий момент включает специалистов в области информационных технологий, математиков, физиков, биологов, врачей и средний медицинский персонал. Во Франции в целях привлечения высококвалифицированных работников создана «Карта компетенций и талантов» (Cartes compétences et talents), позволяющая облегчить процедуры получения права пребывания и работы во Франции [Миграционная политика..., 2018: 40—42]. Как видно из требований, только обладающие соответствующим образованием и квалификацией, знанием иностранного языка и стремлением к карьерному росту женщины могут претендовать на трудоустройство в зарубежных компаниях.

Интеграция в общество и адаптация женщин-мигранток

Статистика международной трудовой миграции показывает, что, несмотря на приличную заработную плату, хороший компенсационный пакет, от 20,0 до 40,0 % мигрантов, приезжающих работать из другой страны, возвращаются домой в течение первого года работы [Рычихина, 2019: 188]. Для компаний это означает, что все инвестиции будут потеряны, а для мигрантов — разочарование и несбывшиеся надежды.

Опрос вернувшихся на родину мигранток показывает, что главная причина возвращения — это неспособность к адаптации в новой культурной среде. Устраиваясь на работу в зарубежную компанию, женщины сталкиваются с тремя основными видами адаптации: кросс-культурной, социальной и профессиональной. По мнению большинства, наиболее сложными являются кросс-культурная и социальная адаптации [Рычихина, Элхидер, 2017: 64—67].

Выделяют три основные стадии адаптации в новой культурной среде приехавшего работать сотрудника:

1) ему все нравится, интересно, он долго этого хотел и с удовольствием берется за работу;

2) воодушевление проходит, возникает культурный шок. Опрос показывает, что эта стадия начинается через 3—4 месяца после приезда в страну и трудоустройства и длится от 3 до 6 месяцев. Именно в этот период наступает разочарование. Человек не понимает своего нового положения, чувствует себя потерянными, спрашивает себя: «Зачем я это сделал?», «Зачем я тут?»;

3) если вторую стадию новый сотрудник проходит успешно, то начинается обычная жизнь: он благополучно встраивается в социум — «вживается», начинает получать удовольствие как от работы, так и от проживания в новой стране. Если же стадия культурного шока затягивается, сотрудник приходит к выводу, что «все ужасно», ему не нравится и работа в этой компании, и жизнь в новой стране. В этом случае он возвращается на родину.

Чтобы смягчить стадию культурного шока, в крупных конгломератных компаниях для работников, приезжающих из другой страны, создается особая программа кросс-культурной и социальной адаптации.

Основными мероприятиями кросс-культурной адаптации, которые активно используются в настоящее время, являются следующие:

— тренинги для сотрудников, в ходе которых предоставляется полная информация о стране (особенности проживания, коммуникации, культуры и пр.);

— тренинги для членов семей нового работника;

— дополнительные курсы интенсивного изучения языка страны пребывания, где делается акцент на профессиональную лексику;

— предварительные ознакомительные визиты в страну.

В пакет мер поддержки социальной адаптации чаще всего включаются такие льготы, как:

— помощь в найме жилья;

— компенсация затрат, связанных с переездом семьи;

— компенсация расходов по адаптации (на изучение языка сотрудником и членами его семьи);

— обеспечение обучения детей.

Кроме того, страны с долгосрочной миграционной историей на данный момент уже имеют разработанную и утвержденную на уровне правительства политику по адаптации приезжающих работников и интеграции их в общество. Например, подобная политика интеграции мигрантов во Франции включает в себя несколько подпрограмм по преподаванию французского языка, ознакомлению с культурными ценностями и обычаями страны.

Анализ современных тенденций показывает, что чем выше уровень образования женщин-мигранток, тем чаще они берут всех детей с собой, и именно это ускоряет процесс социализации в новой стране. По социологическим опросам, у мигранток, переезжающих вместе с детьми, гораздо выше включенность в местное общество: она осуществляется не только через трудовую деятельность, но в том числе через детей, их школьную или детсадовскую жизнь, посещение детских учреждений. Во Франции для детей женщин-мигранток используется программа по образованию: они записываются в государственные школы и для них помимо основных занятий проводятся дополнительные, помогающие выучить французский язык и адаптироваться в школе [Миграционная политика... , 2018: 47—48]. Очень похожа государственная политика по адаптации и интеграции в общество мигрантов в Дании и Германии [Cameron, 2014].

Заключение

В условиях глобализации международная женская трудовая миграция является естественным процессом. Благодаря совместным усилиям государства, формирующего политику интеграции женщин в общество, мигранток, ставящих перед собой цель трудоустройства в другой стране, и руководства компаний, предоставляющего рабочие места квалифицированным специалистам и внедряющего социальную политику по адаптации персонала, удается преодолеть болезненный период привыкания женщин на новом рабочем месте и добиться высокой результативности их труда.

Библиографический список

- Абдуразакова Н. Г. Гендер и миграция: (к постановке проблемы) // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 326—330.
- Барсукова М. Е. Женщины и миграция: причины, проблемы и последствия // Женщина в российском обществе. 2012. № 2. С. 78—82.
- Женщины-мигранты из стран СНГ в России / под ред. Е. В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011. 120 с.
- Исупова О. Виды женской миграции: возможности и опасности // Демоскоп Weekly. 2010. № 423—424. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0423/gender04.php> (дата обращения: 10.10.2019).
- Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения М.: Центр стратег. разработок, 2018. 54 с.

- Микиденко Н. Л., Сторожева С. П.* Женская трудовая миграция: информационные аспекты адаптации // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 2. С. 35—42.
- Носкова А. В., Кузьмина Е. И.* Мобильность женщин с детьми в контексте социальной политики // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции, Москва — Иваново — Плес, 16—18 мая 2019 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 291—294.
- Пескова Д. Р., Абреу Бастос О. П.* Причины, риски и последствия распространения женской трудовой миграции: исследование на региональном уровне // Фундаментальные исследования. 2014. № 11, ч. 3. С. 596—600.
- Рычихина Н. С.* Особенности формирования социальной политики организаций по адаптации персонала в условиях международной трудовой миграции // Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2019. С. 187—189.
- Рычихина Н. С., Зорик Ю. С.* Комплексная методика анализа карьерного роста и социальной мобильности сотрудников организации // Современные наукоемкие технологии: региональное приложение. 2019. № 1. С. 68—75.
- Рычихина Н. С., Элххидер М. М. О.* Особенности управления персоналом в международной больнице на примере Cleveland clinic (Объединенные Арабские Эмираты) // Современные наукоемкие технологии: региональное приложение. 2017. № 1. С. 63—69.
- Рязанцев С. В., Сивоплясова С. Ю., Гафурова Ш. Ш.* Брачная и трудовая миграция женщин из России: масштабы и региональные особенности // Женская миграция: формы, тенденции, последствия. Сер.: Демография. Социология. Экономика. 2017. Т. 3, № 1. С. 85—99.
- Сигарева Е. П.* Феминизация миграции и ее последствия // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции, Москва — Иваново — Плес, 16—18 мая 2019 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 281—286.
- Тюрюканова Е. В.* Женская трудовая миграция // Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. М.: ИСЭПН, 2002. С. 64—80.
- Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году: бюллетень // Федеральная служба государственной статистики. 2019. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 09.08.2019).
- Шереметьева Е. В.* Женская трудовая миграция: социально-правовой аспект // Представительская власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2004. № 5. С. 46—47.
- Cameron D.* EU speech: full text. 28 November 2014. 2014. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-30250299> (дата обращения: 10.10.2019).
- International Migration Policies and the Status of Female Migrants / UN. New York, 1995. URL: <https://archive.org/details/internationalmig0000unit/page/n2> (дата обращения: 10.10.2019).

References

- Abdurazakova, N. G. (2007) Gender i migratsiia: (K postanovke problemy) [Gender and migration: (To the problem statement)], *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 3, pp. 326—330.
- Barsukova, M. E. (2012) Zhenshchiny i migratsiia: prichiny, problemy i posledstviia [Women and migration: causes, problems and consequences], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 78—82.
- Cameron, D. (2014) *EU speech*: full text. 28 November 2014, available from <http://www.bbc.com/news/uk-politics-30250299> (accessed 02.03.2019).
- Chislennost' i migratsiia naseleniia Rossiiskoi Federatsii v 2018 godu: Biulleten' (2019) [Population and migration of the Russian Federation in 2018: Bulletin], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki*, available from http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (accessed 09.08.2019).
- International Migration Policies and the Status of Female Migrants* (1995), New York.
- Isupova, O. (2010) Vidy zhenskoï migratsii: vozmozhnosti i opasnosti [Types of female migration: opportunities and dangers], *Demoskop Weekly*, no. 423—424, available from <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0423/gender04.php> (accessed 10.10.2019).
- Migratsionnaia politika: diagnostika, vyzovy, predlozheniia* (2018) [Migration policy: diagnostics, challenges, suggestions], Moscow: Tsentr strategicheskikh razrabotok.
- Mikidenko, N. L., Storozheva, S. P. (2016) Zhenskaia trudovaia migratsiia: informatsionnye aspekty adaptatsii [Female labor migration: informational aspects of adaptation], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki, no. 2, pp. 35—42.
- Noskova, A. V., Kuz'mina, E. I. (2019) Mobil'nost' zhenshchin s det'mi v kontekste sotsial'noi politiki [Mobility of women with children in the context of social policy], in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naia politika: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 291—294.
- Peskova, D. R., Abreu Bastos, O. P. (2014) Prichiny, riski i posledstviia rasprostraneniia zhenskoï trudovoï migratsii: issledovanie na regional'nom urovne [Causes, risks and consequences of the spread of female labor migration: A study at the regional level], *Fundamental'nye issledovaniia*, no. 11, pt. 3, pp. 596—600.
- Riazantsev, S. V., Sivopliasova, S. Iu., Gafurova, Sh. Sh. (2017) Brachnaia i trudovaia migratsiia zhenshchin iz Rossii: masshtaby i regional'nye osobennosti [Marital and labor migration of women from Russia: scope and regional characteristics], *Zhenskaia migratsiia: formy, tendentsii, posledstviia*, seriia Demografiia. Sotsiologiya. Ekonomika, vol. 3, no. 1, pp. 85—99.
- Rychikhina, N. S. (2019) Osobennosti formirovaniia sotsial'noi politiki organizatsii po adaptatsii personala v usloviakh mezhdunarodnoi trudovoï migratsii [Features of the formation of social policy of organizations for the adaptation of personnel in the context of international labor migration], in: *Dinamika sotsial'noi sredy kak faktor razvitiia potrebnosti v novykh professionalakh v sfere sotsial'noi raboty i organizatsii raboty s molodezh'iu*, Nizhniy Novgorod: Izdatel'stvo Nauchno-issledovatel'skogo sotsiologicheskogo tsentra, pp. 187—189.
- Rychikhina, N. S., Èlkhider, M. M. O. (2017) Osobennosti upravleniia personalom v mezhdunarodnoi bol'nitse na primere Cleveland clinic (Ob'edinënyye Arabskie Emiraty) [Features of personnel management in an international hospital on the example

- of Cleveland clinic (United Arab Emirates)], *Sovremennye naukoëmkie tekhnologii: Regional'noe prilozhenie*, no. 1, pp. 63—69.
- Rychikhina, N. S., Zorik, Iu. S. (2019) Kompleksnaia metodika analiza kar'ernogo rosta i sotsial'noi mobil'nosti sotrudnikov organizatsii [A comprehensive methodology for analyzing career growth and social mobility of employees of an organization], *Sovremennye naukoëmkie tekhnologii: Regional'noe prilozhenie*, no. 1, pp. 68—75.
- Sheremet'eva, E. V. (2004) Zhenskaia trudovaia migratsiia: sotsial'no-pravovoï aspect [Female labor migration: social and legal aspect], *Predstavitel'skaia vlast' — XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy*, no. 5, pp. 46—47.
- Sigareva, E. P. (2019) Feminizatsiia migratsii i ee posledstviia [The feminization of migration and its consequences], in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naia politika: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 281—286.
- Tiuriukanova, E. V. (2002) Zhenskaia trudovaia migratsiia [Female labor migration], in: *Rossia: 10 let reform. Sotsial'no-demograficheskaia situatsiia*, Moscow: Institut sotsial'no-ekonomicheskikh problem narodonaseleniia, pp. 64—80.
- Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii* (2011) [Migrant women from the CIS countries in Russia], Moscow: MAKS Press.

Статья поступила 14.10.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Рычихина Наталья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, richihina@mail.ru (Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor at the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 1. P. 55—69
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.5

Женщина в российском обществе
2020. № 1. С. 55—69
ББК 60.543.172
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.5

ГЕНДЕРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

О. И. Ключко^a, А. А. Чекалина^a, Е. В. Иоффе^b
М. А. Ерофеева^c, Н. Ф. Сухарева^d, Е. В. Самосадова^d

^a Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия,
olga-klioutchko@yandex.ru

^b Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия

^c Московский университет Министерства внутренних дел РФ им. В. Я. Кикотя,
г. Москва, Россия

^d Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева,
г. Саранск, Россия

Обсуждаются результаты эмпирического исследования представлений российской студенческой молодежи мегаполисов и провинциальных городов о гендерных трансформациях ролей и качеств современных мужчин и женщин. В представлениях респондентов зафиксированы изменения гендерных ролей современных мужчин и женщин, расширение спектра их поведения, а также выраженная потребность в уважительных и ответственных взаимоотношениях. Сравнительный анализ позволил сделать выводы о формальных и содержательных различиях представлений в зависимости от пола респондентов и места их обучения. Результаты исследования продемонстрировали противоречивость и неоднозначность восприятия гендерных трансформаций — критичность в оценках противоположного пола и идеализацию своего пола, дефицит партнерства и сотрудничества.

Ключевые слова: студенческая молодежь, гендерные трансформации, мегаполис, провинция, современный мужчина, современная женщина, гендерные роли, гендерные качества, конструктивные суждения, деструктивные суждения.

© Ключко О. И., Чекалина А. А., Иоффе Е. В., Ерофеева М. А., Сухарева Н. Ф., Самосадова Е. В., 2020

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ (проект 18-013-01207).

GENDER TRANSFORMATIONS IN THE VIEWS OF RUSSIAN YOUTH

*O. I. Klyuchko^a, A. A. Chekalina^a, E. V. Ioffe^b,
M. A. Erofeeva^c, N. F. Sukhareva^d, E. V. Samosadova^d*

^a Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation,
olga-klioutchko@yandex.ru

^b Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

^c Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

^d Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russian Federation

The article presents the results of an empirical study on the ideas of Russian students representing mega- and provincial cities about gender transformations in the roles and qualities of modern men and women. The respondents' views recorded changes in the gender roles of modern men and women, expanding the range of their behavior, as well as the need for respectful and responsible relationships. The comparative analysis allowed to draw conclusions about formal and substantive differences of representations depending on a sex of respondents and a place of their training. The results of the study showed inconsistency and ambiguity in the perception of gender transformations: criticality in the assessment of changes of the opposite gender and the idealization of their own gender, lack of partnership and cooperation.

Key words: student youth, gender transformation, metropolis, province, modern man, modern woman, gender roles, gender qualities, constructive judgments, destructive judgments.

В современных научных исследованиях тема изменений (трансформаций, динамики) человека и общества активно разрабатывается в самых разных аспектах — от возрастания объемов информации и скорости ее обновления, масштабов территориальной и профессиональной мобильности людей до появления новых типов субкультур, сообществ и идентичностей. Исследователи разного профиля подчеркивают, что в последнее время интенсивность этих изменений увеличивается, фиксируя множественные, зачастую разнонаправленные тенденции антропо- и социогенеза. Возможности прогнозирования резко снизились, утверждается необходимость жить и принимать решения в ситуации неопределенности, обладать умением взаимодействовать, сотрудничать и договариваться [Инглхарт, 2018; Терентьева, 2019].

Однако направленность изменений в разных странах неоднотипна. К примеру, корреляция между двумя основными осями ценностей, системно изучаемыми социологами, психологами и другими специалистами («сохранение — открытость к изменениям» и «забота о людях — самоутверждение»), имеет разную направленность в западном и афразийском мирах. Так, тенденция уменьшения ценностей сохранения и роста ценностей открытости к изменениям является мировой, но в западном мире рост открытости сопровождается ростом заботы

об окружении, а в афразийском мире — ростом самоутверждения, что может объясняться нахождением стран и регионов на разных стадиях модернизации и различиями в цивилизационных паттернах [Зинькина и др., 2018].

Действительно, глобализация ведет не только к унификации, но и к расширению пространства межличностных контактов (в первую очередь в виртуальной среде); усиление социальной неопределенности вследствие изменения большинства социальных норм вызывает рост напряженности, но в то же время рост толерантности; увеличение продолжительности жизни — удлинение периода детства и появление внушительного слоя социально и профессионально активного пожилого населения; расширение информационного пространства дало невиданный доступ к образованию и одновременно резко снизило его качество; появление вариативных форм семьи и тенденция к индивидуализации обусловили одиночное проживание как стиль жизни [Байбурина, 2014]. Подобных трансформаций множество, одним из наиболее болезненных и обсуждаемых изменений являются гендерные трансформации, которые И. С. Кон описал как триединство сексуальной, гендерной и семейной революций [Кон, 2011].

Начиная с 1960-х гг. вместе с ослаблением внешнего контроля за сексуальным поведением и появлением эффективной контрацепции произошло снижение возраста сексуального дебюта, рост числа до- и внебрачных связей, т. е. отделение сексуальности от репродукции. Совместное обучение мальчиков и девочек, ставшее массовым в XX в., подорвало гендерную сегрегацию, что одновременно с ростом потребности в людях массовых профессий привело к ослаблению асимметрии мужских и женских социальных, в том числе профессиональных, ролей. На данный момент очень немногие сферы жизни можно назвать только мужскими или только женскими. Несмотря на более значительную выраженность изменений у женщин, уже сейчас большинство психологических черт и свойств человека считаются гендерно-нейтральными, а не полоти-пичными [там же].

Социологические исследования показывают, что гендерные отношения устойчиво изменяются в сторону равноправия, данная тенденция становится общемировой при сохранении в конкретных странах разной скорости и траектории данного перехода [Billari, Esping-Andersen, 2015; Инглхарт, 2018; Тартаковская, Лунин, 2018; Чернова, 2019]. Однако для возникновения нового доминирующего равновесия необходимо, чтобы на смену традиционным гендерным нормам пришли нормы, выстроенные на эгалитарной основе. Для этого необходим определенный процент индивидов, ориентированных на гендерное равенство, критическая масса которых способствует распространению эгалитарных норм, а также адаптации социальных институтов и семейных отношений [Чернова, 2019].

Большинство российских процессов гендерной трансформации идут в русле общих тенденций, характерных для большинства развитых стран [Мирча, 2010; Задворнова, 2013; Силласте, 2019]. Однако в российском общественном дискурсе в настоящее время фиксируются два противоположных вектора, которые исследователями обозначаются, с одной стороны, как сближение профессиональных и семейных ролей мужчин и женщин, с другой — как усиление внимания к гендерным различиям, а также противопоставления ролей, статусов

и жизненного предназначения мужчины и женщины. Эти тенденции на уровне массового сознания проявляются в сосуществовании традиционалистских (патриархатных, консервативных) и эгалитарных гендерных норм [Клецина, Иоффе, 2017; Ковтун, Куперман, 2017], что свидетельствует о незавершенности гендерной революции.

Так, признается, что в России семейная революция фактически не состоялась, поскольку массовый выход женщин на рынок труда не получил такого же «симметричного ответа» со стороны мужчин в сфере их участия в осуществлении заботы о детях и выполнении неоплачиваемой домашней работы [Чернова, 2019]. Кроме того, велико влияние социально-экономических условий, в которых проживает молодежь: как правило, в мегаполисах демонстрируются более динамичные изменения относительно провинции, в том числе и больший запрос на эгалитарные отношения [Ключко, 2018].

Очевидно, что результат развития этих тенденций во многом будет зависеть от формирующегося мировоззрения современного молодого поколения. Каковы представления современных молодых людей о гендерных трансформациях, какие из них они фиксируют, как их интерпретируют и оценивают — вот те вопросы, ответ на которые стал целью нашего исследования.

Методология и организация исследования

Теоретико-методологической базой исследования послужили концепции трансформаций в ценностно-смысловой и эмоциональной сферах человеческих отношений (Э. Гидденс, Р. Коннелл, Р. Инглхарт, И. С. Кон, Г. Г. Силласте), концепция традиционной и модернизированной моделей семьи (Э. Гидденс, С. И. Голод, Ж. В. Чернова), положения гендерного подхода в исследованиях межличностных отношений (И. С. Клецина, Е. В. Иоффе), концепция гендерного самосознания (А. А. Чекалина).

Для изучения восприятия молодежью современных гендерных трансформаций было проведено интервьюирование студентов городов Коломна (Московская область), Саранск (Республика Мордовия), Балашов (Саратовская область), Москва и Санкт-Петербург. В опросе приняли участие 237 студентов, в том числе учащиеся Московского городского педагогического университета, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Государственного социально-гуманитарного университета, Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, Балашовского института Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, из них 175 девушек и 62 юноши (средний возраст — 19,5 года).

В основной части интервью стояли два вопроса.

1. Кто такие современные мужчины? Какие качества вы у них наблюдаете?
2. Кто такие современные женщины? Какие качества вы у них наблюдаете?

Предполагалось услышать разнообразные суждения, которые бы позволили воссоздать представления студентов, наблюдающих происходящие на их глазах гендерные трансформации, о современных мужчинах и женщинах и выявить отношение к данным переменам как индикатор, с одной стороны, их гендерного самосознания, с другой — их готовности к партнерским отношениям. Студенчество — динамичная, пластичная и мобильная социальная группа, чувствительная

к изменениям в различных направлениях жизни общества. Ментальность студента мегаполиса и ментальность студента небольшого города различаются, поскольку город и городская среда задают формат жизнедеятельности, закрепляют символически и содержательно образ жизни, а следовательно, ценностную систему индивида, выступающую в качестве каркаса ментальности [Чекалина, 2018]. Исследования Т. В. Семеновой показали различия в ментальностях, которые определяются темпами динамических процессов, качественными и количественными характеристиками городской среды. Провинциальное и урбанистическое сознание различаются в зависимости от степени демократичности города, позволяющего городским жителям быть более свободными в своих суждениях; жесткости соблюдения социальных норм и эмоциональной сферы города; в зависимости от иерархии личностных потребностей, связанных с отношениями между людьми и др. [Семенова, 2007].

Обработка результатов проходила с использованием контент-анализа. В качестве категорий анализа были выделены дефиниции современных мужчин и женщин, их личностные качества, ценности и роли; в качестве единиц анализа — законченные высказывания, учитывался также знак единицы анализа (положительная, нейтральная или отрицательная оценка/отношение). Содержательные высказывания с утвердительной/созидательной коннотацией, а также безоценочные, сопровождающиеся позитивными эмоциями, были определены как конструктивные; отрицательно окрашенные высказывания с негативными оценочными суждениями, не способствующие диалогу и развитию партнерских отношений, обозначены как деструктивные.

Исследовательская программа предполагала анализ полученных результатов с целью сопоставления содержательных конструктивных/деструктивных суждений девушек и юношей о современных мужчинах / современных женщинах; по выборочный анализ конструктивных/деструктивных высказываний девушек и юношей провинции, девушек и юношей мегаполисов. Сопоставление результатов проводилось с использованием χ^2 -критерия Фишера, что позволило оценить достоверность различий между процентными долями двух выборок по числу конструктивных/деструктивных высказываний. Таким образом, была получена следующая информация:

- об актуальных представлениях юношей и девушек о концептах «современный мужчина» и «современная женщина»;
- отношении юношей и девушек к современным гендерным трансформациям, иллюстрирующем ту или иную степень их осознания и принятия;
- специфике представлений студенческой молодежи мегаполиса и провинции о гендерных трансформациях.

Результаты исследования

Интервьюирование вызывало активную дискуссию, яркие эмоциональные отклики, довольно продолжительное обсуждение. Юноши и девушки в развернутой форме продемонстрировали свое представление о современном мужчине и женщине, высказались по поводу их статусов в социальном устройстве, качеств личности, системы отношений, ценностей и ролей. В данной статье мы

представим наиболее часто используемые в ответах дефиниции и сосредоточимся на отношении респондентов к тем изменениям, которые они описывали.

Стараясь дать определение понятия «современный мужчина», молодые люди называли его «представителем сильного пола с ярко выраженной физической и моральной зрелостью». Обобщенная характеристика мужчины включает такие качества, как целеустремленность, ориентация на самореализацию и достижения, забота о семье. Современная женщина, по мнению молодых людей, «это не домохозяйка, а человек, умеющий зарабатывать», она демонстрирует независимость, отзывчивость, терпеливость, заботливость, ориентируется на семейные и несемейные ценности, материнство и развитие карьеры, стремится к мастерству и красоте.

Респондентов всех выборок объединяет убежденность в заметных трансформациях гендерных ролей современных мужчин и женщин, расширении спектра стереотипного поведения. Так, мужчины активно осваивают женские роли и демонстрируют фемининные качества личности: студенты отмечают их пассивность, доброту, мягкость, заботливость, эмоциональность, ранимость, осознанное отцовство и ответственное супружество. Стереотип о том, что мужчина должен построить дом, посадить дерево, для современного молодого человека может не быть актуальным, он ориентируется не на стереотипы, а на собственные потребности. В поведении и взаимодействии женщин молодые люди наблюдают уверенность в собственных силах и правах, независимость от партнеров-мужчин и самодостаточность, не-слабость, возрастающую мужественность. Современные женщины «научились совмещать семью и профессию», умеют делегировать семейную нагрузку и явно выходят за границы стереотипа о «берегине домашнего очага».

И юноши и девушки отметили равные возможности современных мужчин и женщин в профессиональной деятельности, карьерных намерениях, саморазвитии, исполнении ролей в семье: «Мужчины и женщины зачастую занимают сейчас одни позиции в разных сферах общества», «Сегодня девушка имеет такие же права, как и мужчина».

Трансформация гендерных особенностей отмечалась респондентами в наблюдаемой культуре ухода за собой, культе внешности, внимании к модным тенденциям, в широком использовании технологий пластической хирургии, косметологии, практик ухода за телом для мужчин и женщин.

Трансформация ролей и размытость стереотипов не разрушают базовых человеческих ценностей во взаимоотношениях. Отметим, что современные женщины и мужчины очень разные, молодые люди признали: «все хотят любви, семью», уважительных и ответственных взаимоотношений.

Сравнительный анализ позволил сделать выводы о формальных и содержательных различиях озвученных представлений в зависимости от пола респондентов. В частности, по сравнению с юношами девушки высказали значительно больше деструктивных суждений о современных мужчинах и значительно меньше конструктивных (табл. 1). В высказываниях студенток провинциальных вузов отчетливо прозвучали:

— критика и скепсис в отношении качеств личности современного мужчины (избалованность, безответственность, несамостоятельность, зависимость и др.);

— осуждение непаритетных отношений с женщинами («не готовы принимать важные решения», «перекладывают всё на женщину», «раньше было наоборот»);

— негативная оценка отношения мужчин к своей внешности («подолгу лобуются <собой> перед зеркалом», «рассматривают лицо и фигуру», «делают причёску», «мажут лицо кремом», «наносят макияж», «тратят массу времени на уход за собой», «больше, чем девушки, увлечены покупками одежды, обуви, аксессуаров»).

Студентки мегаполисов одновременно называли крайне противоречивые качества личности мужчин («очень мягкие — какие-то тряпки — либо очень жесткие», «решительные, упорные, которые к чему-то стремятся, которые достигают своих целей» и, наоборот, «очень зажатые, необразованные, неинтересные», «забываются о внешности, приятно посмотреть» и «красуются как девочки»).

Таблица 1

**Эмпирические показатели ϕ -критерия Фишера
 при сопоставлении гендерных представлений о современных мужчинах
 студентов мегаполиса и провинции**

Высказывания	Студенты провинции		Студенты мегаполиса	
	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши
Общее количество	119	45	127	58
Конструктивные суждения, %	22,7	42,2	48,8	72,4
Сравнение результатов высказываний девушек/юношей внутри выборок студентов провинции и мегаполиса	2,409**		3,082**	
Сравнение результатов высказываний девушек провинции / девушек мегаполиса	4,344**			
Сравнение результатов высказываний юношей провинции / юношей мегаполиса	3,126**			
Деструктивные суждения, %	52,9	15,6	51,2	22,4
Сравнение результатов высказываний девушек/юношей внутри выборок студентов провинции и мегаполиса	4,679**		3,837**	
Сравнение результатов высказываний девушек провинции / девушек мегаполиса	0,276			
Сравнение результатов высказываний юношей провинции / юношей мегаполиса	0,884			
Сравнение количества конструктивных/ деструктивных высказываний	4,911**	2,864**	0,377 (H_0)	5,650**

Примечание. $\phi_{эмп}^*$ — при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ — при $p \leq 0,01$ (2,31).

Юноши оппонируют девушкам: мужчины, по их мнению, демонстрируют смелость, ум, умение принимать решения, упорство, открытость новому, иногда эти качества сочетаются с безынициативностью, трусоватостью, бесхребетностью, мягкотелостью, ленью, определенной меркантильностью.

В сравнении с юношами девушки высказали значимо большее количество положительных суждений о современных женщинах. Они считают их людьми с большим диапазоном возможностей (табл. 2). Среди качеств

личности, кроме перечисленных, названы уверенность в своих правах, решительность, ум, целеустремленность, конкурентоспособность, а также романтичность и мечтательность.

Таблица 2

**Эмпирические показатели ϕ -критерия Фишера
при сопоставлении представлений о современных женщинах
студентов мегаполиса и провинции**

Высказывания	Студенты провинции		Студенты мегаполиса	
	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши
Общее количество	71	31	67	64
<i>Конструктивные суждения, %</i>	50,7	32,3	88,1	51,6
Сравнение результатов высказываний девушек/юношей внутри выборок студентов провинции и мегаполиса	1,750*		4,771**	
Сравнение результатов высказываний девушек провинции / девушек мегаполиса	4,997**			
Сравнение результатов высказываний юношей провинции / юношей мегаполиса	1,801*			
<i>Деструктивные суждения, %</i>	11,3	54,8	11,9	51,6
Сравнение результатов высказываний девушек/юношей внутри выборок студентов провинции и мегаполиса	4,567**		5,129**	
Сравнение результатов высказываний девушек провинции / девушек мегаполиса	0,123			
Сравнение результатов высказываний юношей провинции / юношей мегаполиса	0,300			
Сравнение количества конструктивных/деструктивных высказываний	5,364**	1,810*	10,010**	0,000

Примечание. $\phi_{\text{мп}}^*$ — при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{\text{мп}}^{**}$ — при $p \leq 0,01$ (2,31).

Студенты мегаполиса, в отличие от студенток, высказали значимо больше отрицательных суждений о современной женщине, приписав ей неискренность, искусственность, цинизм, меркантильность, слабость, наивность, иждивенчество, демонстративное поведение и др.

Формально значимых отличий в количестве позитивных высказываний о современной женщине юношей и девушек провинции не наблюдается. Как позитивные качества были отмечены ее способность любить, заботиться, мастерить, модно одеваться, а также роль хранительницы домашнего очага. Однако в отличие от идеалистичных суждений девушек юноши провинциальных вузов высказали гораздо более скептические суждения о современной женщине. Возрастающая мужественность женщин ассоциируется у юношей с меркантильностью, напористостью, распушенностью, бездуховностью, невежеством, стяжательством: «Большинство девушек в современном мире заиклено на деньгах, вещах, социальном статусе во всех его проявлениях и удачном замужестве».

Формально и содержательно представления о современных мужчине и женщине дифференцированы в зависимости от места обучения/проживания.

Анализ формата и содержания высказываний показал, что гендерные трансформации в статусах и возможностях современных мужчин и женщин воспринимаются студенческой молодежью провинции в формате оппозиции и долженствования более, чем в формате партнерских и развивающихся отношений (табл. 3).

Таблица 3

**Эмпирические показатели ϕ -критерия Фишера
 при сопоставлении представлений о современных мужчинах и женщинах
 студентов провинции**

Высказывания	Студенты провинции			
	Девушки		Юноши	
Конструктивные суждения, %: о мужчинах	22,7	3,947**	42,2	0,885
	50,7		32,3	
Деструктивные суждения, %: о мужчинах	52,9	6,302**	15,6	3,671**
	11,3		54,8	

Примечание. $\phi_{эмп}^*$ — при $p \leq 0,05$ (1,64); $\phi_{эмп}^{**}$ — при $p \leq 0,01$ (2,31).

В высказываниях жителей провинции присутствуют элементы идеализации образа мужчины прошлого времени, ориентация на его традиционные роли: «Мужчина должен нести ответственность за свои поступки (не убежать в кусты), а также за своих близких — жену и детей», «...женщина тоже должна работать, но зарплата у мужчины должна быть больше». Высказывания часто оформлены в формате долженствования: «Мужчина должен стремиться к достижению каких-либо высот в профессии, карьере, чтобы им гордились жена, дети, родители, коллеги». «В основе отношения мужчины к женщине лежит уважение», — заявляет респондент, не поясняя при этом, что лежит в основе отношения женщины к мужчине и в чем именно состоит это уважение.

Девушки провинции, обсуждая смешение женских и мужских ролей, отметили разноплановость ролевого поведения современной женщины («все несет на себе», должна быть «мастерицей на все руки — от мебели до бижутерии»). Эти респондентки также выразили мнение, что позитивные возможности самореализации женщин в профессиональной карьере могут негативно восприниматься обществом как карьеризм, так называемое мужское поведение, нежелание думать о семье и осуждаться: «Карьеристки не всегда принимаются обществом, причем критикуют их больше сами женщины...»

Карьероориентированное поведение, наоборот, приветствуется девушками — жительницами мегаполисов. В редких отрицательных высказываниях о современных женщинах студенток мегаполисов содержатся отсылки к наивности, глупости, слабости, подверженности мужскому влиянию. На широкий ролевой репертуар также было указано в контексте осуждения большой нагрузки женщин: «Все на них — и дети, и семья, и дом, и работа».

Судя по высказываниям юношей — студентов провинции, современный мужчина трансформировался в «ненастоящего» мужчину, «лицо с обложки», он сравнивается с «западным» мужчиной: «В нашей стране распространены

представления о “нормальных” мужиках, настоящих мужчинах, в отличие от Запада», «В нашей стране остались еще “нормальные” мужики, настоящие мужчины, в отличие от Запада». В их высказываниях об отношениях с женщиной отчетливо прозвучали патриархатные тенденции: «Женщина должна слушаться мужчину». В то же время патриархатные отношения для современных мужчин и женщин юноши мегаполиса сочли невозможными: «Раньше мужчины доминировали, сейчас в этом не стало необходимости». Мужчина, в их понимании, изменился, поскольку изменились его социальные роли.

Таблица 4

Эмпирические показатели χ^2 -критерия Фишера при сопоставлении представлений о современных мужчинах и женщинах студентов мегаполиса

Высказывания	Студенты мегаполиса			
	Девушки		Юноши	
Конструктивные суждения, %: о мужчинах	48,8	5,886**	72,4	2,392**
	88,1		51,6	
Деструктивные суждения, %: о мужчинах	51,2	5,886**	22,4	3,396**
	11,9		51,6	

Примечание. $\chi^2_{\text{эмп}}^*$ — при $p \leq 0,05$ (1,64); $\chi^2_{\text{эмп}}^{**}$ — при $p \leq 0,01$ (2,31).

Различия в гендерной провинциальной и урбанистической ментальности можно проиллюстрировать на примере высказываний на тему прав и возможностей современных мужчин и женщин. И юноши и девушки, отметив их равные права в профессии, карьере, семье («Мужчины и женщины зачастую занимают сейчас одни позиции в разных сферах общества», «И мужчина и женщина при желании могут реализоваться в разных сферах»), продемонстрировали различное понимание этого равноправия. Девушки отчетливо высказали сомнение в возможностях самореализации женщин в современных социальных условиях: «На последних президентских выборах женщине-кандидату постоянно указывали на ее место». Равные права, с точки зрения девушек мегаполиса, это когда «женщины могут позволить себе такие вещи, которые не могли позволить раньше»: «Они могут работать, могут даже быть президентами. Так, например, в США есть такая возможность». По мнению девушек провинции, равные права привели к исключению уважительного отношения к женщине: «...собьют и не извинятся, не всегда уступят место в транспорте, не подержат дверь при выходе, не подадут руку», «Мы, женщины, сами виноваты — боролись за равноправие, вот и получили...»

Юноши высказали сомнение в способности женщин распоряжаться равными правами. Студенты провинции выразили неуверенность в необходимости равноправия для женщин: «Современные женщины только хотят казаться независимыми и равными мужчине, в трудной ситуации они всегда вспоминают о том, что они женщины». Часть юношей мегаполиса также считают, что женщины «не знают еще, как ею [независимостью] пользоваться», не научились аргументировать и отстаивать свои позиции. В то же время подчеркивалось

неравноценное отношение к женщинам в отдельных сферах жизни общества, например в политике. Часть юношей убеждены в том, что равноправие в стране формальное, а фактически прав у женщины гораздо меньше, чем у мужчины: «За окном Россия: здесь не будет равенства; женщины никогда не будут иметь возможностей, которые имеют мужчины», «Она имеет право высказаться, но ее никто не будет слушать», «Всегда есть люди, которые не будут ее слушать только потому, что она женщина».

Выводы

Представители российской студенческой молодежи фиксируют трансформации гендерных ролей современных мужчин и женщин, расширение спектра их типичного поведения и в то же время стремление к базовым человеческим ценностям во взаимоотношениях — уважению и партнерству.

И юноши и девушки отметили развитие российского общества в направлении равноправия мужчин и женщин в политической и профессиональной деятельности, в карьерных намерениях, саморазвитии, исполнении ролей в семье и одновременно указали на сложности реализации декларируемых равных возможностей.

Сравнительный анализ позволил сделать выводы о формальных и содержательных различиях озвученных представлений в зависимости от пола респондентов. Респонденты как столичных, так и провинциальных вузов высказывали преимущественно негативно окрашенные суждения (скептические, критические и пр.) о представителях другого пола, о представителях своего — в основном позитивные, но в значительной мере идеалистичные. В то же время представления о современных мужчинах и женщинах дифференцированы в зависимости от места обучения/проживания. Студенческая молодежь провинции воспринимает гендерные трансформации преимущественно негативно в формате оппозиции, претензии и долженствования.

Результаты исследования представлений студенческой молодежи провинциальных городов и мегаполисов о современных мужчинах и женщинах продемонстрировали противоречивость и неоднозначность восприятия современных гендерных трансформаций: в высказываниях студентов отчетливо прозвучали ориентация на сепарацию и противопоставление мужчин и женщин, категоричные оценочные суждения, в характеристиках поведения другого пола преобладают негативные оценки. В суждениях студентов крайне редко звучали термины партнерства и сотрудничества, актуальные в настоящее время во всех сферах жизни; чаще были слышны несогласованность ролевых ожиданий, отсутствие удовлетворенности от общения и взаимодействия, взаимные претензии. Подобные противоречивые данные были нами получены и на других выборках, в частности у школьниц разного возраста [Штылева, Ключко, 2019].

В представлениях студентов вузов зафиксированы основные гендерные трансформации современности — расширение диапазона гендерных ролей и амбивалентность психологических качеств. Молодежь мегаполиса продемонстрировала тенденцию сдвига к эгалитарным отношениям, однако студенты провинциальных городов (и девушки и юноши) пока апеллируют к традиционным гендерным нормам. Преимущественно деструктивные высказывания

при описании современных гендерных трансформаций показывают конфликтность существующих гендерных отношений, косвенно подтверждают положение о незавершенности гендерной революции в России. Преимущественно положительные представления о трансформации женских ролей и качеств контрастируют с яркой негативной оценкой изменений мужских ролей и характеристик.

В то же время, как показывает опыт развитых стран, имеющих высокий индекс гендерного равенства (Исландия, Швеция, Финляндия, Канада), для принятия обществом эгалитарных моделей отношений необходима критическая масса людей, разделяющих новые идеи, позитивно их принимающих, и новые формы социальной практики. Отсутствие поддерживающих внешних факторов (государственная идеология, правовые инициативы, целенаправленная интеграция гендерного подхода в образовательные и просветительские программы, социальная поддержка равномерного распределения обязанностей в семье и др.) не позволяет прогнозировать скорого перехода к партнерским гендерным отношениям в российском обществе. Следовательно, множественные социальные проблемы, вытекающие из существующей модели гендерных отношений, например демографическая (мужская сверхсмертность, высокий уровень разводов, низкая рождаемость, семейное и сексуальное насилие и пр.), не будут решены.

Библиографический список

- Байбурина Д. Г.* Гендерные аспекты трансформации брачно-семейных отношений в современном обществе // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 2. С. 651—656.
- Задворнова Ю. С.* Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 32—40.
- Зинькина Ю. В., Слинко Е. В., Быканова Д. А., Коротаев А. В.* Динамика ценностей и модернизация: опыт количественного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21. С. 44—72.
- Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С. Л. Лопатиной, науч. ред. Э. Д. Панарин. М.: Мысль, 2018. 347 с.
- Клецина И. С., Иоффе Е. В.* Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М.: Проспект, 2017. 144 с.
- Ключко О. И.* Гендерные трансформации в социализации и ментальности российской молодежи // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Философские науки. 2018. № 1. С. 29—35.
- Ковтун Г. С., Куперман А. А.* Гендерные представления современной студенческой молодежи: (на материале г. Владивостока) // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 53—63.
- Кон И. С.* Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Постклассические гендерные исследования: коллективная монография / отв. ред. Н. Х. Орлова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 8—32.
- Мирча А. В.* Образование и гендерная трансформация в условиях культурной глобализации Японии // Философия образования. 2010. № 3. С. 153—161.
- Семенова Т. В.* Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Казань, 2007. 40 с.

- Силласте Г. Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3—16.
- Тартаковская И. Н., Лукин И. И. Социальные трансформации гендера и сексуальности в свете идей И. С. Кона // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 4—19.
- Терентьева В. И. Социокультурные метаморфозы на рубеже эпох — закономерности и угрозы // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2019. № 31. URL: vsoa.esrae.ru/205-1125 (дата обращения: 17.03.2019).
- Чекалина А. А. Психология гендерного самосознания. М.: Моск. гор. пед. ун-т, 2015. 240 с.
- Чекалина А. А. Город. Образование. Ментальность // Взаимодействие на преподавателя и студента в условията на университетското образование: традиции и инновации: материалы Международной научно-практической конференции. Китев, 2018. С. 35—41.
- Чернова Ж. Незавершенная гендерная революция // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 222—242.
- Штылева Л. В., Ключко О. И. Гендерные трансформации в ментальности современных российских школьниц // Перспективы науки и образования. 2019. № 2. С. 240—255.
- Billari F., Esping-Andersen G. Re-theorizing family demographic change // Population and Development Review. 2015. Vol. 41, № 1. P. 1—31.

References

- Baiburina, D. G. (2014) Gendernye aspekty transformatsii brachno-semeinykh otnoshenii v sovremennom obshchestve [Gender aspects of the transformation of marriage and family relations in modern society], *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 19, no. 2, pp. 651—656.
- Billari, F., Esping-Andersen, G. (2015) Re-theorizing family demographic change, *Population and Development Review*, vol. 41, no. 1, pp. 1—31.
- Chekalina, A. A. (2015) *Psikhologiya gendernogo samosoznaniia* [The psychology of gender identity], Moscow: Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet.
- Chekalina, A. A. (2018) Gorod. Obrazovanie. Mental'nost' [Town. Education. Mentality], in: *Vzaimodeistvie na prepodavatelii i studenta v usloviiata na universitetskoto obrazovanie: traditsii i inovatsii*: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kitev, pp. 35—41.
- Chernova, Zh. (2019) Nezavershennaia gendernaia revoliutsiia [Incomplete gender revolution], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 2, pp. 222—242.
- Inglhart, R. (2018) *Kul'turnaia evoliutsiia: kak izmeniaiutsia chelovecheskie motivatsii i kak eto meniaet mir* [Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world], Moscow: Mysl'.
- Kletsina, I. S., Ioffe, E. V. (2017) *Gendernye normy kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen* [Gender norms as a socio-psychological phenomenon], Moscow: Prospekt.
- Kliuchko, O. I. (2018) Gendernye transformatsii v sotsializatsii i mental'nosti rossiiskoi molodēzhi [Gender transformations in the socialization and mentality of Russian youth], *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*, seriia: Filosofskie nauki, no. 1, pp. 29—35.
- Kon, I. S. (2011) Tri v odnom: seksual'naia, gendernaia i semeinaia revoliutsii [Three in one: sexual, gender and family revolution], in: *Postklassicheskie gendernye issledovaniia*:

- Kollektivnaia monografiia, St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 8—32.
- Kovtun, G. S., Kuperman, A. A. (2017) Gendernye predstavleniia sovremennoi studentcheskoï molodëzhi: (Na materiale g. Vladivostoka) [Gender representations of modern students: (Based on material from Vladivostok)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 53—63.
- Mircha, A. V. (2010) Obrazovanie i gendernaia transformatsiia v usloviakh kul'turnoi globalizatsii Iaponii [Education and gender transformation in Japan's cultural globalization], *Filosofiia obrazovaniia*, no. 3, pp. 153—161.
- Semenova, T. V. (2007) *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniia gorodskoi mental'nosti: Avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Theoretical and applied aspects of the socio-psychological study of urban mentality: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Kazan'.
- Shtyleva, L. V., Kliuchko, O. I. (2019) Gendernye transformatsii v mental'nosti sovremennykh rossiiskikh shkol'nits [Gender transformations in the mentality of modern Russian schoolgirls], *Perspektivy nauki i obrazovaniia*, no. 2, pp. 240—255.
- Sillaste, G. G. (2019) Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poriadka [Social transitions and the formation of a new gender order], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—16.
- Tartakovskaia, I. N., Lunin, I. I. (2018) Sotsial'nye transformatsii gendera i seksual'nosti v svete ideï I. S. Kona [Social transformations of gender and sexuality in the light of I. S. Kona], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 4—19.
- Terent'eva, V. I. (2019) Sotsiokul'turnye metamorfozy na rubezhe èpokh — zakonomernosti i ugrozy [Socio-cultural metamorphoses at the turn of the epoch — patterns and threats], *Vestnik Vostochno-Sibirskoi otkrytoi akademii*, no. 31, available from vsoa.esrae.ru/205-1125 (accessed 17.03.2019).
- Zadvornova, Iu. S. (2013) Tendentsii transformatsii gendernykh roleï v sovremennoi rossiiskoi sem'e [Trends in the transformation of gender roles in the modern Russian family], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 32—40.
- Zin'kina, Iu. V., Slin'ko, E. V., Bykanova, D. A., Korotaev, A. V. (2018) Dinamika tsennostei i modernizatsiia: opyt kolichestvennogo analiza [Value dynamics and modernization: quantitative analysis experience], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, no. 21, pp. 44—72.

Статья поступила 14.12.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Ключко Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор департамента психологии, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, olga-kliutchko@yandex.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor at Psychology Department, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation).

Чекалина Ангелина Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, chekalina@inbox.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at Psychology Department, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation).

Иоффе Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, elenaioffe@yandex.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Ерофеева Мария Александровна — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Московский университет Министерства внутренних дел РФ им. В. Я. Кикотя, г. Москва, Россия, erofeeva-ma72@yandex.ru (Dr. Sc. (Pedagogics), Professor at the Department of Pedagogics, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Сухарева Надежда Федоровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной и прикладной психологии, Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, nadezhda-sukhareva@yandex.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Special and Applied Psychology, Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russian Federation).

Самосадова Елена Владимировна — старший преподаватель кафедры специальной и прикладной психологии, Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, samosadova_ev@mail.ru (Assistant Professor at the Department of Special and Applied Psychology, Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 1. P. 70—84
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.6

Женщина в российском обществе
2020. № 1. С. 70—84
ББК 60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.6

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ОТЦА У МУЖЧИН, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ

Т. В. Архиреева

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород, Россия, tarxireeva@mail.ru

Представлены результаты эмпирического исследования образа идеального отца у мужчин, имеющих детей. Полученные данные свидетельствуют о том, что у изучаемой группы идеальный образ отца строится на новой модели отцовства — «современного», или «ответственного», отцовства. Ключевыми характеристиками такого образа являются ум и ответственность. Обнаружено, что образ собственного отца оказывает влияние на формирование представлений об идеальном отце как некоем образце родительского поведения. Можно говорить о наличии двух способов такого влияния: включении в образ идеального отца привлекательных черт собственного отца и отказе от непривлекательных черт, имеющихся у него.

Ключевые слова: отцовство, образ идеального отца, образ собственного отца.

MEN-WHO-HAVE-CHILDREN IMAGE OF THE IDEAL FATHER

T. V. Arkhireeva

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Velikiy Novgorod,
Russian Federation, tarxireeva@mail.ru

The article presents the results of an empirical study of the image of the ideal father in men with children. The father image recorded ideas about the nature of fatherhood, and it contains normative elements indicating the purpose of the father, the samples of the personality that should be imitated. The main purpose of the ideal father image is to create a model that regulates the implementation of men's parental role. The data obtained as a result of our research indicate that the study group ideal father image is based on a new model of fatherhood — “modern”, or “responsible”, fatherhood. The key characteristics of such an image are being smart and responsible. Such personal properties as rigidity, power and trustworthiness are the least relevant to the image of the ideal father in the eyes of men. We have found that the pattern of one's own father has an impact on shaping perceptions of the ideal father as a kind of parental behavior. We believe that there are two ways of exerting such influence — by incorporating the image of the ideal father into his own father's attractive traits,

and by abandoning his unattractive traits. For example, the low assessment of responsibility in the image of one's own father increases the importance of emotional stability in the image of the ideal father, and the emotional instability and excessive trustfulness of one's own father increases the importance of responsibility in the image of the ideal father, etc.

Key words: fatherhood, the image of the ideal father, the image of one's own father.

Введение

В результате изучения самоактуализации гендерной идентичности личности психологи убедились, что к важнейшим смысловым составляющим, задающим направления самореализации мужчин и женщин, относятся семья и профессиональная деятельность. Тема семьи возникает в рассуждениях о самореализации и собственном предназначении как у женщин, так и у мужчин [Ожигова, 2006]. В семье важнейшей сферой реализации себя является родительство: материнство у женщин, отцовство у мужчин.

В последние годы в психологии проблеме отцовства уделяется много внимания (см., напр.: [Борисенко, Портнова, 2006; Овчарова, 2005; Павлов, 2008; Архиреева, 2012; Чикалова, 2012]), но так было не всегда. Долгое время эта тема не вызывала интереса ни у отечественных, ни у зарубежных психологов. Одной из причин такого положения на Западе являлась принятая точка зрения, что отцы менее важны, чем матери, для развития детей. Основные теории — психоанализ, теория привязанности — соответствовали традиционному представлению об отстраненном отце. Большое влияние на западных психологов оказала теория раннего социального развития З. Фрейда, согласно которой главная роль в развитии младенца принадлежит матери, а роль отца начинает иметь значение только в более поздний период детства. Сходные идеи были представлены в более поздних работах основоположника теории привязанности Д. Боулби, который утверждал, что для нормального развития ребенка необходима сформированная безопасная привязанность к одному человеку, которым должна быть мать или лицо ее заменяющее [Боулби, 2003: ХХII, 293—399].

Отечественные психологи также долгое время не занимались данной проблемой. Возможно, это связано с социальной ситуацией воспитания ребенка в семье. Изменения в структуре семейного воспитания в XX в. были проанализированы Б. И. Кочубеем [Кочубей, 1990]. Он показал, что разрушение патриархальной семьи привело к тому, что в нашей стране воспитание превратилось в дело женщин, отцам отводилась второстепенная роль. С этой точкой зрения согласен И. С. Кон. Он обратил внимание на то, что социологи и педагоги всего мира забили тревогу по поводу кризиса отцовства. И. С. Кон полагает, что кризис отцовства можно рассматривать в трех автономных контекстах:

— как кризис семьи. В этом контексте в центре внимания оказываются такие явления, как нестабильность брака, изменение критериев оценки его успешности, перераспределение супружеских обязанностей в связи с тем, что оба супруга работают, и др.;

— как аспект кризиса маскулинности (ослабление привычной мужской гегемонии и связанное с этим изменение традиционных представлений о мужественности);

— как аспект кризиса власти, так как ранее власть была преимущественно мужская, отцовская, патриархальная, предполагающая, что каждый вышестоящий начальник — это символический отец нижестоящей власти, которую он порождает, содержит, контролирует, дисциплинирует и наставляет на путь истинный. Граждане демократических стран не считают своих правителей отцами и готовы брать ответственность за свою жизнь на себя [Кон, 2009].

Но высказанная Б. И. Кочубеем и И. С. Коном точка зрения не является единственной в настоящее время. Психологами даже высказывается мнение о том, что в данный период происходят серьезные, основанные на модели новой мужественности изменения в отцовском поведении, выражающиеся в желании быть в большей мере ответственным за ребенка [Клецина, 2010].

Возможно, именно преобладание той позиции, что роль отца в воспитании ребенка незначительна, и провоцировало отсутствие интереса к изучению проблемы отцовства. Но, на наш взгляд, совершенно неправомерно отводить отцам второстепенную роль в воспитании ребенка.

В последние годы интерес к исследованию отцовства, несомненно, вырос. Можно выделить несколько подходов к этой проблеме. Первое направление — изучение роли отца в развитии ребенка, которое активно реализуется в настоящее время в отечественной и зарубежной психологии, второе осуществляется в рамках гендерного подхода, третье реализуется в рамках изучения личности и ее развития. Во всех случаях исследуется как реальное отцовство, так и образ отца.

Влиянию образа отца на развитие ребенка посвящены работы О. Г. Калины и А. Б. Холмогоровой, С. Т. Посоховой, С. В. Липпо и Р. В. Манерова. Так, О. Г. Калина и А. Б. Холмогорова рассматривают влияние образа отца, сформированного у подростков, на их эмоциональное благополучие и формирование гендерной идентичности. Они обнаружили, что у подростков — мальчиков из неполных семей наблюдается меньшая маскулинность, а у младших подростков-девочек больше выражены симптомы депрессии. Мальчики старшего подросткового возраста и девочки младшего подросткового возраста с негативным отцовским образом обладают меньшей маскулинностью и феминностью соответственно, а также имеют более высокий уровень выраженной тревожной и депрессивной симптоматики. Авторы показали, что наличие отца в семье и тип его образа у подростка могут быть независимыми предикторами определенных проблем психического развития, а иногда могут действовать совместно. Выяснилось, что если в образе отца есть позитивная составляющая, то независимо от наличия отца в семье маскулинность подростка не меняется. Однако, если образ отца негативен, факт наличия отца в семье будет иметь решающее значение. Выявились также, что снижению уровня маскулинности у подростков-мальчиков способствует как негативный образ отца, так его недостаточно дифференцированный образ [Калина, Холмогорова, 2011].

Исследование С. Т. Посоховой, С. В. Липпо, Р. В. Манерова посвящено изучению связи между образом собственного отца и самоактуализацией личности. Ими было установлено, что в зависимости от пола и возраста трансформируются и образ отца, и особенности его влияния на самоактуализацию ребенка. Так, если для мальчиков-подростков успешность отца, восприятие его главой семьи стимулируют их стремление к самоактуализации, то для взрослых мужчин те же характеристики отца становятся препятствием для реализации своего потенциала. Авторы также обнаружили, что можно выделить такое содержание

образа отца, которое имеет амбивалентное влияние на самоактуализацию ребенка, что служит доказательством сложности и неоднозначности связей между названными феноменами. Личные достижения отца и длительность общения с ним выступают как характеристики отцовского образа, которые могут влиять разнонаправленно на самоактуализацию его детей в группах мальчиков-подростков и взрослых женщин. Было также установлено, что представления об отце, поддерживающем только формальные отношения, лишённые искренней заботы и дружелюбия, с дочерью-подростком, подавляют ее стремление к самоактуализации [Посохова и др., 2008].

Другой аспект изучения образа отца — выявление его содержания у самих мужчин, что чаще всего осуществляется в рамках гендерного подхода. Одно из таких исследований было проведено Е. Е. Сапоговой в ходе изучения ею гендерных концептов, поддерживающей позицию, которая сводит понятие концепта к смыслу, к тому, что называется содержанием понятия. Она полагает, что в концептах «свернут» объёмный текст, насыщенный персональными смыслами, ассоциациями и аллюзиями, представляющий все известные и воображаемые субъектом манифестации значимых для него вещей, явлений, событий, отраженных в концепте. Проведенное ею исследование дало возможность выстроить обобщенное содержание ряда маскулинных концептов и понять, изменились ли представления о канонических признаках мужественности у современных русских мужчин. Полученные ею результаты позволили автору сделать вывод о том, что отцовство как основополагающий элемент маскулинности подверглось известной девальвации. Так, выяснилось, что у некоторых мужчин наличие семьи и детей не является необходимым мужским признаком, а вот указания на связи с женщинами таковым являются. Это свидетельствует о смещении эмоционального и ценностного содержания концептов в маскулинной сфере по сравнению с традиционным. Само содержание концепта «отцовство» в сознании мужчин по большей части сводится к смыслу «содержание семьи/детей» — к финансовому обеспечению, становлению на ноги. Почти утратила свое ценностное значение тема передачи от отца к детям мудрости, традиций, способов адаптации к социуму (эта функция сегодня, по-видимому, делегируется матери), сохранившись лишь в части «посвящений» ребенка своего пола в некоторые специфически мужские формы активности (спорт, рыбалка и др.) [Сапогова, 2013: 195—196].

Результаты исследований Е. Е. Сапоговой свидетельствуют также о том, что отцовство мужчинами рассматривается как воплощение семейной власти. Причем речь идет не столько о поддержании семейного порядка, традиций, семейных устоев, сколько о праве быть «верховным распорядителем» судеб детей и в случае необходимости выполнять наказующие функции, применять санкции к нарушителям семейного порядка. Опираясь на ответы некоторых испытуемых, Е. Е. Сапогова делает вывод о том, что стремление детей, особенно сыновей, быть непохожими на отца (жизненные цели, ценности, мировоззрение и установки) воспринимается с обидой и часто ведет к неконструктивным семейным конфликтам [там же].

Еще один вывод сводится к тому, что многие мужчины самостоятельно или под давлением обстоятельств несколько дистанцируются от собственного отцовства, сводя его к минимуму. Они даже ловят себя на ревности к детям. Такая девальвация содержания концепта «отцовство» объясняется Е. Е. Сапоговой двумя причинами. Во-первых, в основе этого может лежать инфантильность,

личностная и социальная незрелость даже взрослых мужчин, а во-вторых, их занятость на работе приводит к тому, что представление об отце часто ассоциируется у детей именно с его работой, а не с внутрисемейным психологическим статусом [там же].

Важным направлением исследования отцовства является изучение не только образа отца, имеющегося у конкретного человека, но и общественных представлений об отцовстве, оно также чаще всего осуществляется в рамках гендерного подхода. Исключением из этого правила может служить работа Б. И. Кочубея, предпринявшего попытку охарактеризовать типы отцовства в связи с изменениями в семейном укладе, убрав соотношение отцовского образа с представлениями о мужественности. С точки зрения Б. И. Кочубея, качество отцовства можно свести к двум составляющим: доле участия мужчины в воспитании и степени его авторитарного контроля. В зависимости от сочетания этих составляющих можно выделить четыре типа образа отца [Кочубей, 1990]:

- «традиционный» (авторитарный, много занимается с детьми);
- «современный» (демократичный, много занимается с детьми);
- «отсутствующий» (детьми не занимается, но авторитарности не проявляет);
- «грубый, суровый, презирающий детей» (детьми не занимается, но жесткость проявляет).

И. С. Клецина, на основе анализа отечественной и зарубежной литературы, посвященной проблеме отцовства и маскулинности, выделила наиболее распространенные типы отцовского поведения, опирающиеся на модели традиционной и новой мужественности. Модели традиционной маскулинности соответствуют такие типы отцовства, как 1) «традиционный отец» — он заботится о семье как руководитель, наставник, персонификатор власти, всегда эмоционально сдержан, часто суров и строг, ориентирован не на физический уход и заботу о детях, а на реализацию властных полномочий в семье; 2) «отсутствующий отец» — человек, который отсутствует прежде всего в психологическом плане, он практически не включен в повседневную жизнь ребенка, не имеет психологического, а возможно, и физического контакта с ним. И. С. Клецина охарактеризовала и типы отцовского поведения, основанного на модели новой мужественности: 1) «ответственный отец», чье поведение в отношении ребенка характеризуется вовлеченностью в непосредственный уход за ним, в общение и игры, включением в заботу о детях, ответственностью за их физическое и личностное развитие; 2) «новый отец», который берет на себя ответственность за свою семью, делит поровну с супругой и домашние обязанности, и обязанности по уходу за детьми, в полной мере отвечает за их развитие и воспитание [Клецина, 2010].

Таким образом, в исследованиях, посвященных изучению образа отца, подчеркивается, что в настоящее время происходят серьезные изменения в представлениях об отцовстве в обществе в целом и у мужчин в частности. Направленность этих изменений может быть различной: становление новой мужественности, предполагающей включенность мужчины в заботу о ребенке и его воспитание; девальвация отцовства как ключевого элемента маскулинности. Мы полагаем, что пока еще недостаточно данных, которые бы позволили более глубоко понять характер подобного рода изменений. Следовательно, необходимо более детально изучать имеющиеся представления об отце и отцовстве, что позволило бы оценить

не только характер изменений, но и их причины. Это даст возможность понять, что происходит с таким социальным институтом, как отцовство, поможет решить практические задачи становления ответственного отцовства.

Предметом нашего исследования является образ отца. В психологической литературе приводятся определения данного понятия. О. Г. Калина и А. Б. Холмогорова пишут: «Образ отца — это важная для психического развития ребенка и подростка структура, формирование которой начинается с рождения и осуществляется под воздействием различных внутренних (половозрастные и ситуативные проекции, фантазии) и внешних (коммуникации со значимыми близкими людьми, культуральные стереотипы, взаимодействия с отцом) факторов и отражает различные атрибуты отцовской фигуры: физические, интеллектуальные, эмоциональные» [Калина, Холмогорова, 2011: 42—43]. Мы считаем, что нужно подходить к изучению этого феномена в более широком контексте. Образ отца относится к группе социально-перцептивных образов, он является частным проявлением образа человека. Социально-перцептивные образы — это отражение в сознании человека образов других людей и самого себя как члена человеческого сообщества. Они могут отражать как наиболее значимые и существенные характеристики, так и поверхностные, несущественные, ситуативные, а порой и просто случайные [Ситников, 2001: 20]. Понятие «образ человека» не только фиксирует представления о природе человека, но и содержит нормативные элементы, указывая на предназначение, смысл жизни человека, на некие конкретные образцы личности, достойные подражания [Зобов и др., 2001].

Поскольку понятие «образ отца», как мы уже сказали, является частным проявлением более широкого понятия «образ человека», можно выделить разные его модальности: образ реального отца, образ идеального отца, образ типичного отца и др. Все они фиксируют представления о природе отцовства, а также содержат нормативные элементы, указывающие на предназначение отца, на образцы отцовского поведения, достойные подражания. Наше исследование посвящено изучению образа идеального отца в связи с образом собственного отца. Мы полагаем, что главным предназначением образа идеального отца является создание модели, регламентирующей реализацию мужчинами родительской роли, а также выступающей системой критериев оценки качества ее реализации у себя и других. Такое представление о значении идеала согласуется с имеющимися в отечественной психологической науке взглядами на роль нравственно-психологических идеалов вообще. Очевидно, что идеал отца является частным случаем таких идеалов. Проблема нравственно-психологических идеалов изучалась Л. И. Божович, показавшей их роль в развитии личности подростков. Она считает, что нравственно-психологический идеал — это не только знаемая подростком объективная этическая категория, но «эмоционально окрашенный, внутренне принятый подростком образ, который становится регулятором его собственного поведения и критерием оценки поведения других людей» [Божович, 2008: 250]. Естественно, что у взрослого человека идеал в полной мере реализует обе эти функции. Л. И. Божович также полагает, что воспринятый и созданный человеком идеал выступает для него постоянно действующим нравственным мотивом. Таким образом, можно считать, что образ идеального отца у мужчин — это один из факторов, который будет определять качество отцовства, особенности реальной отцовской практики, поскольку он может выступать в роли мотива отцовского поведения.

Цель данного исследования — изучение образа идеального отца, сформированного у мужчин, имеющих детей, а также выявление того, как на формирование образа идеального отца повлиял образ их собственного отца. Мы исходим из двух предположений: 1) существуют индивидуальные варианты образа идеального отца у мужчин, имеющих детей; 2) образ собственного отца оказывает значительное влияние на становление идеального отцовского образа у мужчин.

Методы исследования

Методами нашего исследования образов идеального и собственного отца являлись шкальные техники, основанные на субъективном шкалировании. Мужчинам предъявляли список личностных качеств, а затем просили их проранжировать с точки зрения того, как они должны быть представлены у идеального отца. Второй раз нужно было проранжировать список качеств с точки зрения их представленности у собственного отца. Перечень качеств, предлагаемый для ранжирования, составлялся на основе личностных характеристик, выделенных Р. Кеттелом как наиболее важные для описания личности и приводимых им в его личностном опроснике. Наш перечень состоит из 12 качеств.

Характеристика выборки

В исследовании участвовали 126 мужчин, имеющих собственных детей. Средний возраст — 36 лет, но возрастной разброс довольно значительный — от 20 до 58 лет. Большая часть мужчин, 77,4 %, воспитывались в полных семьях. 22,6 % испытуемых указали, что в их детские годы в семье происходили изменения: расставание родителей, появление отчима. Важно отметить, что мы не учитывали, воспитывался ли мужчина в полной семье или в семье после развода.

Результаты исследования

На первом этапе анализа полученных данных мы определили средний ранг каждого личностного свойства образа идеального отца (табл. 1).

Таблица 1

Описательная статистика для рангов личностных свойств
в образе идеального отца

Свойство	Среднее значение	Стандартное отклонение
Ум	2,95	2,42
Ответственность	3,27	2,48
Уверенность в себе	5,44	3,33
Смелость	5,45	2,36
Практичность	5,47	2,52
Общительность	5,77	2,78
Сдержанность	5,82	2,53
Эмоциональная устойчивость	6,05	2,81
Дипломатичность	8,02	2,85
Властность	9,48	2,37
Доверчивость	9,51	2,05
Жесткость	10,53	2,09

Ключевыми характеристиками идеального отца, по мнению мужчин, являются «ум» и «ответственность». Последние места принадлежат таким характеристикам, как «жесткость», «доверчивость», «властность», «дипломатичность». Можно полагать, что последние места в рейтинге относятся к двум блокам: к проявлениям авторитарности отца (жесткость и властность) и возможности сознательно выстраивать доверительные отношения с другими. Средние ранговые места заняли такие характеристики, как «общительность», «эмоциональная устойчивость», «сдержанность», «практичность», «уверенность в себе», «смелость».

Мы уже упоминали, что представления в обществе о том, каким должен быть отец, менялись и меняются в связи с изменениями семейного уклада, моделей мужественности в общественном сознании. Идеальный образ отца, полученный нами, соответствует типу современного отца, выявленного Б. И. Кочубеем [Кочубей, 1990: 26—31], и ответственного отца, описанного И. С. Клещиной [Клещина, 2010: 16—25]. Результаты позволяют говорить о том, что традиционная модель отцовства (отец как патриарх, персонификатор власти) не считается привлекательной с точки зрения мужчин, которые сами являются отцами.

Обращает на себя внимание и тот факт, что все же есть некоторые вариации в представлениях мужчин об идеальном отце. Для определения индивидуальных вариантов мы использовали кластерный анализ ранговых оценок свойств личности идеального отца. Анализ данных позволил нам выделить четыре типа представлений (табл. 2, 3, 4, 5).

Таблица 2

Средние значения и стандартные отклонения показателей рангов личностных свойств в образе идеального отца в 1-м кластере (40 случаев)

Свойство	Среднее значение	Стандартное отклонение
Ответственность	2,36	1,45
Ум	2,41	2,21
Уверенность в себе	3,90	2,32
Смелость	4,75	2,01
Сдержанность	4,80	1,87
Практичность	6,50	1,84
Эмоциональная устойчивость	6,55	2,34
Общительность	6,58	1,84
Дипломатичность	7,48	2,46
Доверчивость	10,14	1,08
Властность	10,86	0,84
Жесткость	11,50	0,88

Ключевыми характеристиками образа идеального отца данного типа являются «ответственность», «ум», но к ним добавляется «уверенность в себе». «Властность», «жесткость» и «доверчивость» (видимо, воспринимаемая как показатель слабости и недалекости) оказываются максимально непривлекательными чертами.

Таблица 3

Средние значения и стандартные отклонения показателей рангов
личностных свойств в образе идеального отца во 2-м кластере (24 случая)

Свойство	Среднее значение	Стандартное отклонение
Эмоциональная устойчивость	2,92	1,32
Общительность	3,42	2,45
Ум	4,15	2,57
Ответственность	4,96	2,48
Уверенность в себе	5,06	3,03
Сдержанность	5,17	2,68
Дипломатичность	6,38	2,91
Практичность	6,50	2,43
Смелость	8,17	1,81
Доверчивость	9,92	1,56
Властность	10,13	1,90
Жесткость	11,13	1,36

Наиболее важными характеристиками образа идеального отца этого типа выступают «эмоциональная устойчивость» и «общительность». Довольно большое значение имеют «ум» и «ответственность». Непривлекательными чертами остаются «властность», «жесткость» и «доверчивость».

Таблица 4

Средние значения и стандартные отклонения показателей рангов
личностных свойств в образе идеального отца в 3-м кластере (29 случаев)

Свойство	Среднее значение	Стандартное отклонение
Ум	2,38	1,92
Ответственность	3,66	3,29
Общительность	4,31	2,19
Сдержанность	4,97	1,50
Смелость	5,14	2,25
Практичность	5,17	2,63
Эмоциональная устойчивость	5,83	2,67
Доверчивость	7,97	2,58
Властность	8,83	2,24
Жесткость	9,10	2,54
Уверенность в себе	9,62	2,01
Дипломатичность	11,18	0,99

Ключевыми характеристиками образа идеального отца у мужчин третьей группы являются «ум» и «ответственность», отвергается важность «уверенности в себе» и «дипломатичности», что принципиально отличает этих отцов от первой выделенной нами группы. Причем «властность», «жесткость» и «доверчивость» также сдвинуты к концу ряда.

Таблица 5

**Средние значения и стандартные отклонения показателей рангов
личностных свойств в образе идеального отца в 4-м кластере (33 случая)**

Свойство	Среднее значение	Стандартное отклонение
Ответственность	2,91	2,13
Ум	3,27	2,76
Практичность	3,76	2,15
Уверенность в себе	3,91	2,29
Смелость	4,42	1,58
Дипломатичность	7,15	2,33
Общительность	7,94	2,42
Эмоциональная устойчивость	8,00	2,37
Властность	8,06	3,04
Сдержанность	8,33	2,24
Доверчивость	9,91	2,11
Жесткость	10,33	2,39

У мужчин данной группы суть образа идеального отца составляют такие черты, как «ответственность», «ум», «уверенность в себе», «практичность» и «смелость», при этом ключевая характеристика — «ответственность».

При том что в образе «идеального отца» у мужчин есть различия, они незначительны. Практически во всех портретах такие черты, как «ум» и «ответственность», либо имеют очень высокий ранг, либо находятся в первой половине списка. Эти характеристики наиболее важные, но к ним могут быть добавлены иные специфические черты, например «общительность» или «уверенность в себе». Наименее соответствующими образу идеального отца в глазах всех мужчин являются такие личностные свойства, как «жесткость» и «властность», а также «доверчивость» (иногда «дипломатичность», «смелость»).

Далее остановимся на результатах исследования образа собственного отца (табл. 6).

Таблица 6

**Средние значения и стандартные отклонения показателей рангов
личностных свойств в образе собственного отца**

Свойство	Среднее значение	Стандартное отклонение
Ум	4,37	2,90
Ответственность	4,97	3,07
Общительность	5,03	3,12
Уверенность в себе	5,24	3,05
Практичность	5,80	2,94
Смелость	6,02	2,58
Сдержанность	6,54	3,38
Эмоциональная устойчивость	6,81	2,94
Дипломатичность	7,77	3,16
Властность	8,01	3,67
Доверчивость	8,28	3,19
Жесткость	9,24	3,43

Обращает на себя внимание близость, меньший разброс, средних значений показателей рангов разных личностных характеристик в образе собственного отца и большее значение их стандартного отклонения в образе идеального отца (очевидно, это свидетельствует о большем числе индивидуальных вариантов последнего).

Своей целью мы ставили выявление взаимосвязи черт личности в образах собственного и идеального отца. Предполагается, что такая взаимосвязь должна быть, поскольку именно собственный отец выступает образцом для идентификации с отцовской социальной ролью у мужчин. Для установления взаимосвязи образов реального и идеального отца был использован такой метод математической статистики, как корреляционный анализ (табл. 7).

Результаты свидетельствуют о том, что образ собственного отца действительно имеет связи с образом идеального отца. Обнаружены значимые положительные корреляционные связи между ранговыми значениями личностных черт образа собственного отца и образа идеального отца. Таким образом, можно говорить о том, что для формирования у мужчины представлений об идеальном отце опыт его общения с собственным отцом и его образ имеют значение. Выявленные связи не являются сильными. На наш взгляд, это объясняется тем, что данный фактор не единственный, оказывающий влияние на формирование у мужчин представлений об идеальном отце.

Установлен факт наличия значимых отрицательных корреляций между ранговыми значениями личностных черт образа собственного отца и образа идеального отца. Очевидно, что идеальный образ отца — это некие нормы, стандарты, образцы. Видимо, можно говорить о том, что есть два способа усвоения таких образцов: копирование привлекательных черт собственного отца и отказ от непривлекательных черт, имеющихся у него (чем обусловлено усиление, противопоставление тех или иных привлекательных черт).

Полученные нами данные обнаружили связи такого рода:

- 1) низкая оценка «ответственности» в образе собственного отца повышает важность «эмоциональной устойчивости» в образе идеального отца;
- 2) высокие оценки «доверчивости» и «дипломатичности» в образе собственного отца снижают важность «жесткости» в образе идеального отца;
- 3) низкая оценка «ума» как личностной характеристики собственного отца усиливает значимость «практичности» в образе идеального отца;
- 4) низкая оценка «доверчивости» собственного отца повышает значимость «уверенности в себе» в образе идеального отца;
- 5) излишняя «общительность» собственного отца, а также его «жесткость» приводят к повышению значимости «ума» в образе идеального отца;
- 6) «эмоциональная неустойчивость» и излишняя «доверчивость» собственного отца повышают значимость «ответственности» в образе идеального отца;
- 7) ценность «смелости» в образе идеального отца снижается в том случае, если у собственного отца выявляются «ум», «сдержанность» и «эмоциональная устойчивость», и соответственно повышается, если отец эмоционально неустойчивый, несдержанный или воспринимается недостаточно умным;
- 8) ценность «доверчивости» в образе идеального отца снижается, если собственный отец воспринимается как властный.

Наличие таких результатов, на наш взгляд, свидетельствует о сложности, неоднозначности отцовского воспитательного влияния. Можно говорить о том, что нормативные представления об отцовстве у мужчин могут быть как результатом идентификации со своим отцом, так и результатом противопоставления себя ему.

Значения коэффициентов корреляции образов реального и идеального отца

Характеристики образа идеального отца	Характеристики образа реального отца											
	Общительность	Эмоциональная устойчивость	Сдержанность	Жесткость	Практичность	Уверенность в себе	Ум	Властность	Ответственность	Смелость	Доверчивость	Дипломатичность
Общительность	<i>0,34</i>	0,12	0,01	0,01	0,05	-0,01	-0,25	0,11	-0,11	-0,06	-0,08	-0,14
Эмоциональная устойчивость	0,09	<i>0,31</i>	0,02	-0,02	0,04	0,08	0,11	-0,03	-0,19	-0,26	-0,13	-0,03
Сдержанность	-0,00	0,05	<i>0,23</i>	0,04	0,09	-0,07	-0,07	-0,05	0,01	-0,21	-0,00	-0,03
Жесткость	-0,07	0,06	0,15	<i>0,30</i>	-0,09	-0,04	-0,24	0,12	0,04	-0,03	-0,11	-0,14
Практичность	-0,12	0,00	0,07	0,01	<i>0,24</i>	-0,17	-0,11	-0,02	0,08	0,00	0,01	-0,04
Уверенность в себе	-0,06	-0,11	-0,13	-0,08	0,05	<i>0,20</i>	-0,12	0,01	0,08	0,08	0,10	-0,05
Ум	0,02	-0,02	-0,16	-0,02	-0,18	0,07	<i>0,36</i>	0,07	-0,07	-0,18	0,02	0,07
Властность	-0,02	0,04	-0,02	0,16	-0,07	0,10	-0,01	<i>0,19</i>	-0,17	0,05	-0,19	-0,09
Ответственность	-0,16	-0,19	-0,11	0,03	0,03	0,04	0,16	-0,13	<i>0,29</i>	0,24	-0,04	-0,01
Смелость	-0,07	-0,15	-0,04	0,04	-0,07	-0,13	0,10	-0,08	0,06	<i>0,34</i>	0,14	-0,08
Доверчивость	0,10	0,07	0,07	-0,18	-0,00	-0,18	0,05	-0,07	-0,19	0,01	<i>0,29</i>	0,09
Дипломатичность	-0,03	-0,14	-0,01	-0,19	-0,11	-0,04	0,04	-0,10	0,14	0,04	0,03	<i>0,37</i>

Примечания: 1) корреляция значима на уровне двусторонней, $p \geq 0,05$;
 2) значимые корреляции выделены курсивом.

Заключение

Подводя итоги, можно сформулировать следующие выводы.

1. В настоящее время происходит смена моделей отцовства. Традиционная модель отцовства не считается привлекательной с точки зрения общественной оценки. Идеальный образ отца строится на модели новой мужественности и соответствует типу современного отца, выявленному Б. И. Кочубеем, и ответственного отца, описанному И. С. Клециной. Обнаружено, что ключевыми характеристиками идеального отца, по мнению мужчин, являются «ум» и «ответственность», наименее привлекательными — «жесткость», «доверчивость», «властность», «дипломатичность». Наличие «дипломатичности» в конце данного списка, на наш взгляд, подчеркивает переходный характер представленной модели идеального отца.

2. Подтверждается предположение о существовании индивидуальных вариантов образа идеального отца у мужчин, имеющих детей, но различия эти не очень существенны.

3. Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что образ собственного отца оказывает влияние на формирование представлений об идеальном отце как некоем образце родительского поведения. Можно говорить о наличии двух способов такого влияния: включении в образ идеального отца привлекательных черт собственного отца и отказе от непривлекательных черт, имеющихся у него (вследствие чего происходит усиление тех или иных привлекательных черт).

4. Результаты исследования позволяют сделать и некоторые практические выводы относительно формирования ответственного отцовства. Можно утверждать, что одной из причин кризиса отцовства, о чем говорят многие исследователи, является нарушение в межпоколенной передаче его норм и ценностей. Это налагает особую ответственность на социальные институты, работающие с семьей: необходима специальная работа с мужчинами, которая позволила бы им сформировать позитивную и привлекательную модель отцовства, что способствовало бы и их самореализации.

Библиографический список

- Архиреева Т. В.* Личностные детерминанты отношения отца к ребенку // Вопросы психологии. 2012. № 5. С. 52—61.
- Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
- Борисенко Ю. В., Портнова А. Г.* Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 122—130.
- Боулби Дж.* Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 477 с.
- Зобов Р. А., Обухов В. Л., Сугакова Л. И., Ситников В. Л.* Основы человековедения: человек как микрокосм. СПб.: Химиздат, 2001. 271 с.
- Калина О. Г., Холмогорова А. Б.* Роль отца в психическом развитии ребенка. М.: Форум, 2011. 112 с.

- Клецина И. С. От традиционного типа отцовства к вовлеченным отцам // Ответственное отцовство: новые формы социальной работы. СПб.: Питер, 2010. С. 7—28.
- Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
- Кочубей Б. И. Мужчина и ребенок. М.: Знание, 1990. 80 с.
- Овчарова Р. В. Психология родительства. М.: Академия, 2005. 368 с.
- Ожигова Л. Н. Психология гендерной идентичности личности. Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2006. 290 с.
- Павлов И. В. Психология отцовства: обзор исследований и некоторые выводы о современном состоянии проблемы // Перинатальная психология и психология родительства. 2008. № 4. С. 78—95.
- Посохова С. Т., Липпо С. В., Манеров Р. В. Образ отца и самоактуализация личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 12, Социология. Вып. 3. С. 23—30.
- Сапогова Е. Е. Экзистенциальная психология взрослости. М.: Смысл, 2013. 767 с.
- Ситников В. Л. Образ ребенка (в сознании детей и взрослых). СПб.: Химиздат, 2001. 288 с.
- Чикалова Е. А. Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения // Женщина в российском обществе. 2012. № 2. С. 43—53.

References

- Arkhireeva, T. V. (2012) Lichnostnye determinanty otnosheniia ottsa k rebēnku [Personal determinants of father-child relationship], *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 52—61.
- Bozhovich, L. I. (2008) *Lichnost' i eë formirovanie v detskom vozraste* [Personality and her formation in childhood], St. Petersburg: Piter.
- Borisenko, Iu. V., Portnova, A. G. (2006) Problema otsovsstva v sovremennom obshchestve [The problem of fatherhood in modern society], *Voprosy psikhologii*, no. 3, pp. 122—130.
- Boulbi, Dzh. (2003) *Priviazannost'* [Attachment], Moscow: Gardariki.
- Zobov, R. A., Obukhov, V. L., Sugakova, L. I., Sitnikov, V. L. (2001) *Osnovy chelovekovedeniia: chelovek kak mikrokozmos* [Basics of human science: man as a microcosm], St. Petersburg: Himizdat.
- Kalina, O. G., Kholmogorova, A. B. (2011) *Rol' ottsa v psikhicheskom razvitiĭ rebēnka* [Father's role in child's mental development], Moscow: Forum.
- Kletsina, I. S. (2010) *Ot traditsionnogo tipa otsovsstva k vovlechennym ottsam* [From the traditional type of paternity to the involved fathers], in: *Otvetsvennoe otsovsstvo: Novye formy sotsial'noĭ raboty* [Responsible fatherhood: New forms of social work], St. Petersburg: Piter, pp. 7—28.
- Kon, I. S. (2009) *Muzhchina v meniaiushchemsia mire* [Man in a changing world], Moscow: Vremia.
- Kochubeĭ, B. I. (1990) *Muzhchina i rebēnok* [The man and the child], Moscow: Znanie.
- Ovcharova, R. V. (2006) *Psikhologĭia roditel'stva* [Psychology of parenthood], Moscow: Akademiia.
- Ozhigova, L. N. (2006) *Psikhologĭia gendernoĭ identichnosti lichnosti* [Psychology of gender identity], Krasnodar: Kubanskiĭ gosudarstvennyiĭ universitet.
- Pavlov, I. V. (2008) Psikhologĭia otsovsstva: obzor issledovaniĭ i nekotorye vyvody o sovremennom sostoianii problemy [Psychology of fatherhood: review of research and some conclusions about the current state of the problem], *Perinatal'naia psikhologĭia i psikhologĭia roditel'stva*, no. 4, pp. 78—95.

- Posokhova, S. T., Lippo, S. V., Manerov, R. V. (2008) *Obraz ottsa i samoaktualizatsiia lichnosti* [The image of the father and the self-actualization of personality], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, seriya 12, Sotsiologiya, no. 3, pp. 23—30.
- Sapogova, E. E. (2013) *Ėkzistentsial'naiia psikhologiya vzroslosti* [Existential psychology of adulthood], Moscow: Smysl.
- Sitnikov, V. L. (2001) *Obraz rebënka (v soznanii detei i vzroslykh)* [Image child (in the minds of children and adults)], St. Petersburg: Himizdat.
- Chikalova, E. A. (2012) *Issledovaniia otsovstva i maskulinnosti: toчки peresecheniia* [The study of fatherhood and masculinity: the points of intersection], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 43—53.

Статья поступила 29.01.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Архиреева Татьяна Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия, tarxireeva@mail.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Velikiy Novgorod, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 1. P. 85—100
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.7

Женщина в российском обществе
2020. № 1. С. 85—100
ББК 88.42-68
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.7

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БЕЗОПАСНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ: ПОЛОВОЙ И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

О. В. Смирнова

Череповецкий государственный университет,
г. Череповец, Россия, novale@inbox.ru

Представления о безопасности вызывают особый интерес ученых в контексте рассмотрения человека как субъекта психологической безопасности. В статье проводится анализ существующих в отечественной и зарубежной науке исследований по проблеме представлений о безопасности, обосновывается значимость и актуальность изучения данных представлений у молодежи. Приводятся результаты эмпирического исследования, направленного на выявление половых и гендерных особенностей представлений о безопасности в юношеском возрасте. На основе полученных данных делаются выводы о существующих различиях в представлениях молодежи о характеристиках психологической безопасности (принимаемых и отвергаемых), а также условиях, необходимых для ее обеспечения, в зависимости от пола и гендера.

Ключевые слова: психологическая безопасность, представления о безопасности, юношеский возраст, пол, гендерная идентичность.

SAFETY REPRESENTATIONS IN YOUTH: A SEX AND GENDER ASPECT

O. V. Smirnova

Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation, novale@inbox.ru

Researches of personality (as a subject of psychological security) features are interested in views on security. The system of a person's views of the world from a security standpoint creates the opportunities and resources with which a person overcomes various adverse environmental influences, and forms his/her idea of self-worth and subjective well-being. The article contains the existing research in the Russian and foreign science on the problem of representations of safety, substantiates the relevance of research on the notion of safety in adolescence. The article contains results of an empirical study aimed at revealing the gender

and gender characteristics of safety notion in adolescence. In fact, personal security in youth age is determined by the peaceful situation in the country and friendly environment. Young people talk about the need for an internal state of confidence, although they talk about needing social support. Views on the characteristics of the psychological security are different. They depend on existing differences of the person (accepted and rejected) and necessary conditions (sexual and gender) to ensure safety.

Key words: security, psychological security of a person, concepts of security, youth, gender, gender identity.

Постановка задачи / выдвижение гипотезы

Проблемам обеспечения безопасности в настоящее время придается первостепенное значение, что обусловлено природными и техногенными катастрофами, экономическим кризисом и возрастанием степени конфликтного взаимодействия людей. Комплексное решение данных проблем невозможно без учета так называемого человеческого фактора. Любая деятельность по обеспечению и самообеспечению безопасности основывается на определенных представлениях о ней человека.

Нужно отметить, что в представлениях обычных людей категория «безопасность» противостоит опасности. О. Ю. Зотова отмечает, что в обыденном сознании существует четыре различных представления о безопасности: как о состоянии, восприятии собственной защищенности, потребности в безопасности и как о гармоничных межличностных отношениях, основанных на доверии [Зотова, 2011].

В научных исследованиях представления о безопасности раскрываются через субъективное восприятие человеком своей жизнедеятельности с точки зрения обеспеченности значимых условий безопасности [Лызь, Куповых, 2015] и рассматриваются как субъективный образ жизненных условий, возникающий на основе оценки их опасности/безопасности, отношения к этим обстоятельствам, готовности к их преодолению [Дуганова, 2014]. Такие представления формируют отношение человека к миру, регулируют социальное поведение людей [Зотова, 2011: 25], определяют их жизненные позиции [Дуганова, 2014], способствуют выбору ими определенной стратегии обеспечения собственной безопасности [Тырскова, 2012].

В науке на сегодняшний день представлены многочисленные исследования, посвященные изучению представлений о безопасности у молодежи [Басанова, 2005; Гапонова, Бойкова, 2016; Дымова, Харламенкова, 2013; Костоусов и др., 2017; Котова и др., 2016; Краснянская, 2015; Сивец, 2017; Синельникова, 2009; Степанова, 2010]; часть из них выполнена в контексте политической психологии [Краснянская, 2015], военной [Дымова, Харламенкова, 2013, Костоусов и др., 2017], кросс-культурной [Сивец, 2017] и др. Результатами проведенных исследований является раскрытие возрастной специфики данных представлений, их содержательный анализ в юношеском возрасте; выделение факторов, влияющих на формирование этих представлений, и определение возможностей расширения, уточнения имеющихся представлений о безопасности у старшеклассников и студентов.

Говоря о содержании представлений о безопасности, О. Ю. Зотова поясняет, что безопасность для личности выступает как некий набор смыслов, который не является фиксированным, может меняться неоднократно в течение жизни [Зотова, 2011]. О. П. Синельникова отмечает, что в структуру представлений о безопасности входят выделяемые субъектом источники и средства безопасности жизнедеятельности, а также качественные характеристики объектов жизненной реальности, связанных с безопасностью человека [Синельникова, 2009]. В представления о безопасности, согласно Д. Бар-Талю и Д. Джейкобсону, входят чувство безопасности, источники незащищенности, условия для повышения безопасности [Bar-Tal, Jacobson, 1998].

При анализе представлений о безопасности особое внимание обращается на представления субъектов о ресурсах безопасности (внешних и внутренних). С целью самообеспечения безопасности человеку важно иметь представления о внутренних, личностных ресурсах безопасности. Под личностными ресурсами И. А. Баева и Н. Н. Баев понимают относительно стабильные характеристики личности, способствующие успешному преодолению трудной ситуации и связанные с психологической защищенностью [Баева, Баев, 2013]. В качестве таковых Т. М. Краснянская и В. Г. Тылец рассматривают познавательные, эмоциональные и мотивационные ресурсы [Краснянская, Тылец, 2017]. С точки зрения У. Блатца, важен имеющийся опыт поведения человека в подобной ситуации, мера адекватности своих представлений реальной ситуации [Blatz, 2016]. По отношению к юношеству такими внутренними ресурсами (факторами) безопасности выступают: ценностно-смысловые характеристики личности — осмысленность жизни, зрелость системы ценностных ориентаций [Басанова, 2005; Костоусов и др., 2017]; стремление к самоактуализации [Басанова, 2005]; волевая саморегуляция, самоконтроль, жизнестойкость [Дуганова, 2014]; характер отношения к миру, себе и другим [Зотова, 2011].

При достаточно большом объеме существующих исследований, посвященных изучению представлений о психологической безопасности в юношеском возрасте, анализ половых и гендерных особенностей этих представлений в научной литературе встречается нечасто. Тем не менее гендерная идентичность признается исследователями как один из ключевых факторов, опосредующих поведенческую активность и установки личности в юношеском возрасте. По мнению И. С. Клецкиной, она активно конструируется субъектом на протяжении собственной жизни в ходе социального взаимодействия с другими людьми и сравнения себя с ними [Клецкина, 2004].

В связи с этим можно обратить внимание на исследования Н. Е. Харламенковой, где выявляются половые и гендерные различия в представлениях о безопасности на выборке людей в возрасте от 35 до 45 лет [Харламенкова, 2012, 2015]. Она отмечает, что специфика представлений о психологической безопасности преимущественно определяется половыми различиями, в меньшей степени — гендерными. В частности, в представлениях мужчин она выделяет как преобладающую рациональную составляющую безопасности (обдумывание, компетентность, ум), в представлениях женщин — эмоциональную (любовь, доверие, отсутствие страха). Если для мужчин безопасность тесно связана с внутренними ресурсами (опыт, уверенность в себе и др.), то для женщин — с внешними ресурсами.

Цель настоящего эмпирического исследования — выявить половые и гендерные особенности представлений о безопасности в юношеском возрасте.

Мы предполагаем, что существуют половые и гендерные особенности представлений о безопасности у молодежи, в частности:

— представления о безопасности у девушек чаще ассоциируются с потребностью в самосохранении, здоровьем и социальной поддержкой, у юношей — с наличием внутренних ресурсов;

— представления о безопасности у фемининных респондентов основаны на пассивной стратегии поведения, у маскулинных — на активной. Представления о безопасности у андрогинных респондентов носят амбивалентный характер.

Методы исследования

Эмпирическое исследование проводилось в начале 2018 г. В нем приняли участие студенты Череповецкого государственного университета в возрасте от 17 до 19 лет (116 человек, из них 58 юношей и 58 девушек). Методами исследования являлись: групповое анкетирование, психологическое тестирование, а также качественная и количественная обработка данных (частотный анализ, ϕ -критерий Фишера).

В качестве конкретных методик исследования были использованы:

— анкета психологической безопасности (Н. Е. Харламенкова). В анкету входит список из 60 слов-дескрипторов, с которыми может ассоциироваться слово «безопасность». Респондентам необходимо было определить, в какой степени каждая из перечисленных характеристик соответствует переживанию личностной безопасности в соответствии с 5-балльной шкалой — от +2 (абсолютно соответствует) до -2 (совершенно не соответствует). При обработке данных мы преимущественно обращали внимание на принимаемые характеристики личностной безопасности, т. е. те, которые отметили как абсолютно соответствующие более 50 % испытуемых, и отвергаемые характеристики личностной безопасности — те, которые отметили как абсолютно не соответствующие более 30 % респондентов;

— опросник представлений о безопасности (Н. А. Лызь, Ж. Г. Куповых). Мы предлагали испытуемым ознакомиться с перечнем условий безопасности человека (с точки зрения их важности для себя) и отметить три наиболее необходимых и три наименее необходимых условия. При обработке результатов использовался частотный анализ данных: внимание обращалось на те условия безопасности, которые не менее 30 % испытуемых считают наиболее необходимыми или наименее необходимыми для себя;

— методика описания ситуации безопасности. Испытуемым было предложено описать реальную ситуацию из жизни, когда они чувствовали себя в безопасности. При анализе описаний мы обращали внимание на личностные ощущения безопасности и ресурсы обеспечения безопасности, выделяемые молодыми людьми. Полученный материал использовался нами для уточнения, подтверждения данных, полученных при помощи других методик.

— методика «Маскулинность — фемининность» (С. Бем). Эта методика была применена нами для диагностики психологического пола и позволила определить степень андрогинности, маскулинности и фемининности личности.

Результаты исследования

Анкета психологической безопасности Н. Е. Харламенковой позволила проанализировать характеристики безопасности, принимаемые и отвергаемые юношами и девушками. В первую очередь выделим принимаемые характеристики — те, которые отметили как абсолютно соответствующие безопасности более 50 % девушек и юношей (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики безопасности в представлениях девушек и юношей, %

Характеристики	В целом	Девушки	Юноши	ϕ^*
Принимаемые:				
контроль ситуации	59	–	72	2,163
самосохранение	–	–	55	–
уверенность в себе	58	59	55	–
поддержка, помощь	53	59	–	–
жизненный опыт, опытность	–	–	55	–
надежные друзья, верность	–	–	62	2,129
здоровье	58	–	69	1,881
Отвергаемые:				
отстраненность от реальности	–	–	31	–
талисманы, обереги	41	43	38	–
обращение к Богу, религии	45	45	45	–

Примечание. Полужирным шрифтом указаны значения ϕ^* при $p \leq 0,01$; обычным — при $p \leq 0,05$, прочерк означает отсутствие статистически значимых различий.

В качестве принимаемой и юноши и девушки указали такую характеристику безопасности, как «уверенность в себе» (59 % девушек и 55 % юношей). Следовательно, быть в безопасности в представлении молодых людей — значит прежде всего верить в себя, в свои возможности и способности. Но в то же время респонденты обоих полов говорят о необходимости некоего социального ресурса безопасности, в частности, характеристику «поддержка, помощь» отметили 59 % девушек, «надежные друзья, верность» — 62 % юношей.

Наибольшее значение в представлениях юношей о безопасности (в сравнении с девушками) имеют такие ассоциации, как «контроль ситуации» (72 %), «здоровье» (69 %), «надежные друзья, верность» (62 %). Именно по ним были получены статистически значимые различия между группами.

Наряду с принимаемыми характеристиками безопасности важно рассмотреть и отвергаемые — те, которые более 30 % девушек и юношей отметили как абсолютно не соответствующие. Обе группы отвергают с точки зрения безопасности «обращение к Богу, религии», «талисманы, обереги». Относительно последней характеристики наши данные согласуются с результатами исследования И. Б. Котовой, Т. М. Краснянской и их соавторов, которые говорят лишь о избирательной вере большинства студентов в возможности амулетов, талисманов и оберегов [Котова и др., 2016]. Юноши не приемлют и «отстраненности от реальности». Значимых различий в характеристиках безопасности, отвергаемых юношами и девушками, выявлено не было.

Характеристики безопасности в сознании каждого человека дополняются и представлениями об условиях, необходимых для ее обеспечения (данные в обобщенном виде приведены в табл. 2).

Таблица 2

Представления девушек и юношей об условиях безопасности, %

Условия	В целом	Девушки	Юноши
Наиболее необходимые:			
мирная обстановка в стране (отсутствие терактов, военных действий и т. д.)	52	59	45
здоровая окружающая среда, экологически чистая вода и пища	38	34	41
наличие определенной цели, смысла собственной жизни	–	–	34
образованность, предусмотрительность, умение распознавать опасности, уклоняться от них	–	–	34
признание, взаимопонимание, близкие, доверительные отношения с окружающими	–	38	–
Наименее необходимые:			
отсутствие внешнего программирования и манипуляций, объективность средств массовой информации	45	59	31
отсутствие вредных привычек, здоровый образ жизни	38	48	–
уравновешенность, отсутствие нервных срывов, контроль над собой	36	38	–
признание, взаимопонимание, близкие, доверительные отношения с окружающими	–	–	34

Выделим те условия безопасности, которые не менее 30 % испытуемых каждой группы считают особенно важными. Результаты исследования показали, что в качестве наиболее необходимых для жизни человека в современном мире молодые люди (вне зависимости от пола) отмечают следующие условия безопасности: «мирная обстановка в стране, отсутствие терактов, военных действий», «здоровая окружающая среда, экологически чистая вода и пища».

Обратимся к описаниям конкретных ситуаций:

Я чувствую себя в безопасности, когда нахожусь далеко от шумного города, в деревне. Там спокойно, тихо и безопасно;

Чувствую себя в безопасности, когда по телевизору сообщают о всяких беспорядках в другой стране. Мне спокойно, потому что я не там и все мои близкие со мной, никаких военных действий...

Однако в оценке значимости конкретных условий безопасности между группами юношей и девушек есть и различия. Так, девушки в качестве необходимого условия выделяют «признание, взаимопонимание, близкие, доверительные отношения с окружающими» (отметили 38 %). Юноши же считают наиболее необходимыми такие условия, как «наличие определенной цели, смысла собственной жизни», «образованность, предусмотрительность, умение распознавать опасности, уклоняться от них» (34 и 34 % соответственно).

В подтверждение полученных данных можно привести примеры описания ситуации безопасности юношей и девушкой:

Чувствовала себя в безопасности, когда был ураган, а я была со своим молодым человеком в машине. Рядом с ним я чувствовала себя в безопасности (девушка 18 лет);

Я чувствую себя в безопасности, когда двигаюсь к цели. Тренируюсь, я работаю над своим результатом, а значит, я нахожусь в движении, следовательно, я в безопасности (юноша 18 лет).

Эти результаты дополняют сказанное ранее про важность помощи и поддержки для девушек и внутренних ресурсов обеспечения безопасности для юношей.

Далее рассмотрим условия безопасности, которые более 30 % испытуемых каждой группы считают наименее необходимыми. Достаточно большое количество респондентов обоего пола выделяют в качестве такого условия «отсутствие внешнего программирования и манипуляций, объективность средств массовой информации». Возможно, это объясняется многочисленностью различных СМИ в современном мире, огромным информационным потоком, а также относительной субъективностью предоставляемых СМИ материалов.

Выделение девушками таких условий безопасности, как «отсутствие вредных привычек, здоровый образ жизни» (48 %) и «уравновешенность, отсутствие нервных срывов, контроль над собой» (38 %), в качестве наименее необходимых говорит о том, что они не считают нужным и важным заботиться о своем физическом и психическом здоровье. В то же время они предпочитают находиться в здоровой окружающей среде, как было отмечено нами ранее.

Интересным фактом является и то, что девушки отнесли условие «наличие доверительных отношений с окружающими» к наиболее необходимому, юноши — к наименее необходимому, т. е. юношам не так важна поддержка со стороны окружающих, как девушкам. Эти данные схожи с теми, которые мы получили ранее при обработке анкеты психологической безопасности Н. Е. Харламенковой.

В ходе статистической обработки данных между группами юношей и девушек не было выявлено значимых различий в выборе условий безопасности, как наиболее необходимых, так и наименее необходимых.

Гендерные особенности представлений о безопасности в юношеском возрасте

На первом этапе этой части исследования с помощью методики «Маскулинность и фемининность» С. Бем выявлялась гендерная идентичность испытуемых. Были выделены три группы респондентов: фемининные (19 % от общего количества испытуемых), маскулинные (7 %) и андрогинные (74 %).

Полученные результаты в целом согласуются с данными современных исследований [Воронина, 2013; Клещина, 2013; Тукачева, 2011] и говорят об утрате традиционной половой идентичности, кризисах маскулинности и фемининности; о существующей тенденции к стиранию границ между женственностью и мужественностью в современном мире, в частности в молодежной среде.

При обработке данных мы сопоставили попарно между собой группы испытуемых (фемининных и маскулинных, фемининных и андрогинных, маскулинных и андрогинных).

Проанализируем принимаемые и отвергаемые характеристики безопасности в зависимости от гендерной идентичности (табл. 3).

Таблица 3

**Характеристики безопасности в зависимости от гендерной идентичности
респондентов юношеского возраста, %**

Характеристики	Респонденты			Различия (φ^*)
	Фемининные (Ф)	Маскулинные (М)	Андрогинные (А)	
Принимаемые:				
контроль ситуации	–	50	66	Ф – А**
самосохранение	55	–	–	–
уверенность в себе	55	50	58	–
поддержка, помощь	73	–	51	Ф – М*
жизненный опыт, опытность	–	68	–	Ф – М*
автономия, независимость	–	68	–	Ф – М*
родители	64	50	–	М – А*, Ф – А**
обдумывание, прогнозирование	–	68	–	Ф – М*
наличие денег	–	50	–	Ф – М*
надежные друзья, верность	55	–	51	–
здоровье	–	–	70	М – А*, Ф – А**
уверенность в окружении	55	–	–	–
Отвергаемые:				
отстраненность от реальности	–	50	–	Ф – М*
талисманы, обереги	–	50	42	–
обращение к Богу, религии	36	50	48	–
госбезопасность (власть, органы правопорядка и т. д.)	–	68	–	Ф – М*

* — при $p \leq 0,05$; ** — при $p \leq 0,01$.

При анализе принимаемых характеристик безопасности обнаружилось, что фемининные респонденты в значительной степени ориентируются на социум, на поддержку внешнего окружения. Они отмечают, что особенно нуждаются в помощи и поддержке со стороны родителей. Для подтверждения полученных данных приведем пример описания ситуации одного из респондентов данной группы:

Я чувствую себя в безопасности, когда нахожусь в университете. Рядом знакомые, друзья. Мне здесь нравится, с радостью прихожу сюда, люблю здесь находиться.

Маскулинные респонденты при анализе характеристик безопасности в большей мере ориентированы на внутренние ресурсы личности — «жизненный опыт, опытность», «обдумывание, прогнозирование», «автономию, независимость» и др. Они не ожидают помощи со стороны окружающих, хотя отмечают,

что родительская поддержка для них важна. Более полное ощущение безопасности им дает наличие денег. Поясним их представления на конкретном примере:

Я чувствую себя в максимальной безопасности только тогда, когда сам хорошо разбираюсь в ситуации либо когда рядом со мной профессионалы своего дела;

Я чувствовал себя в безопасности, когда занимался единоборствами. И знал, что смогу себя защитить и постоять за себя.

Быть в безопасности для андрогинных испытуемых — это значит прежде всего быть здоровым и контролировать ситуацию. Выраженной потребности в родительской поддержке у них нет. В качестве примера можно привести описание ситуации безопасности одного из андрогинных испытуемых:

Я всегда чувствую себя в безопасности, когда могу контролировать обстановку. Не чувствую себя в безопасности в те моменты, где моя сохранность зависит от других людей.

Максимальное число значимых различий наблюдается между группами фемининных и маскулинных респондентов. Для маскулинных испытуемых такие характеристики безопасности, как «автономия, независимость», «обдумывание, прогнозирование» и «наличие денег», важнее, чем для фемининных респондентов, которые особое значение придают «поддержке, помощи». При сравнении результатов трех групп обнаружена весьма любопытная закономерность: если фемининные и маскулинные респонденты ассоциируют безопасность с родителями, то у андрогинов эта ассоциация отсутствует; для андрогинов важна ценность здоровья в плане безопасности, тогда как у фемининных и маскулинных респондентов это не проявляется. Также выявились значимые различия между фемининными и андрогинными испытуемыми по такой характеристике безопасности, как «контроль ситуации».

Кроме принимаемых респондентами характеристик безопасности, нам было важно рассмотреть также и отвергаемые ими характеристики.

Как мы указывали выше, молодые люди отвергают с точки зрения безопасности «обращение к Богу, религии», «талисманы, обереги» (последнее за исключением фемининных респондентов). Такие характеристики безопасности, как «отстраненность от реальности», «госбезопасность (власть, органы правопорядка и т. д.)», не принимаются лишь маскулинными испытуемыми. Молодые люди с преобладанием истинно мужских качеств склонны самостоятельно осуществлять свою защиту и безопасность, доверяя в этом вопросе себе и не считают нужным отстраняться от реальности и обращаться к властям. Эти различия, по сравнению с другими группами испытуемых, являются статистически значимыми при $p \leq 0,05$, что вполне согласуется с предыдущими данными, когда в качестве принимаемой характеристики безопасности маскулинными респондентами была выбрана «автономия, независимость».

В таблице 4 приведены представления респондентов об условиях обеспечения безопасности в зависимости от их гендерной идентичности.

Таблица 4

Представления об условиях безопасности в юношеском возрасте
в зависимости от гендерной идентичности респондентов, %

Условия безопасности	Респонденты			Различия (φ^*)
	Фемининные (Ф)	Маскулинные (М)	Андрогинные (А)	
Наиболее необходимые:				
мирная обстановка в стране (отсутствие терактов, военных действий и т. д.)	55	100	49	–
здоровая окружающая среда, экологически чистая вода и пища	–	50	38	–
наличие определенной цели, смысла собственной жизни	–	–	37	–
отсутствие техногенных аварий, катастроф, несчастных случаев	36	–	–	Ф – А*
признание, взаимопонимание, близкие, доверительные отношения с окружающими	55	–	–	Ф – А**
стойкие правовые основы государства, отсутствие произвола, преступности или защищенность от них	36	–	–	Ф – А**
отсутствие эпидемий, стихийных бедствий (землетрясения, наводнения, ураганы и т. д.)	–	50	–	Ф – М*
Наименее необходимые:				
ответственность за будущее человечества, нравственность людей	–	75	–	М – А**
отсутствие вредных привычек, здоровый образ жизни	64	–	33	Ф – М** Ф – А**
уравновешенность, отсутствие нервных срывов, контроль над собой	–	50	30	–
отсутствие внешнего программирования и манипуляций, объективность СМИ	73	–	40	Ф – М** Ф – А**

* — при $p \leq 0,05$; ** — при $p \leq 0,01$.

Достаточное количество испытуемых всех групп (в том числе и 100 % маскулинных респондентов) говорят о необходимости поддержания мирной обстановки в стране и на планете для ощущения человеком безопасности. Например, одно из таких описаний:

Я чувствовал себя в безопасности в 16 лет. Это было, когда я учился в школе. Я жил дома один. В стране не было конфликтов.

Фемининные респонденты чувствуют себя в безопасности в мирной стране при условии отсутствия несчастных случаев и техногенных аварий, произвола и преступности. Для них важную роль также играют доверительные отношения с окружающими. Таким образом, фемининные респонденты в большей степени склонны связывать свою безопасность с социумом, что было нами замечено ранее.

Маскулинные респонденты при выборе условий безопасности отдали свое предпочтение «здоровой окружающей среде, экологически чистой воде и пище», «отсутствию эпидемий, стихийных бедствий» (по сравнению с фемининными испытуемыми наблюдаются значимые различия по последнему условию).

Андрогинами как наиболее необходимые были выбраны внешние условия безопасности («здоровая окружающая среда»; «мирная обстановка в стране»). Помимо этого, данной группе испытуемых важно опираться и на внутренние ресурсы личности (в частности, «наличие определенной цели, смысла собственной жизни»). Большинство значимых различий было выявлено между выборками фемининных и андрогинных респондентов.

Что касается наименее необходимых условий обеспечения безопасности, то респонденты с преобладанием женского начала не считают существенными «отсутствие вредных привычек, здоровый образ жизни» и «отсутствие внешнего программирования и манипуляций, объективность СМИ». Маскулинные респонденты выделили как наименее необходимое условие безопасности «ответственность за будущее человечества, нравственность людей» (наблюдаются статистически значимые различия по этому условию с группой андрогинных респондентов). Возможно, они полагают, что более важно нести ответственность за свое будущее, чем за будущее человечества в целом. Кроме того, в качестве наименее значимого условия психологической безопасности молодыми людьми с преобладанием мужского начала отмечается «уравновешенность, отсутствие нервных срывов, контроль над собой». Андрогинные же выделяют в качестве таких условий «отсутствие вредных привычек, здоровый образ жизни», «уравновешенность, отсутствие нервных срывов, контроль над собой» и «отсутствие внешнего программирования и манипуляций, объективность СМИ».

По таким условиям безопасности, как «отсутствие вредных привычек, здоровый образ жизни» и «отсутствие внешнего программирования и манипуляций, объективность средств массовой информации», между выборками фемининных и маскулинных, фемининных и андрогинных респондентов имеются статистически значимые различия.

Выводы

Результаты исследования показывают, что в представлениях молодежи безопасность определяется прежде всего мирной обстановкой в стране, отсутствием военных действий, террористических актов, экологически чистой окружающей средой. Молодые люди говорят о необходимости внутреннего состояния уверенности, хотя признаются, что для полноценного ощущения безопасности во многом нуждаются в социальной поддержке со стороны семьи, родителей, друзей.

На основе полученных данных можно сделать вывод о существовании некоторых половых особенностей представлений о безопасности в юношеском возрасте. Девушки склонны чувствовать себя в безопасности в социуме. Для создания безопасности им особенно важна помощь и поддержка других людей; близкие и доверительные отношения с окружающими, построенные на признании и взаимопонимании. Юношам свойственны более рациональные представления о безопасности. Они считают, что для полноценного ощущения человеком безопасности необходима прежде всего опора на внутренние ресурсы, в частности, важно быть здоровым, образованным, иметь определенные цели в жизни, уметь контролировать ситуацию, а также предугадывать наличие угрожающих факторов. Для них имеет значение и поддержка друзей.

Нами были обнаружены и гендерные особенности представлений о безопасности в юношеском возрасте. Фемининные респонденты чувствуют себя в безопасности в мирной стране при условии отсутствия несчастных случаев и техногенных аварий, произвола и преступности. Кроме того, для них важную роль играют доверительные отношения с окружающими, поддержка со стороны семьи и друзей.

Маскулинные респонденты в качестве необходимых условий безопасности называют мирную обстановку в стране, отсутствие эпидемий, стихийных бедствий. Они отвергают факт того, что власть может защитить и обезопасить человека, и не ожидают значительной помощи со стороны окружающих, хотя отмечают, что родительская поддержка для них важна. При обеспечении личной безопасности эти респонденты рассчитывают прежде всего на себя, свои внутренние ресурсы (жизненный опыт, способность к прогнозированию, автономия, независимость и т. д.). Для более полного ощущения безопасности им необходимо наличие денег. Они готовы занимать активную позицию в обеспечении безопасности.

Быть в безопасности для андрогинных респондентов — это значит быть здоровым, уверенным в себе и своих возможностях, иметь определенные жизненные цели, уметь контролировать ситуацию. Они нуждаются в поддержке и помощи со стороны других людей, в частности друзей. Выраженной потребности в родительской поддержке у них нет.

Библиографический список

- Баева И. А., Баев Н. Н. Психологические ресурсы защищенности студентов как показатель психологической безопасности личности // Психолого-педагогические исследования. 2013. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n1/59061.shtml (дата обращения: 11.02.2019).
- Басанова Т. А. Представления о безопасности у субъектов с различными характеристиками смысловой структуры мировоззрения // Известия Южного федерального университета. Сер.: Технические науки. 2005. № 5. С. 263—265.
- Воронина О. А. Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 12—20.
- Гапонова Г. И., Бойкова Ю. Л. Представления о безопасном поведении у студентов разных возрастных групп // Чрезвычайные ситуации: промышленная и экологическая безопасность. 2016. № 1. С. 73—78.
- Дымова Е. Н., Харламенкова Н. Е. Амбивалентность представлений о психологической безопасности в условиях жесткой регламентации социальных ролей // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2013. Т. 19, № 4. С. 32—36.
- Дуганова Ю. К. Личностные особенности молодых людей с разным представлением о психологической безопасности: дис. ... канд. психол. наук / Юж. федер. ун-т. Ростов н/Д, 2014. 183 с.
- Зотова О. Ю. Социально-психологическая безопасность личности: дис. ... д-ра психол. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2011. 524 с.
- Клецина И. С. Психология гендерных отношений: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2004. 39 с.
- Клецина И. С. Современное состояние и перспективы исследований гендерных отношений в сфере социологического и психологического знания // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 3—13.
- Костоусов А. Г., Утюганов А. А., Яницкий М. С., Иванов М. С. Представления о безопасности у курсантов военного вуза и ценностно-смысловые предикторы их сформированности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 5. С. 37—54.
- Котова И. Б., Краснянская Т. М., Тылец В. Г., Веселова В. Г., Иохвидов В. В. Артефакты личной безопасности в субъектном пространстве студентов вуза // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13, № 4. С. 51—67.
- Краснянская Т. М. Психологические особенности сценариев безопасности студентов вуза // Education Sciences and Psychology. 2015. № 2. Р. 90—95.
- Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Конструирование мифов о безопасности в политическом сознании студенческой молодежи // Национальная безопасность. 2017. № 4. С. 71—87.
- Лызь Н. А., Куповых Ж. Г. Представления о безопасности как предмет эмпирических исследований // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 8. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/08/57172> (дата обращения: 09.02.2019).
- Лызь Н. А., Куповых Ж. Г., Прима А. К. Опыт исследования представлений вузовской молодежи о безопасности // Вестник Пермского университета. Сер.: Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3. С. 86—95.
- Сивец Е. Н. Представления о безопасности в кросс-культурном аспекте: Россия, Франция, США // Междисциплинарные исследования в психологии безопасности и их современное состояние: материалы VIII Межрегионального симпозиума

- с международным участием / под ред. Е. Б. Перельгиной. Екатеринбург, 2017. С. 87—95.
- Синельникова О. П. Эмпирическое изучение представлений старших школьников о безопасности жизнедеятельности // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6, № 1. С. 122—125.
- Степанова С. С. Представления о психологической безопасности студентов вуза // Актуальные проблемы психологической безопасности человека в современном обществе. 2010. № 1. С. 179—193.
- Тукачева Ю. С. Гендерный подход к развитию личности в сфере образования // Женщина в российском обществе. 2011. № 4. С. 59—66.
- Тырскова А. Д. Формирование стратегий психологической безопасности студентов вуза: дис. ... канд. психол. наук. Пятигорск, 2012. 199 с.
- Харламенкова Н. Е. Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты // Современная личность: психологические исследования / отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. С. 141—160.
- Харламенкова Н. Е. Половые и гендерные различия в представлениях о психологической безопасности // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 2. С. 51—60.
- Bar-Tal D., Jacobson D. A Psychological perspective on security // *Applied Psychology: an International Review*. 1998. Vol. 47, № 1. P. 59—71.
- Blatz W. E. *Human Security: Some Reflections*. Toronto: University of Toronto Press, 2016. 148 p.

References

- Baeva, I. A., Baev, N. N. (2013) Psikhologicheskie resursy zashchishchënnosti studentov kak pokazatel' psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti [Psychological resources of student security as an indicator of the psychological security of the individual], *Psikhologopedagogicheskie issledovaniia*, no. 1, available from http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n1/59061.shtml (accessed 11.02.2019).
- Bar-Tal, D., Jacobson, D. (1998) A psychological perspective on security, *Applied Psychology: An International Review*, vol. 47, no. 1, pp. 59—71.
- Basanova, T. A. (2005) Predstavleniia o bezopasnosti u sub'ektov s razlichnymi kharakteristikami smyslovoi struktury mirovozzreniia [Perceptions of security in subjects with different characteristics of the semantic structure of the worldview], *Izvestiia Iuzhnogo federal'nogo universiteta*, seriia Tekhnicheskie nauki, no. 5, pp. 263—265.
- Blatz, W. E. (2016) *Human Security: Some Reflections*, Toronto: University of Toronto Press.
- Duganova, Iu. K. (2014) *Lichnostnye osobennosti molodykh liudei s raznym predstavleniem o psikhologicheskoi bezopasnosti*: Dis. ... kand. psikhol. nauk [Personal characteristics of young people with different ideas about psychological safety: Diss. (Cand. Sc.)], Rostov-on-Don: Iuzhnyi federal'nyi universitet.
- Dymova, E. N., Kharlamenkova, N. E. (2013) Ambivalentnost' predstavlenii o psikhologicheskoi bezopasnosti v usloviakh zhestkoi reglamentatsii sotsial'nykh rolei [Ambivalence of ideas about psychological safety in the conditions of strict regulation of social roles], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika, vol. 19, no. 4, pp. 32—36.
- Gaponova, G. I., Boikova, Iu. L. (2016) Predstavleniia o bezopasnom povedenii u studentov raznykh vozrastnykh grupp [Concepts of safe behavior among students of different age

- groups], *Chrezvychnnye situatsii: promyshlennaia i ekologicheskaia bezopasnost'*, no. 1, pp. 73—78.
- Kharlamenkova, N. E. (2012) Predstavlenie o psikhologicheskoi bezopasnosti: vozrastnoi i lichnostnyi komponenty [The concept of psychological safety: age and personality components], in: Volovikova, M. I., Kharlamenkova, N. E. (eds), *Sovremennaia lichnost'*: Psikhologicheskie issledovaniia, Moscow: Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk, pp. 141—160.
- Kharlamenkova, N. E. (2015) Polovye i gendernye razlichii v predstavleniiakh o psikhologicheskoi bezopasnosti [Gender and gender differences in perceptions of psychological safety], *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo*, no. 2, pp. 51—60.
- Kletsina, I. S. (2004) *Psikhologiiia gendernykh otnoshenii*: Avtoref. dis. ... d-ra psikh. nauk [Psychology of gender relations: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], St. Petersburg.
- Kletsina, I. S. (2013) Sovremennoe sostoianie i perspektivy issledovaniia gendernykh otnoshenii v sfere sotsiologicheskogo i psikhologicheskogo znaniia [Current status and prospects of research on gender relations in the field of sociological and psychological knowledge], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—13.
- Kostousov, A. G., Utiuganov, A. A., Ianitskii, M. S., Ivanov, M. S. (2017) Predstavleniia o bezopasnosti u kursantov voennogo vuza i tsennostno-smyslovyie prediktory ikh sformirovannosti [Safety perceptions of cadets of a military university and value-semantic predictors of their formation], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 7, no. 5, pp. 37—54.
- Kotova, I. B., Krasnianskaia, T. M., Tylets, V. G., Veselova, V. G., Iokhvidov, V. V. (2016) Artefakty lichnoi bezopasnosti v sub'ektnom prostranstve studentov vuza [Artifacts of personal security in the subject space of university students], *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, vol. 13, no. 4, pp. 51—67.
- Krasnianskaia, T. M. (2015) Psikhologicheskie osobennosti stsensariiev bezopasnosti studentov vuza [Psychological features of security scenarios for university students], *Education Sciences and Psychology*, no. 2, pp. 90—95.
- Krasnianskaia, T. M., Tylets, V. G. (2017) Konstruirovaniie mifov bezopasnosti v politicheskom soznanii studencheskoi molodezhi [The construction of security myths in the political consciousness of student youth], *Natsional'naiia bezopasnost'*, no. 4, pp. 71—87.
- Lyz', N. A., Kupovykh, Zh. G. (2015) Predstavleniia o bezopasnosti kak predmet ėmpiricheskikh issledovaniia [Safety notions as a subject of empirical research], *Sovremennye nauchnye issledovaniia i innovatsii*, no. 8, available from <http://web.snauka.ru/issues/2015/08/57172> (accessed 09.02.2019).
- Lyz', N. A., Kupovykh, Zh. G., Prima, A. K. (2016) Opyt issledovaniia predstavlenii vuzovskoi molodezhi o bezopasnosti [Experience in researching high school youth perceptions of safety], *Vestnik Permskogo universiteta*, seriiia Filosofiiia. Psikhologiiia. Sotsiologiiia, iss. 3, pp. 86—95.
- Sinel'nikova, O. P. (2009) Ėmpiricheskoe izuchenie predstavlenii starshikh shkol'nikov o bezopasnosti zhiznedeiatel'nosti [An empirical study of senior schoolchildren's perceptions of life safety], *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, vol. 6, no. 1, pp. 122—125.
- Sivets, E. N. (2017) Predstavleniia o bezopasnosti v kross-kul'turnom aspekte: Rossiia, Frantsiia, SShA [Cross-cultural security views: Russia, France, USA], in: *Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v psikhologii bezopasnosti i ikh sovremennoe sostoianie*: Materialy VIII Mezhdunarodnogo simpoziuma s mezhdunarodnym uchastiem, Ekaterinburg, pp. 87—95.

-
- Stepanova, S. S. (2010) Predstavleniia o psikhologicheskoi bezopasnosti studentov vuza [Representations of the psychological safety of university students], *Aktual'nye problemy psikhologicheskoi bezopasnosti cheloveka v sovremennom obshchestve*, no. 1, pp. 179—193.
- Tukacheva, Iu. S. (2011) Gendernyi podkhod k razvitiu lichnosti v sfere obrazovaniia [Gender approach to personality development in education], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 59—66.
- Tyrsikova, A. D. (2012) *Formirovanie strategii psikhologicheskoi bezopasnosti studentov vuza*: Dis. ... kand. psikhol. nauk [The formation of psychological safety strategies of university students: Diss. (Cand. Sc.)], Pyatigorsk.
- Voronina, O. A. (2013) Politika gendernogo ravenstva v sovremennoi Rossii: problemy i protivorechiia [The policy of gender equality in modern Russia: problems and contradictions], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 12—20.
- Zotova, O. Iu. (2011) *Sotsial'no-psikhologicheskaia bezopasnost' lichnosti*: Dis. ... d-ra psikhol. nauk [Social and psychological security of the individual: Diss. (Dr. Sc.)], Moscow.

Статья поступила 18.12.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Смирнова Ольга Валериевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия, novale@inbox.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychology, Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 1. P. 101—112
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.8

Женщина в российском обществе
2020. № 1. С. 101—112
ББК 60.74(2)
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.8

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЗДНЕГО ДЕТОРОЖДЕНИЯ И МЕРЫ СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ РОЖДАЕМОСТИ (На материалах Республики Мордовия)

Л. И. Савинов, Т. В. Соловьева, Д. А. Бистяйкина, А. С. Карасева

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, dinaraas@mail.ru

Дан анализ актуальной социально-демографической проблемы — позднего деторождения у женщин фертильного возраста, которое имеет как общероссийскую тенденцию, так и распространено на уровне регионов, в нашем случае это Республика Мордовия. На материале эмпирического исследования показано, что на повышение демографического потенциала населения существенным образом влияют меры и условия государственной поддержки. Выявлено, что на отложенное деторождение оказывают воздействие условия жизнедеятельности, а также конкуренция потребностей, детерминированных ценностными ориентациями, в частности, потребность в детях уступает по значимости иным потребностям, полноценным удовлетворением которых индивид не готов пожертвовать. Особое внимание уделено аспектам оценки эффективности и результативности мер и мероприятий социальной защиты, ориентированных на компромиссное взаимодействие женщин и государства с учетом репродуктивных интересов женщин и потребности общества в воспроизводстве населения.

Ключевые слова: женщины фертильного возраста, позднее деторождение, факторы детерминации, потребность в детях, воспроизводство населения, демографическая политика региона, Республика Мордовия.

SOCIO-CULTURAL DETERMINATION OF LATE FERTILITY MEASURES AND FAMILY-DEMOGRAPHIC POLICY OF BIRTH RATE (On materials of the Republic of Mordovia)

L. I. Savinov, T. V. Solovyeva, D. A. Bistyaykina, A. S. Karaseva

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation,
dinaraas@mail.ru

The article presents the results of theoretical and empirical study of the problem of postponing childbearing by women of childbearing age from 18 to 44 years in the Republic of Mordovia. The characteristics of the Russian specificity of delayed childbearing by women are given. The factors promoting this process, including those existing at the level of an individual

woman, as well as the factors of support at the state level are revealed. The empirical material shows that, despite the fact that the policy of the state paying sufficient attention to the process of transformation in all spheres of society, aimed at increasing the demographic potential of the population, the majority of respondents consider themselves to be unprotected in the sphere of motherhood and childhood. In accordance with such attitude women try to postpone the birth of a child to a later time (on the average — to 35—39 years). The authors of the study took into account individual and personal characteristics of women in the areas of: financial assistance and support, career growth and self-realization, healthy lifestyle, mental health, medical care, legal protection, demographic processes. It was revealed that reproductive attitudes of women aged 26—35 years differ little from those of women aged 36—44 years. Additional measures of the state support promoting the solution of problems of “real” and “potential” mothers in the Republic of Mordovia are allocated. The authors evaluate the impact of the regional measures on the problem. In addition, as promising areas of family and demographic policy in the field of fertility, the following should be noted: a set of financial measures, including both ensuring a minimum standard of living for employees taking into account their marital status, labor adaptation of women in the decree, and a proportional increase in benefits for the second and subsequent child; strengthening measures of targeted support in the system of social protection of the family; protection of reproductive health of the population from adolescence; reorientation of measures of family and demographic policy of the country from the conceptual component to strategic planning. The recommendations aimed at the development of effective measures and the creation of effective conditions focused on the compromise interaction between women and the state, taking into account the reproductive interests of the female population and the needs of society in the reproduction of the population. Such measures can be effective if all public authorities work together in a comprehensive manner to provide adequate assistance to women of childbearing age.

Key words: women of childbearing age, late childbearing, determination factors, need for children, population reproduction, demographic policy of the region, Republic of Mordovia.

Введение

Право на репродуктивный выбор — неотъемлемая часть прав человека. Возможность реализации репродуктивных прав граждан должна гарантироваться социальным законодательством государства.

В настоящее время репродуктивные установки женщин детерминированы многообразными факторами, которые являются имплицитными по своей природе. В современном обществе сокращается число деторождений у женщин фертильного возраста вследствие того, что либо те механизмы, которые функционируют в государстве, являются неэффективными, или же те стереотипы, которые достаточно ярко отражают портрет современной женщины, оказывают на нее наибольшее влияние.

По данным Росстата, с 1989 по 2014 г. наблюдалось уменьшение абсолютного количества женщин на 1,2 млн (с 78,3 до 77,1 млн чел.), его постепенное увеличение приходится на 2015—2017 гг. (с 78,5 до 78,7 млн чел.). В эти же годы происходит увеличение количества женщин позднего репродуктивного возраста (35—49 лет) на 1,4 млн (с 13,9 до 15,3 млн чел.) и их доли в общей численности всех женщин репродуктивного возраста (с 38,5 до 42,5 %), уменьшение количества девочек до 14 лет на 11,8 млн и увеличение количества женщин в возрасте 50 лет и старше на 4,73 млн¹.

¹ URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 21.08.2018).

Следует отметить, что в Республике Мордовия по состоянию на 1 января 2017 г. численность постоянного населения составляла 808 541 человек. За 11 месяцев 2017 г. она уменьшилась на 3518 человек, или на 0,44 %, и на 1 декабря 2017 г. составила 805 023 человека. При этом, по данным Мордовиястата, общее число женщин, проживающих в республике, с 2013 по 2016 г. снизилось на 9579 тыс. (с 441 848 до 432 269 чел.), данная тенденция характерна и для женщин фертильного возраста: их количество уменьшилось на 9400 (с 159 508 до 150 108 чел.), особенно резко оно снижалось в 2016 г. Сократилась доля женщин в городской и сельской местности².

**Факторы, детерминирующие позднее деторождение
 у женщин фертильного возраста**

Микрофакторы	Мезофакторы	Макрофакторы
Микроклимат семьи (социально-психологические условия жизни семьи)	Отсутствие эффективной политики в области организации рациональных и эргономичных условий труда для женщин фертильного возраста	Негативное экологическое состояние окружающей среды (техногенные загрязнения и др.)
Ослабление потребности в детях (появление альтернативных концепций репродуктивного поведения)	Малоэффективная система планирования деторождения	Активная пропаганда СМИ позднего деторождения у известных медийных личностей
Уже имеющееся количество детей в семье	Низкий уровень материальной базы государственного регулирования социально-экономических процессов в части поддержки института семьи и родительства (низкий уровень заработной платы, пособий, безработица и др.)	Феминизация женского населения (удовлетворение личностных потребностей в карьерном росте, повышении уровня образования, финансовой независимости от мужчины и др.)
Проблемы с репродуктивным здоровьем у женщины (бесплодие и др.)	Распространение девиантного и делинквентного поведения в обществе	Научно-технический прогресс
Исторические и генетические репродуктивные установки, нормы и образцы поведения в семье		Урбанизационные процессы
Влияние прародительской семьи		Развитие производительных сил и производственных отношений
Отсутствие постоянного брачного союза		Ослабление институтов супружества, родительства и родства
Низкий уровень социального престижа брака		
Субъективные материально-экономические трудности в семье (низкий уровень дохода, жилищная проблема и др.)		

² URL: <http://mrd.gks.ru/> (дата обращения: 18.08.2018).

Актуальность данного явления в современной среде обусловлена многообразием детерминирующих его факторов — экономических, психосоциальных, социальных, культурных и др. Следует отметить то, что на условия воспроизводства населения влияют многие аспекты современного общества, в том числе и социальная политика (программы в области охраны материнства и детства, занятости, социального обеспечения, поддержки семей с детьми; жилищные субсидии молодым семьям). Репродуктивное поведение связано с поведением в других сферах жизнедеятельности и с функционированием социальных институтов, прежде всего институтов брака и семьи.

Так, в проведенном исследовании показано, что компромиссное взаимодействие женщин и государства с учетом репродуктивных интересов женщин и потребности общества в воспроизводстве населения будет достигнуто только в результате повышения достатка, расширения возможностей занятости и получения жилья, доступности качественного здравоохранения, образования, социальной защиты семьи и отдельно женщин.

Цель нашего исследования — анализ факторов, детерминирующих позднее деторождение у женщин фертильного возраста, и выработка рекомендаций по улучшению демографической ситуации в Республике Мордовия. В качестве респондентов в нем приняли участие 300 женщин фертильного возраста от 18 до 44 лет. Все испытуемые были разделены на три возрастные группы. Первую группу составляли женщины от 18 до 25 лет (100 чел.); вторую группу — от 26 до 35 лет (100 чел.); третью группу — от 36 до 44 лет (100 чел.).

Для анализа факторов, детерминирующих позднее деторождение у женщин фертильного возраста, и рассмотрения аспектов компромиссного взаимодействия женщин и государства с учетом репродуктивных интересов женщин и потребности общества в воспроизводстве населения нами был использован метод анкетирования.

Анализ результатов

А. И. Антонов отмечает: «Незначительность доли семей, откладывающих на несколько лет появление первенца, лишь подтверждает правило (наличие пар, добровольно отказывающихся вообще от рождения). Что касается рождения “нежеланных” третьих и более детей, то это абсурд теоретический и нонсенс фактический. Рождение ребенка всегда желанно, коли оно произошло...» [Антонов, 1998: 259]. По мнению К. Дэвиса, мотивацию к рождению детей создает лишь общество (социальная организация), он отрицает наличие биологически обусловленной детерминации репродуктивного поведения, рождаемости [Davis, Blake, 1956].

Если в развитых странах сокращение рождаемости приобретает характер национального бедствия, то в развивающихся оно остается основной целью демографической политики. Рост городского населения в этих странах, изменение характера женского труда, повышение уровня образования влияют на представления о желаемом или идеальном размере семьи и являются объективными факторами, сдерживающими рождаемость [Population facts, 2001: 7].

Одна из основных системных характеристик репродуктивных установок женщин фертильного возраста — желание иметь детей. Поскольку материнство

является делом выбора и у женщин должна быть возможность заниматься другими видами деятельности — совмещая рождение и воспитание детей или отказываясь от этого [Oakley, 1974: 186], закономерны наименьшие показатели значимости наличия детей в браке у респонденток от 18 до 25 лет. Иного мнения придерживаются представительницы третьей возрастной группы, для которых семья и дети — это осознанный социальный институт.

Необходимо отметить, что наиболее востребованным для рождения ребенка у женщин фертильного возраста в Республике Мордовия является возрастной интервал от 21 до 24 лет. Примечательно то, что согласно результатам опроса, проведенного в 2014 г. Фондом общественного мнения (опрошено 1500 респондентов в 43 субъектах РФ), наиболее оптимальным возрастом женщины для рождения первого ребенка выступает период от 21 до 24 лет. Если обратиться к личным репродуктивным установкам респонденток, можно видеть то же возрастное единство. Эта особенность проявляется и в аспекте определения оптимального возраста для рождения первого ребенка. Респондентки всех возрастных групп считают, что для этого не подходит возраст от 35 до 39 лет. Тем не менее в ходе определения положительных и отрицательных аспектов позднего деторождения они разошлись во мнениях.

Качественная перестройка демографического поведения состоит в том, что число рожденных женщиной детей и время их рождения «суть результаты ее (или обоих супругов) сознательно принятого решения» [Вишневецкий, 1976: 168]. При этом среди факторов, которые в наибольшей степени оказывают влияние на позднее деторождение у женщин фертильного возраста, респондентки указали низкий уровень заработной платы (27 %), высокий уровень безработицы (19 %), наличие кредита/субсидии на приобретение жилья (17 %).

Распределение факторов, оказывающих влияние на позднее деторождение у женщин фертильного возраста, по возрастным группам показало: наиболее часто респондентки первой группы, которые никогда не состояли в браке (в зарегистрированном или незарегистрированном), выбирают из данных факторов быстрый рост цен, низкий уровень заработной платы, высокий уровень безработицы; респондентки второй группы — быстрый рост цен, низкий уровень заработной платы, наличие кредита/субсидии на приобретение жилья; третьей — низкий уровень заработной платы, низкий размер детских пособий, наличие кредита/субсидии на приобретение жилья. Причем в данном случае респондентки второй и третьей возрастных групп состоят в зарегистрированном браке. На основе этого можно заметить следующую закономерность: женщины данных групп испытывают трудности, связанные с получением социальной поддержки для решения жилищной проблемы, а женщины первой группы — трудности, обусловленные достаточно высоким уровнем безработицы.

Данные исследования подтверждают, что как для Российской Федерации, так и для Республики Мордовия характерна тенденция откладывания рождения первого ребенка на более позднее время, в отношении России так считают 64 % респонденток, в отношении Мордовии 52 %.

На основе полученных результатов можно сделать вывод относительно той ситуации, которая распространена в Российской Федерации: на сегодняшний день женщины всех возрастных групп, проживающие как в городской, так и в сельской

местности, стараются отложить рождение ребенка на более позднее время; в Республике Мордовия лишь респондентки первой возрастной группы, проживающие в городе, стремятся как можно раньше завести детей, в остальных же группах ситуация аналогична федеральной. Причем большинство из респонденток русские по национальности, респондентки из числа мордвы (мокша и эрзя), проживающие как в России, так и в Мордовии, также стараются отложить деторождение.

Не менее важными становятся рассмотрение и анализ плюсов в позднем рождении первого ребенка, которые были выделены женщинами фертильного возраста. Большая часть респонденток (27 %) в качестве основных из таких плюсов указали устойчивое положение семьи как в материальном, так и в социальном плане и ответственное отношение родителей к рождению и воспитанию детей, радость, которую приносит родителям ребенок любого возраста, по мнению части женщин, также является положительной стороной позднего деторождения (18 и 14 % соответственно), лишь 4 % респонденток считают, что в позднем деторождении нет плюсов.

Как минусы позднего деторождения были отмечены частые проблемы со здоровьем у родителей, слишком высокий уровень внимания и любви к ребенку (25 %), а также жизненный опыт (15 %), 2 % респонденток указали, что в позднем деторождении нет минусов.

В качестве основных факторов, которые повлияли (могли бы повлиять) на позднее рождение ребенка у женщины, были названы: изменение ее самочувствия (29 %), страх (20 %), тревога за малыша (14 %). Среди иных факторов, определяющих позднее деторождение у исследуемой демографической группы населения, необходимо отметить: несоблюдение здорового образа жизни (38 %), вредные привычки (27 %), дорогостоящие медицинские услуги (15 %).

Анализ распределения ответов респонденток по возрастным группам показал, что женщины первой группы из городской местности и женщины первой и третьей групп из сельской местности в числе рассматриваемых факторов назвали дорогостоящие медицинские услуги, вредные привычки, несоблюдение здорового образа жизни; респондентки второй группы из городской и сельской местности — плохое медицинское обслуживание, вредные привычки, несоблюдение здорового образа жизни; представительницы третьей группы из городской местности — плохое медицинское обслуживание, дорогостоящие медицинские услуги, низкое качество обслуживания женщин в родильных домах, перинатальных центрах и др.

Эти результаты подтверждаются следующим фактом: 47,7 % респонденток считают, что материнство и детство защищены действующим законодательством, 52,3 % опрошенных полагают, что оно не гарантирует защиты.

Характеризуя процессы и явления, которые наиболее отрицательно влияют на демографическую ситуацию в стране, женщины отмечают, что таковыми являются: резкий рост смертности населения, уменьшение средней продолжительности жизни, постоянное снижение рождаемости. Причем снижение рождаемости связано, по мнению респонденток, с низким уровнем жизни большинства населения. В качестве основной причины неблагоприятной демографической ситуации в стране также было выделено снижение значимости семьи, особенно для молодого поколения, так полагают 30,1 % опрошенных женщин, 15,4 % респонденток считают, что демографический кризис обусловлен неблагоприятной демографической

ситуацией в предыдущие годы и является результатом государственной социальной политики в 90-х гг. прошлого века. При этом ответственность за существующий демографический кризис в нашей стране, по мнению большинства респондентов, несут государство (52,1 %) и семья (31,3 %). Необходимо отметить, что данное субъективное мнение подтверждает то, что государство и семья как важнейшие социальные институты общества в первую очередь заинтересованы в сохранении и развитии демографического потенциала населения.

Тем не менее, учитывая региональную специфику данной проблемы, большинство респондентов согласилось или скорее согласилось с тем, что позднее деторождение влияет на демографическую ситуацию в Республике Мордовия — 22,3 и 47,3 % соответственно.

Оценивая уровень своей социально-правовой защищенности в сфере материнства и детства, женщины выразили практически одинаковое мнение, что позволяет сделать вывод: законодательство в сфере социальной защиты материнства и детства, обеспечения реализации их социальных прав находится на среднем уровне и нуждается в совершенствовании. Вместе с тем женщины считают, что уровень социального законодательства в сфере защиты и поддержки материнства и детства достаточно высок, но практика его реализации неэффективна.

По мнению 53,7 % опрошенных женщин, положение матерей в плане социального обеспечения (забота о здоровье, создание условий для воспитания детей и др.) не изменилось; 33,0 % респонденток полагают, что данное положение улучшилось. В качестве основных мер поддержки семей с детьми в Республике Мордовия опрошенными называется программа в сфере обеспечения жильем молодых семей, поддержка в получении дошкольного образования.

Меры и мероприятия демографической политики и рекомендации по ее улучшению

Результаты анализа уменьшения численности женщин фертильного возраста в Мордовии позволили В. В. Матюшкину заключить: «По данным Госкомстата РФ, большинство россиян в наши дни считают наиболее приемлемым иметь одного ребенка. По экспертным прогнозам, будет продолжаться активный процесс снижения рождаемости как в городской, так и в сельской местности Республики Мордовия» [Матюшкин, 2003: 28]. Н. Н. Логинова отмечает, что «в Республике Мордовия низкий суммарный коэффициент рождаемости по вторым и последующим детям, в соответствии с чем необходимо сосредоточить усилия на содействии семьям в решении жилищных вопросов и обеспечении занятости, повышении уровня и качества жизни» [Логинова, 2016].

На основе анализа распространения в Мордовии случаев откладывания женщинами фертильного возраста деторождения Министерством социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия был разработан План мероприятий (дорожная карта) по улучшению демографической ситуации, утвержденный распоряжением Правительства Республики Мордовия от 22 сентября 2014 г. № 640-Р, в котором указаны основные мероприятия по увеличению рождаемости в части повышения доступности и качества оказания медицинской помощи женщинам фертильного возраста.

Таким образом, результаты проведенного эмпирического исследования выявили необходимость разработки перспективных мер семейно-демографической политики в Республике Мордовия и Российской Федерации, которые можно условно разделить на четыре группы: материальные, социальные, медицинского характера, правовые.

Рассмотрим подробнее указанные группы перспективных мер в области рождаемости.

Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351³, предусмотрено всестороннее укрепление института семьи как формы гармоничной жизнедеятельности личности, обеспечение адресной социальной защиты семьи исходя из таких приоритетов, как повышение материального благосостояния, уровня и качества жизни семьи; создание социально-экономических условий, благоприятных для рождения, содержания и воспитания детей; обеспечение работникам, имеющим детей, условий, благоприятствующих сочетанию трудовой деятельности и выполнения семейных обязанностей. В этих целях предусмотрено реализовать первоочередные меры в области поддержки семьи, в их числе:

— совершенствование системы государственных социальных гарантий поддержки благосостояния семей;

— государственное стимулирование малого, в том числе семейного, предпринимательства, различных форм самозанятости, введение долгосрочного льготного потребительского кредитования семей;

— развитие новых форм социальных технологий поддержки семьи, расширение перечня оказываемых ими социальных, в том числе консультативных и психотерапевтических, услуг по выходу из кризисных ситуаций, социально-психологической адаптации к новым условиям;

— увеличение в федеральном бюджете целевых расходов на мероприятия по социальной поддержке семьи, обеспечение защищенности финансирования важнейших мероприятий;

— повышение эффективности использования выделяемых средств, в том числе за счет объединения ранее принятых программ в этой сфере, концентрации усилий на наиболее важных и приоритетных направлениях этих программ;

— создание внебюджетного фонда поддержки семьи, определение источников его финансового пополнения и основных направлений расходования;

— создание благоприятных условий для более полного использования возможностей негосударственного сектора в целях решения проблем улучшения положения семьи;

— закрепление норм по обеспечению жизненно важных социальных гарантий семье в законодательных актах, регулирующих распределение полномочий органов государственной власти и взаимоотношения федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ;

— совершенствование законодательства в области защиты прав и интересов семьи и детей.

Как отмечают исследователи, с точки зрения экономики народонаселения главным результатом демографической политики является не повышение

³ URL: <http://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 25.08.2018).

рождаемости, а достижение детьми возраста экономической активности с максимально высокими качественными характеристиками. Небогатым семьям, решившимся на рождение третьего и четвертого ребенка, государство должно помочь социализировать детей до периода трудоспособности, поскольку в этом заключается его важнейший народнохозяйственный интерес [Попова, 2016: 87]. Такое мнение, на наш взгляд, вполне обосновано. Для стабилизации показателей рождаемости и их увеличения надо материально стимулировать не только рождение, но и воспитание в целом, что обозначено в социальной группе мер семейно-демографической политики в России и Республике Мордовия. Детские дошкольные учреждения, учреждения культуры и отдыха, спортивные объекты должны быть максимально доступны для семей с детьми. Причем эта доступность может выражаться не только в бесплатном посещении указанных учреждений (для отдельных категорий) или в компенсации расходов на его оплату, но и в компенсации транспортных расходов, необходимых для посещения учреждений культуры и спорта.

Система социальной поддержки семей с детьми должна развиваться в направлении усиления адресности предоставляемой помощи и более широкого использования критериев нуждаемости. Вероятно, необходима разработка государственных мер помощи семьям с детьми в неденежной форме, поскольку нередко получаемые семьей «детские» деньги не доходят до детей и используются не по назначению. На наш взгляд, на федеральном уровне следует закрепить законодательно понятие адресной социальной помощи, выделить ее основные виды и формы, установить гарантию минимального дохода, условия и механизмы реализации программ адресной социально-экономической помощи семьям с детьми. Суть процесса обеспечения адресности заключается в предоставлении социальной помощи тем, кто в ней действительно нуждается. Для этого необходимо разработать методы персональной идентификации нуждающегося в составе целевой группы, а также показатели, определяющие нуждаемость. В первую очередь должен быть сформирован эффективный механизм оценки нуждаемости (косвенных методов оценки нуждаемости). Очень важно не порождать в обществе иждивенческих настроений, а создавать все условия, способствующие самостоятельному преодолению семьями трудной жизненной ситуации, поэтому социальная помощь должна в первую очередь распространяться на семьи, которые в связи с вынужденными обстоятельствами не могут получать дополнительные доходы и тем самым улучшать свое материальное положение.

Не последнюю роль в создании положительного имиджа семьи играют средства массовой информации и социальные сети. К сожалению, сегодня как федеральные, так и региональные СМИ всех видов изобилуют публикациями антисемейной, антидетской, антигуманной направленности, практически все внимание уделяется освещению событий в других странах, светской хронике, жизни знаменитостей, происшествиям, различным домыслам, рекламе. Если в публикации речь идет о семье, то, как правило, обсуждаются интимные подробности семейной жизни: супружеская неверность, раздел детей и имущества; если о детях — то рассказывается либо о проблемах детей-сирот, приемных детей, либо об обстоятельствах их гибели от внешних причин, в том числе в результате самоубийств и убийств собственными родителями, либо о жестокости

по отношению к ним; если о родительстве — то пишут о матерях и отцах с асоциальным поведением, о неисполнении родительских обязанностей; если об образовании — то обсуждается низкое качество российского образования, некомпетентность школьных учителей, вузовские преподаватели-взяточники и др. Возникает вопрос: сможет ли такая информация сформировать положительное отношение к семье и детям?

В этом направлении, на наш взгляд, можно предпринять следующие шаги: например, ввести семейную рубрику в региональных СМИ, в которой рассказывалось бы о различных семьях, достойных подражания; организовать в социальных сетях флешмоб «Я и моя семья», «Расскажи о своей семье» и пр. Необходимо полностью использовать потенциал средств массовой информации, социальных сетей.

Еще одним направлением перспективных мер семейно-демографической политики в области рождаемости является медицинское обслуживание. Как известно, одним из резервов улучшения показателей здравоохранения выступает поддержание репродуктивного здоровья населения. К сожалению, в настоящее время отмечается рост числа гинекологических заболеваний, существенно увеличивается число семей, которые в результате как женского, так и мужского бесплодия нуждаются во вспомогательных репродуктивных технологиях. Основная причина женского бесплодия — аборт, число которых в последние годы намного сократилось, тем не менее оно остается высоким, что можно объяснить значительным уровнем сексуальной свободы и современной практикой планирования рождения детей в семье, напрямую связанными с изменением системы ценностей и структуры потребностей. Как в России в целом, так и в Республике Мордовия нет стратегии контрацептивного поведения. Причины абортов кроются не только в сложных социальных и экономических условиях, но и в качестве государственного управления и практически полном отсутствии массового информационно-пропагандистского воздействия, которое могло бы выработать негативное отношение к абортам. Мужское бесплодие связано с увеличением частоты инфекционно-воспалительных заболеваний, влиянием вредных факторов окружающей среды, урбанизацией, широким и бесконтрольным применением лекарственных средств, увеличением распространенности аномалий развития половых органов и многими другими факторами. Таким образом, большое количество бесплодных браков становится не только медицинской, но и социально-демографической проблемой.

Заключение

На федеральном и региональном уровнях необходимо внедрение целого ряда мер по поддержке семьи. В качестве перспективных направлений семейно-демографической политики в области рождаемости следует отметить: разработку комплекса финансовых мер, включающего как обеспечение минимального стандарта жизни наемных работников с учетом их семейного положения, трудовой адаптации женщин в декрете, так и пропорциональное увеличение пособий на второго ребенка и последующих; усиление мер адресной поддержки в системе социальной защиты семьи; охрану репродуктивного здоровья населения начиная

с подросткового возраста; переориентацию мер семейно-демографической политики страны с концептуальной составляющей на стратегическое планирование.

Вместе с тем отдельно взятые меры, вероятно, не принесут ощутимой пользы, однако долгосрочное осуществление комплекса экономических, материальных, медицинских, идеологических мероприятий способно привести к формированию у населения иного стиля мышления и иной модели поведения, нацеленной на большее количество детей в семье, что позитивно скажется на численности населения республики.

Библиографический список

- Антонов А. И. Микросоциология семьи: (методология исследования структур и процессов). М.: Nota Bene, 1998. 360 с.
- Вишневский А. Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 240 с.
- Логинава Н. Н. Демографический портрет регионов Приволжского ФО // Семья и демографические исследования. 2016. № 4. URL: <https://riss.ru/analytics/30207/> (дата обращения: 11.09.2018).
- Матюшкин В. В. Понятия и тенденции демографического развития Республики Мордовия // Вестник Мордовского университета. 2003. № 3—4. С. 27—29.
- Попова Л. А. Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2. С. 79—93.
- Davis K., Blake J. Social structure and fertility: an analitic framework // *Economic Development and Cultural Change*. 1956. Vol. 4, № 3. P. 211—235.
- Oakley A. *Woman's Work: the Housewife, Past and Present*. New York: Pantheon Books, 1974. 275 p.
- Population facts // *Development and Cooperation*. 2001. № 4. P. 7.

References

- Antonov, A. I. (1998) *Mikrosotsiologiia sem'i: (Metodologiia issledovaniia struktur i protsessov)* [Microsociology of the family: (Methodology for the study of structures and processes)], Moscow: Nota Bene.
- Davis, K., Blake, J. (1956) Social structure and fertility: an analitic framework, *Economic Development and Cultural Change*, vol. 4, no. 3, pp. 211—235.
- Loginova, N. N. (2016) Demograficheskii portret regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga [Demographic portrait of the Volga Federal District regions], *Sem'ia i demograficheskie issledovaniia*, no. 4, available from <https://riss.ru/analytics/30207/> (accessed 11.09.2018).
- Matiushkin, V. V. (2003) Poniatiia i tendentsii demograficheskogo razvitiia Respubliki Mordoviia [Concepts and trends of the demographic development of the Republic of Mordovia], *Vestnik Mordovskogo universiteta*, no. 3—4, pp. 27—29.
- Oakley, A. (1974) *Woman's Work: The Housewife, Past and Present*, New York: Pantheon Books.
- Popova, L. A. (2016) Sovremennaia rossiiskaia demograficheskaia politika v oblasti rozhdaemosti: rezul'taty i napravleniia sovershenstvovaniia [Modern Russian population policy in the field of fertility: results and directions for improvement], *Èkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, no. 2, pp. 79—93.

Population facts (2001), *Development and Cooperation*, no. 4, p. 7.

Vishnevskii, A. G. (1976) *Demograficheskaia revoliutsiia* [Demographic revolution], Moscow: Statistika.

Статья поступила 13.02.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Савинов Леонид Иванович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, savinova-t@bk.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Head of the Department of Social Work, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation).

Соловьева Татьяна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, tanysha_v@bk.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Social Work, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation).

Бистяйкина Динара Асымовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, dinaraas@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Social Work, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation).

Карасева Алёна Сергеевна — магистрантка кафедры социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия (Student of the Master Program at the Department of Social Work, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 1. P. 113—126
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.9

Женщина в российском обществе
2020. № 1. С. 113—126
ББК 63.529(235.7)
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.9

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Х. В. Дзутцев^{a, b}, А. П. Дибирова^a

^a Центр исследований приграничных регионов Юга России, Институт социально-политических исследований, Российская академия наук, г. Владикавказ, Россия, khasan_dzutsev@mail.ru

^b Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Россия

Статья написана по материалам массового опроса населения Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. Опрос проводился в Республике Северная Осетия — Алания, Чеченской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Ингушетия, Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике летом 2017 г. сотрудниками Центра исследований приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований РАН и кафедры социологии Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. В опросе приняли участие 1200 респондентов, в том числе 30 экспертов (журналисты, ученые, чиновники, члены политических партий, работники культуры, представители различных конфессий, юристы). Результаты исследования демонстрируют исключительный интерес кавказцев к гендерной составляющей их духовной жизни. Высокий коэффициент варьирования данных в рамках одного ответа указывает на разницу мнений граждан в зависимости от их национальной, религиозной принадлежности и места проведения опроса. Обнаружена также существенная разница во мнениях экспертов. Эксперты Чечни и Ингушетии, в меньшей мере Дагестана подчеркивали ярко выраженную религиозную составляющую мировоззрения граждан их республик. Специалисты Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и частично Карачаево-Черкесии говорили о приоритете национальной составляющей мировоззрения респондентов над религиозной, в частности при создании семьи и в выборе спутника жизни. Эксперты Северной Осетии указали на незначительный интерес осетин к вопросам исламской веры, особенностям поведения женщины-мусульманки, ее активности в выборе спутника жизни, одежды и поведения на работе и в семье. В высказываниях респондентов и экспертов Чечни и Ингушетии обнаружено больше указаний на ограничение социальных функций женщины рамками предписаний мусульманской веры.

Ключевые слова: брачный обряд, адаты, исламизация населения, полигамия, шариат, светский закон, межконфессиональные браки, религиозная жизнь, региональная гендерная политика, равноправие полов, мусульманские учреждения, равенство.

GENDER ASPECT IN THE SPIRITUAL LIFE OF THE NORTH CAUCASUS REPUBLICS POPULATION

Kh. V. Dzutsev^{a, b}, A. P. Dibirova^a

^a Centre of the Russian Southern Regions Studies, Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russian Federation, khasan_dzutsev@mail.ru

^b Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation

The present article uses the data collected during the summer of 2017 in a course of the large scale survey in the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation, namely, the Chechen Republic, the Karachay-Cherkessia Republic, Republics of North Ossetia-Alania, Ingushetia, Dagestan, and Kabardino-Balkaria. The survey was conducted by the Center of the Russian Southern regions studies at the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences and the department of sociology at the North Ossetian State University. The total number of respondents was 1200, including 30 experts (journalists, scientists, government officials, members of political parties, cultural workers, religious scholars, lawyers). The results demonstrate that in their spiritual life the Caucasians are strongly interested in the gender aspect. A high coefficient of variation of data within a single answer indicates the heterogenous nature of the opinions, which depended on the respondents' nationality, religion, and place of residence. The experts' opinions varied as well. For example, experts from Chechnya and Ingushetia, and, to a lesser extent, Dagestan, emphasized the importance of religion in their respective regions. The experts from North Ossetia, Kabardino-Balkaria, and, to a lesser extent, Karachay-Cherkessia spoke about the dominant role of nationalism in their republics. This notion was especially applied to such issue as family creation. The experts of North Ossetia pointed out that the citizens of the republic are indifferent to the issues of Islamic faith, gender segregation, Muslim woman's dress code, etc. It is worth mentioning, that the experts from Chechnya and Ingushetia expressed a strong sentiment in favor of gender segregation and limited social role of women, prescribed by the Islamic faith.

Key words: marriage ceremony, customs, Islamisation of the population, polygamy, Sharia law, secular law, interfaith marriages, religious life, regional gender policy, gender equality, Muslim institutions, equality.

Постановка задачи

Различие точек зрения на общественную роль женщины в странах, исповедующих ислам, в среде мигрантов Европы и в республиках Северного Кавказа Российской Федерации является очевидным.

В литературе, посвященной изучению гендерных различий, одно из существенных мест занимает дискуссия о степени свободы женщины в западном мире и в среде выходцев из стран мусульманского Востока. В этой связи представляется уместным привести несколько выдержек из книги Н. Апель «Europa ohne Seele» [Апель, 2007: 204—223]. По мнению автора, идеология протеста исламского мира против западных ценностей основывается на двух моментах: неприятии взимания процентов в хозяйственной и торговой сферах; чрезмерной самостоятельности женщин. Платок воспринимается все еще как символ самоидентичности, а порой

и как форма молчаливого протеста против избыточной эмансипации женщин в западном обществе. Примечательно, что особых дискуссий по поводу посещения девочками занятий физкультурой, плаванием и участия их в походах нет.

Мусульманские проповеди строятся на принципах далеко не демократических, со ссылкой на то, что это не предусмотрено характером духовной деятельности. Особый акцент в них делается на противопоставление мусульманского вероучения установившемуся западному общественному порядку.

Влияние суннитского ислама на людей с годами только возрастает. Установлено: чем ниже уровень школьного образования, тем сильнее связаны люди «локальной сетью» ислама. Межконфессиональные браки в данной среде случаются и исключительно редко носят протестный характер [Janssen, Ауса, 2006].

В Турции развиваются и находятся в постоянном противоречии два процесса: с одной стороны, расширяется влияние ислама на сельскую часть населения (партия «Исламский порядок»), с другой — в светской среде крупных городов набирает силу демократическое, в том числе женское, кемалистское движение, базирующееся на провозглашении общедемократических ценностей [Озбудун, Кейман, 2004].

Вопрос о толерантности наглядно дополняет эту картину: 49,1 % опрошенных в Турции не пожелали признавать равноправие мужчин и женщин [Gerhards, 2004].

В странах Юго-Восточной Азии (Индонезия, Мьянма, Таиланд) проблема межконфессионального взаимодействия (в том числе заключение браков) является также актуальной из-за смешанного проживания мусульман и христиан (католики). Ряд авторов указывают на то, что члены мусульманских общин не одобряют межрелигиозные браки [Chee Heng Leng et al., 2009; Aini, 2008; Sintang et al., 2011].

На арабском Востоке отношение к равноправию полов значительно варьирует в зависимости от страны исследования [Костенко, 2012].

Можно считать, что в арабском мире одновременно реализуются два направления развития: модернизация и архаизация. В рамках первого заметен рост числа образованных людей, который достигает максимума в возрастной группе от 25 до 35 лет. Второе направление демонстрирует, что в силу процессов исламизации региона происходит ценностный сдвиг в сторону более архаичных представлений о гендерных ролях в обществе. В каждой возрастной группе образованные люди обладают более либеральными взглядами, чем их менее образованные сверстники.

К гендерному аспекту социологической литературы по мусульманским республикам Северного Кавказа следует подходить с двух сторон.

Во-первых, региональная гендерная политика основывается на конституционно закреплённом равноправии полов. Однако оно не всегда подкрепляется реальной практикой [Астахова, Бухараев, 2017; Дзуцев, 2012: 379—431].

Во-вторых, есть основания утверждать, что в последние годы происходит арабизация и исламизация женщин. Наиболее ярко это выражено во внешнем облике и поведении молодых женщин. Если раньше большим воздействием обладала система адатов (свод горских законов), то сейчас возрастает роль шариатского свода законов. В Чечне власть прилагает значительные усилия

по исламизации населения. В Ингушетии преобладают местные адаты, но и шариат неизменно заявляет о своей позиции. Встречаются довольно глубокие противоречия по этому вопросу между мнением мусульманских ученых и духовных лиц Северного Кавказа, с одной стороны, и стереотипами, сложившимися в массовом сознании населения, — с другой [Сиражудинова, 2010].

Социальное положение женщин в республиках Северного Кавказа значительно различается, даже в разных районах одной республики. Можно выделить следующие зоны: города, равнинные районы, близлежащие и дальние горные районы. Если в городах жизнь женщин все более модернизируется, то в дальних горных селах она связана с тяжелым физическим трудом: с уходом за скотом, работами в поле, по дому и в огороде.

Одной из проблем, нарушающих права женщин, является полигамия. Она не урегулирована законом и в большинстве случаев основывается на обмане. Несмотря на то что многие апеллируют к шариату, он в обязательном порядке не действует и не может защитить женщину и ее права. Незарегистрированные брачные связи влекут проблемы с правами детей, собственностью, вызывают долгие и трудноразрешимые наследственные и имущественные тяжбы. Проблема полигамии поднималась первым президентом Ингушетии Р. Аушевым, даже были приняты законы в ее пользу, признанные впоследствии неконституционными. Глава Чечни Р. Кадыров также выступил за введение многоженства в республике. В 2006 г. Р. Кадыров ввел обязательное ношение платка [Сиражудинова, 2012].

Проблема неравенства коренится не только в гендерных отношениях, но и в самосознании женщин. В целях выяснения степени осознания кавказской женщиной своей роли, в августе 2012 г. нашими коллегами из Центра исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие» был проведен социологический опрос на тему «Положение женщины в традиционном обществе» [Сиражудинова, 2013: 18—20]. Респондентами выступали только женщины. Была выявлена линейная зависимость между степенью осознания женщиной своей роли в обществе и ее образованностью и социальным статусом. Большинство опрошенных указали, что у них мало прав, что в республике очень много одиноких и материально необеспеченных женщин. Лишь 30,0 % ответили, что положение их достойное и нормальное. Вместе с тем многие женщины осознают себя свободными — 71,6 % и равноправными — 53,0 %. Равенства с мужчинами желала бы только половина опрошенных, другая половина считает, что такого равенства быть не должно. Около 90,0 % отметили нарушения их прав, конкретизируя, что подвергаются насилию, нарушается их свобода слова.

По мнению респондентов, больше всего женщину защищает светский закон — 72,3 %. Многие считают, что шариат также защищает женщину, — 81,0 %, а около 20,0 % — что ограничивает. Большинство респондентов считают, что женщине нежелательно занимать высокие должности и заниматься политикой [там же: 88—104].

Налицо значительная степень варьирования взглядов на роль женщины в современном обществе в зависимости от места проведения исследования, даже в рамках единого мусульманского пространства. Данные исследования необходимы, чтобы составить представление об этом аспекте социальных процессов.

Результаты исследования

Объектом исследования являются граждане республик Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Предметом исследования послужили этнорелигиозные установки жителей этих республик. В опросе приняли участие 1200 респондентов и 30 экспертов.

40,7 % кабардинцев и балкарцев, 35,5 % осетин, 26,1 % русских и русскоязычных, 10,1 % респондентов Дагестана и 10,6 % Карачаево-Черкесии считают, что для мусульманской женщины приемлемо выходить замуж за немусульманина. Совсем немного ингушей и чеченцев придерживаются того же мнения — соответственно 3,7 и 3,0 %.

Другая часть опрошенных: половина респондентов Карачаево-Черкесии, 43,6 % Дагестана, 28,1 % Кабардино-Балкарии, 19,5 % русских и русскоязычных, 90,4 % чеченцев и 78,7 % ингушей — считают, что для мусульманской женщины неприемлемо выходить замуж за немусульманина.

46,4 % русских и русскоязычных респондентов, 37,1 % карачаевцев и черкесов, 33,9 % осетин, 39,7 % респондентов Дагестана, 17,7 % ингушей и лишь 3,0 % чеченцев считают, что в некоторых случаях это может быть приемлемо, а 18,5 % осетин не знают, что ответить на этот вопрос.

Статистические данные, а именно высокие цифры среднего статистического отклонения в случае утвердительных ($18,5 \pm 0,15$) и особенно отрицательных ($46,1 \pm 0,29$) ответов, указывают на большое расхождение мнений по этому вопросу у граждан разных республик.

Мнения экспертов можно разделить почти поровну на две группы: 52,2 % считают, что население приемлет союз мусульманки и немусульманина, 47,8 % — нет. Имеется также значительное расхождение во мнениях в зависимости от республик. Эксперты Дагестана подчеркивают: население осознает, что межконфессиональные браки нежелательны, однако случаются, и люди не делают из этого трагедии. Четверть экспертов считают, что они не приветствуются, но выход для молодой пары все-таки есть: *Немусульманин должен сначала принять ислам, потом жениться на мусульманке**.

Все эксперты Карачаево-Черкесии (11,1 % от общего их числа) говорят о том, что *национальный вопрос в выборе спутника жизни более весомый, чем причастность религиозная. Для представителей радикальных течений это недопустимая форма брака. Для остальных мусульман это приемлемо, но нежелательно.*

Эксперты из Кабардино-Балкарии утверждают, что для их республики это обычное явление: *Считается, что это неприемлемо, но на сегодняшний день я, помимо того что занимаюсь журналистикой, веду свадебные мероприятия и вижу, что в последние годы часты интернациональные свадьбы; буквально вчера я провел свадьбу, где девушка — грузинка, он — кабардинец. Все веселились, радовались, желали счастья. Я понимаю, что в самом начале возникают какие-то вопросы, но в итоге против решения создать семью редко идут. Но осуждают, появляются разговоры, и если они продолжаются после свадьбы, то семьи распадаются. Но это происходит сейчас редко, смешанные браки очень*

* Курсивом выделены высказывания экспертов.

части; *Ислам очень часто связан с национальностью, и мне встречались люди, которые говорят: «Мне все равно, какой национальности, лишь бы она или он были в исламе»;* *О какой мусульманской женщине идет речь? Приемлемо, с моей точки зрения, если она не является фанатичной мусульманкой. Для истинно верующих, наверное, это сложно, но бывают случаи, когда они выходят замуж за немусульман. Я знаю, что мусульманские женщины в Кабардино-Балкарии выходят замуж и за иудеев, и за буддистов, и за православных.*

Многие эксперты Северной Осетии считают так: *Наша республика исторически проявляет терпимость к различным вероисповеданиям, поэтому смешанные в религиозном плане браки — это норма для Осетии;* *Скорее всего, население республики относится равнодушно к тому, что мусульманская женщина выходит за немусульманина.*

Все эксперты Чечни и Ингушетии указывают, что для чеченцев и ингушей это категорически неприемлемо, вплоть до смертельных случаев: *Народ не желает межконфессиональных и межэтнических браков. Выход женщины замуж за иноверца — это трагедия, вплоть до убийства. По шариату также женщина не имеет права выходить замуж за иноверца, в противном случае ее ожидает смертная казнь;* *Бывают случаи, когда выходят замуж не за мусульманина, но впоследствии они принимают ислам. Таких случаев мало, единичные факты, смешанных семей... немного. В СССР у нас был самый низкий уровень создания смешанных семей, и сейчас это так.*

Приведем мнения экспертов Дагестана: *Такие браки никогда не приветствовались, а сейчас особенно. В активно верующей семье такая ситуация вряд ли возможна, так как претенденты на супруга находятся в окружении девушки, ее родственники и односельчане. Если семья городская, религиозно неактивная, проживает вне Дагестана, такое еще возможно. Однако такой шаг воспринимается как неудача, временный каприз. Но такие случаи редки, до 10 % всех заключаемых браков;* *По исламу это запрещено, но случаи есть, что выходят, я ничего плохого в этом не вижу. Никаких преследований нет. Про смертельные исходы не слышал. Все зависит от населенного пункта, обобщать по Дагестану я не могу. Бывают несопоставимые факты. На плоскости толерантны. Дагестанки, находящиеся за пределами республики, выходят за христиан чаще.*

Высказывания экспертов демонстрируют значительное расхождение во мнениях в зависимости от республик. Представители Дагестана, Кабардино-Балкарии неоднократно указывали, что молодые люди осознают нежелательность для их родни межконфессиональных браков, однако они заключаются довольно часто. Эксперты Ингушетии и Чечни единогласно заявляли, что такие браки у них в республиках практически невозможны. Молодые люди, решившиеся бросить вызов обществу, преследуются родней. Нередки случаи смертельного исхода этих «дерзких поступков».

Северокавказское общество в целом немного лояльнее воспринимает союзы мусульманина и немусульманки. Противников таких союзов среди респондентов Чечни (70,7 %) и Ингушетии (60,4 %) меньше на 20,0 %, чем сторонников.

Меньше сторонников таких браков также было и среди опрошенных в других республиках: 40,2 % карачаевцев и черкесов, 21,2 % опрошенных в Дагестане, 23,0 % в Кабардино-Балкарии, 13,8 % русских и русскоязычных, 11,3 % осетин.

30,3 % русских и русскоязычных, 35,5 % осетин, 24,0 % респондентов Дагестана, 44,4 % кабардинцев и балкарцев, 15,9 % карачаевцев и черкесов, 13,4 % ингушей и 14,6 % чеченцев считают, что для мусульманского мужчины приемлемо жениться на немусульманке.

48,6 % опрошенных дагестанцев, 49,0 % русских и русскоязычных считают, что в некоторых случаях это возможно. Так же считают 43,2 % кабардинцев и балкарцев, 30,4 % карачаевцев и черкесов, 35,5 % осетин, 26,2 % опрошенных в Ингушетии и лишь 10,1 % в Чечне.

Высокие показатели среднего статистического отклонения положительных ($25,4 \pm 0,11$) и отрицательных ($34,4 \pm 0,23$) ответов говорят о значительном расхождении мнений респондентов разных республик СКФО. Большинство чеченцев и ингушей считают, что для мусульманского мужчины неприемлемо жениться на женщине другого вероисповедания. Но в среднем граждан Чечни и Ингушетии, разделяющих данную точку зрения, было на 20,0 % меньше, чем тех, кто высказывался против браков мусульманки и немусульманина.

Эксперты Чеченской Республики по данной проблеме высказывают следующую точку зрения: *Ситуация приемлема, но в целом народ не одобряет такие браки. В шариате же даже приветствуется такой брак, потому что последующее обращение иноверки в ислам увеличивает умму.*

Поддавляющее большинство экспертов Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Дагестана считают, что такие браки населением в основном одобряются, но обязательным условием является принятие женой ислама.

Эксперты Северной Осетии отмечают, что в их многоконфессиональной республике такие браки приемлемы.

Эксперты Северной Осетии и Кабардино-Балкарии считают, что определяющим фактором при создании семьи является национальная принадлежность, а не вероисповедание. Эксперты Чечни и Ингушетии подчеркивают, что молодые люди более свободны в своем выборе, чем девушки. Эксперты Дагестана, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии отмечают, что межконфессиональные браки заключаются молодыми людьми все чаще, несмотря на неодобрение родни.

Абсолютное большинство экспертов прогнозировали позитивное восприятие населением их республик подобных браков. Они были почти единогласны (91,3 %), считая, что заключение брака между мусульманином и немусульманкой северокавказским обществом одобряется, так как допускается сводом мусульманских законов.

Более половины опрошенных в мусульманских республиках СКФО считают, что женщина-мусульманка *должна быть одета особым образом.*

Такого мнения придерживаются 59,1 % ингушей, 50,8 % жителей Дагестана, 45,5 % карачаевцев и черкесов, треть кабардинцев и балкарцев. Так же считают 28,2 % русских и русскоязычных и 21,1 % осетин.

55,6 % кабардинцев и балкарцев и 52,8 % осетин, 47,7 % русских и русскоязычных, 47,7 % карачаевцев и черкесов, 26,8 % ингушей и 16,7 % чеченцев заявляют, что определенные отличия во внешнем облике мусульманки необязательны.

Многие респонденты вообще не знают, что ответить на этот вопрос, или отказываются от ответа. Так, 27,9 % опрошенных в Дагестане, 17,6 % русских

и русскоязычных, 15,6 % осетин, 9,6 % кабардинцев и балкарцев и 11,6 % ингушей не имеют мнения по этому вопросу.

Показатели среднего статистического отклонения в случае утвердительных ($44,9 \pm 0,19$) и отрицательных ($38,2 \pm 0,16$) ответов остаются высокими.

Все эксперты Чечни и Ингушетии говорят о требовании обществом соответствующей одежды от женщины: *Большая часть населения... считает, что она должна быть одета в соответствии с адатом.*

Эксперты Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии указывают на то, что население их республик более желало бы, чтобы женщины одевались в национальном стиле: *...как наши бабушки и прабабушки, так как национальный костюм сам по себе очень красив и подчеркивает индивидуальность кавказской женщины, ее природную красоту и скромность; Старшее поколение считает, что достаточно носить головной убор. Молодежь намеренно демонстрирует свою принадлежность к религии. То есть это не выбор, а какая-то демонстрация принадлежности к особой группе.*

Дагестанские эксперты высказываются по этой проблеме следующим образом: *Дагестанки охотно «закрываются», с удовольствием носят мусульманскую одежду, находя ее более привлекательной, чем общеевропейскую. Женщины в Дагестане находят положение мусульманки более выгодным, чем немусульманки.*

Эксперты из Северной Осетии видят это явление с другой точки зрения: *Конечно же, встречаются и такие мусульманки, которые не особо придерживаются определенного стиля в одежде, но все же традиционно воспитанная женщина должна соблюдать определенные каноны, это касается и внешнего вида.*

Около половины опрошенных считают, что нет различий между мужчинами и женщинами в осуществлении руководства и управления людьми. Этот вариант ответа предпочли 50,6 % респондентов Ингушетии, 52,3 % Карачаево-Черкесии, 48,5 % русских и русскоязычных, 45,2 % кабардинцев и балкарцев, 41,9 % осетин, а также 36,7 % респондентов Чечни и 30,7 % Дагестана.

45,1 % ингушей, 40,8 % чеченцев, 29,6 % кабардинцев и балкарцев, по 27,9 % осетин, русских и русскоязычных, 26,8 % дагестанцев не готовы видеть женщину в кресле руководителя.

Довольно многие респонденты не имеют мнения по этому поводу: 39,7 % опрошенных в Дагестане, 22,2 % в Кабардино-Балкарии, 19,8 % русских и русскоязычных, 19,4 % осетин, 11,7 % чеченцев и лишь 4,3 % ингушей.

Статистические данные демонстрируют единодушие граждан в оценке возможности женщин руководить коллективом мужчин. Среднее статистическое отклонение по данным этой части опроса было минимальным: в случае утвердительных ответов — $43,7 \pm 0,078$, в случае отрицательных — $33,9 \pm 0,085$.

Эксперты, если и затрагивают этот вопрос, освещают его в таком ключе: *Мусульманская женщина может руководить как мужчинами, так и женщинами, но это очень болезненно отражается на обществе.*

Абсолютное большинство опрошенных высказываются в пользу выбора женщиной мужа: 92,1 % ингушей, 86,4 % чеченцев, 77,3 % карачаевцев и черкесов, 72,1 % русских и русскоязычных, 71,1 % кабардинцев и балкарцев, 71,0 % осетин. 25,7 % респондентов Дагестана, 16,7 % карачаевцев и черкесов,

13,3 % кабардинцев и балкарцев, 10,7 % русских и русскоязычных считают, что женщина не вправе выбирать себе партнера. В среднем каждый десятый опрошенный в СКФО не знает ответа на этот вопрос: 20,1 % респондентов Дагестана, 15,6 % русских и русскоязычных, 13,4 % кабардинцев и балкарцев, 11,3 % осетин, 6,0 % карачаевцев и черкесов, 5,6 % чеченцев и 1,8 % ингушей.

Статистические данные демонстрируют единодушие граждан в случае несогласия относительно свободного выбора кавказской женщиной спутника жизни ($12,2 \pm 0,073$). Разброс мнений в случае положительных оценок остается достаточно большим ($74,8 \pm 0,12$).

В высказываниях экспертов красной нитью проходит мысль о правильности и справедливости свободного подхода к выбору женщиной спутника жизни.

По 38,5 % русских и русскоязычных опрошенных в Кабардино-Балкарии, 44,7 % карачаевцев и черкесов, 21,1 % осетин и 16,8 % респондентов Дагестана считают, что женщины их республик могут пожимать руку мужчине, который не является их родственником.

В Чечне и Ингушетии респондентов, имеющих это же мнение, было немного — 7,1 и 8,5 %. 38,5 % респондентов Кабардино-Балкарии и 36,3 % русских и русскоязычных считают, что женщине неприлично пожимать руку мужчине, который не является ее родственником. Этому же мнению придерживаются абсолютное большинство опрошенных в Ингушетии и Чечне — 89,6 и 89,4 %, половина в Карачаево-Черкесии и Дагестане — 47,0 и 51,4 %, 43,9 % в Северной Осетии.

Неприятие пожатия женщинами руки представителям сильного пола прослеживается преимущественно в ответах граждан Чечни и Ингушетии. Мнения русских и русскоязычных респондентов, кабардинцев и балкарцев, карачаевцев и черкесов разделились в равных долях между согласием и несогласием. У многих не было мнения по этому вопросу, а также у 30,7 % респондентов Дагестана, 19,5 % Северной Осетии, 18,3 % русских и русскоязычных, 17,8 % кабардинцев и балкарцев.

Среди респондентов Ингушетии и Чечни противников пожатия женщиной руки мужчине было абсолютное большинство и в 2 раза больше, чем в среднем среди респондентов других республик, на что указывают показатели среднего статистического отклонения в случае положительных ($25,0 \pm 0,15$) и отрицательных ($56,6 \pm 0,23$) ответов.

Те эксперты, которые пожелали остановиться на этом вопросе (45,0 %), ссылались на свод мусульманских правил обихода, где указано, что пожимать руку мужчине мусульманке не положено.

Подавляющее большинство респондентов республик СКФО (около 65 %) считают, что женщина должна иметь возможность инициировать развод. Положительный ответ на этот вопрос дали 69,7 % чеченцев, 69,3 % русских и русскоязычных респондентов, 61,5 % кабардинцев и балкарцев, 66,9 % осетин, 71,2 % карачаевцев и черкесов, 81,7 % ингушей и 34,6 % респондентов Дагестана.

Против этого высказались совсем немногие: треть респондентов Дагестана, четверть карачаевцев и черкесов, 22,2 % кабардинцев и балкарцев, 12,6 % русских и русскоязычных, 15,2 % ингушей, 15,3 % осетин и 16,2 % чеченцев.

Многие респонденты Дагестана не знают, что ответить по этому поводу, — 30,7 %. Также не имеют мнения по этому вопросу 16,9 % русских

и русскоязычных, 12,6 % кабардинцев и балкарцев, 12,1 % осетин, 7,1 % чеченцев и только 3,8 % карачаевцев и черкесов и 3,0 % ингушей.

Существенных различий в точках зрения респондентов по поводу возможности женщин инициировать развод в семьях кавказцев не обнаружено. Среднее статистическое отклонение в случае положительных ответов — $65,0 \pm 0,15$. В части отрицательных ответов расхождение было минимальным — $19,9 \pm 0,072$. Это указывает на приятие кавказцами возможности современной женщины самой решать свою судьбу.

Эксперты неоднократно подчеркивали, что в современном северокавказском обществе есть «сословные», имущественные барьеры в карьерном росте, в достижении человеком определенных целей, но гендерных не существует. Они также говорили об отсутствии преград в выборе женщиной спутника жизни. Выбор ограничен преимущественно финансовыми и личностными причинами, системой представлений молодых людей о наилучшем партнере.

Подводя итоги, можно сказать, что в мусульманских республиках эксперты давали точные оценки настроению респондентов, особенно по поводу **браков мусульманки и немусульманина**. Абсолютное большинство респондентов Чечни и Ингушетии считают, что это неприемлемо, поскольку противоречит религиозным правилам. Треть опрошенных в других республиках придерживаются того же мнения.

В Чечне и Ингушетии эксперты подчеркивали, что молодые люди более свободны в своем выборе, чем девушки. В Дагестане, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии они отмечали, что межконфессиональные браки заключаются молодыми людьми все чаще, несмотря на неодобрение родни.

Лояльность кавказцев в отношении **брака мусульманина и немусульманки** экспертами переоценена. Практически все они считают, что общество позитивно относится к подобным шагам. Хотя по этому поводу общество высказывалось относительно лояльно, число противников таких союзов было высоким — до 70 %. Подавляющее большинство респондентов Чечни и Ингушетии посчитали, что это является крайне нежелательным. Правда, противников этого среди чеченцев и ингушей оказалось на 20,0 % меньше, чем сторонников. Противников союза мусульманина и немусульманки в других республиках СКФО было в среднем на 11 % меньше.

Половина опрошенных считают, что **одевание женщины-мусульманки** должно отличаться от такового у женщин другой веры. При этом сторонники данной точки зрения превалировали среди респондентов Дагестана, Ингушетии и Чечни. Другая половина респондентов считают, что различий в одежде мусульманки и других женщин быть не должно.

Около половины задействованных в опросе указывают, что нет различий между мужчинами и женщинами в осуществлении **руководства и управления людьми**. Каждый десятый опрошенный не знал ответа на этот вопрос.

В высказываниях экспертов присутствует мысль о правильности и справедливости **свободного подхода к выбору женщиной спутника жизни**, что находит подтверждение в подавляющем большинстве положительных ответов респондентов.

Неприятие **пожатия женщинами руки представителям сильного пола** прослеживалось преимущественно в ответах граждан Чечни и Ингушетии. Мнения русских и русскоязычных респондентов, кабардинцев и балкарцев, карачаевцев и черкесов разделились в равных долях между согласием и несогласием.

Подавляющее большинство респондентов считают, что **женщина должна иметь возможность инициировать развод**. Существенных различий в точках зрения респондентов по этому поводу не обнаружено. Это свидетельствует о готовности северокавказского общества предоставить современной женщине самой решать свою судьбу.

Эксперты Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии чаще других говорили о том, что препятствий в определении женщиной своей судьбы, выстраивании карьеры, манере одеваться в их республиках не существует. Лишь незначительное число указывало на то, что от женщины современное северокавказское общество требует подчинения и ориентации на семейные ценности.

Выводы

Данные статистического анализа, приведенные в настоящей статье, а именно высокие цифры среднего статистического отклонения в случае как утвердительных, так и отрицательных ответов, указывают на расхождение мнений по большинству вопросов у граждан разных республик СКФО.

В обществе есть понимание того, что конституционно закрепленное в Российской Федерации равноправие полов на Северном Кавказе наполнено иным содержанием. Заметные противоречия по этому вопросу прослеживаются в высказываниях респондентов и экспертов Чечни, Ингушетии, с одной стороны, и Северной Осетии — Алании, в ряде случаев Кабардино-Балкарии и русских и русскоязычных респондентов — с другой. Для удобства эти две группы можно назвать «мусульманская» и «немусульманская». Высказывания респондентов и экспертов Республик Дагестан, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария было бы некорректно привязывать ни к одной из этих групп, поскольку крайне категорических мнений в их ответах не прослеживалось.

Высказывания участников массового и экспертного опросов «мусульманской» группы показали, что шариат на Северном Кавказе неуклонно заявляет о своей позиции. Происходит интенсивная исламизация и женщин, и мужчин. Наиболее ярко это выражено в образе жизни, поведении и внешнем облике молодого поколения.

Значительная разница в ответах представителей обеих групп прослеживается по вопросам межконфессионального брака, приветственного рукопожатия между мужчиной и женщиной, которые не являются родственниками, ношения одежды, позволяющей идентифицировать женщину как мусульманку.

Если эксперты и респонденты Северной Осетии — Алании, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии толерантно высказывались по этим вопросам, то в ответах экспертов Чечни и Ингушетии ключевыми словами были «население категорически несогласно». Большинство чеченцев и ингушей считают, что для мусульманского мужчины неприемлемо жениться на женщине другого вероисповедания. В среднем граждан Чечни и Ингушетии, разделяющих данную точку зрения, было на 20 % больше, чем тех, кто высказывался за брак мусульманки и немусульманина. Как выражение крайней позиции при обсуждении межконфессиональных

браков у экспертов Чечни и Ингушетии проскальзывали слова «...вплоть до смертельных случаев».

подавляющее большинство экспертов Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Дагестана считают, что против таких браков население в основном не возражает, но обязательным условием является принятие женой ислама. Обобщенное мнение по данной проблеме можно выразить следующими словами: ситуация все-таки приемлема, в шариате даже приветствуется такой брак, потому что последующее обращение иноверки в ислам увеличивает умму.

По вопросам возможности женщины занимать руководящие должности, выбирать мужа и инициировать развод не замечено значительных противоречий, хотя разброс мнений в случае положительных оценок остается достаточно большим. В случае отрицательных ответов на эти вопросы, наоборот, замечено большее единодушие. Абсолютное большинство опрошенных, независимо от места проведения опроса, высказывались в пользу возможности женщины самой выбирать спутника жизни и инициировать развод. Это указывает на приятие кавказцами возможности современной женщины самой решать свою судьбу.

При анализе ответов на вопросы, связанные с работой и построением женской карьеры, занятием руководящих позиций, обнаружено больше одобрительных оценок и толерантности. До половины опрошенных, притом независимо от места проведения опроса, считают, что нет различий между мужчинами и женщинами в осуществлении руководства и управления людьми.

Мнения экспертов и в большей мере респондентов по обозначенным в настоящей статье вопросам показывают значительную разницу в менталитете жителей различных республик СКФО.

Библиографический список

- Астахова Л. С., Бухараев Я. В.* Конверсионные интенции и современный ислам: попытки классификации «путей в духовную практику»: (на основе мониторинга по Республике Татарстан) // *Ислам в современной России*. 2017. Вып. 13, № 2. С. 125—136.
- Дзуцев Х. В.* Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа. М.: РОССПЭН, 2012. 734 с.
- Костенко В. В.* Гендерные аттитюды на арабском Востоке // *Социология ислама. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса, 23—25 октября 2012 г.* М.: РОС, 2012. С. 4954—4991.
- Озбудун Е., Кейман Е. Ф.* Культурная глобализация Турции // *Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантинктона.* М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 314—341.
- Сиражудинова С. В.* Гендерное равноправие как условие развития гражданского общества на Северном Кавказе // *Социология власти*. 2010. № 4. С. 170—177.
- Сиражудинова С. В.* Гражданское общество: традиционализм и ислам на Северном Кавказе. Ростов н/Д: АзовПечать, 2012. 200 с.
- Сиражудинова С. В.* Гендерная политика в республиках Северного Кавказа: современные тенденции // *Положение женщины в традиционном обществе: социологическое исследование*. 2013. URL: <http://www.perspektivy.info/rus/nashe/>

gendernaja_politika_v_respublikah_severnogo_kavkaza_sovremennyje_tendencii_2013-12-05.htm (дата обращения: 14.02.2018).

- Aini N. Inter-religious marriage from socio-historical Islamic perspectives // *BYU Law Review*. 2008. Vol. 3, rev. 669, art. 19. P. 669—705.
- Apel H. *Europa ohne Seele*. Brunnen Verlag, 2007. 256 S.
- Chee Heng Leng, Gavin W. J., Maznah M. Muslim-non-Muslim marriage, rights and the state in Southeast Asia // *Political and Cultural Contestations in Southeast Asia*. Singapur, 2009. P. 1—29.
- Gerhards J. Europäische Werte — Passt die Türkei kulturell zur EU? // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2004. Bd. 9. S. 14—24.
- Janssen A., Ayca P. Soziale Netzwerke türkischen Migrantinnen und Migranten // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2006. Bd. 1—2. S. 11—14.
- Sintang S., Mohd K., Hambali K., Baharuddin A., Ahmad M. Interfaith marriage and religious conversion: a case study of Muslim converts in Sabah, Malaysia // *International Conference on Behavioral, Cognitive and Psychological Sciences (BCPS 2011)*. 2011. Vol. 23. P. 1—14.

References

- Aini, N. (2008) Inter-religious marriage from socio-historical Islamic perspectives, *BYU Law Review*, vol. 3, rev. 669, art. 19, pp. 669—705.
- Apel, H. (2007) *Europa ohne Seele*, Brunnen Verlag.
- Astakhova, L. S., Bukharaev, Ia. V. (2017) Konversionnyye intentsii i sovremennyi islam: popytki klassifikatsii “putei v dukhovnuu praktiku”: (Na osnove monitoringa po Respublike Tatarstan) [Conversion intentions and modern Islam: attempts to classify “paths to spiritual practice”: (Based on monitoring in the Republic of Tatarstan)], *Islam v sovremennoï Rossii*, vol. 13, no. 2, pp. 125—136.
- Chee Heng Leng, Gavin, W. J., Maznah, M. (2009) Muslim-non-Muslim marriage, rights and the state in Southeast Asia, in: *Political and Cultural Contestations in Southeast Asia*, Singapur, pp. 1—29.
- Dzutsev, Kh. V. (2012) *Ėtnosotsiologicheskii portret respublik Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga* [Ethnosociological portrait of the republics of the North Caucasus Federal District], Moscow: ROSSPĖN.
- Gerhards, J. (2004) Europäische Werte — Passt die Türkei kulturell zur EU?, *Aus Politik und Zeitgeschichte*, Bd. 9, SS. 14—24.
- Janssen, A., Ayca, P. (2006) Soziale Netzwerke türkischen Migrantinnen und Migranten, *Aus Politik und Zeitgeschichte*, Bd. 1—2, SS. 11—14.
- Kostenko, V. V. (2012) Gendernye attitudy na arabskom Vostoke [Gender attitudes in the Arab East], in: *Sotsiologiya islama. Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitiie*: Materialy IV ocherednogo Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa, Moscow: Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov, pp. 4954—4991.
- Ozbudun, E., Keiman, E. F. (2004) Kul'turnaia globalizatsiia Turtsii [Turkey's cultural globalization], in: *Mnogolikaia globalizatsiia. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire*, Moscow: Aspekt-Press, pp. 314—341.
- Sintang, S., Mohd, K., Hambali, K., Baharuddin, A., Ahmad, M. (2011) Interfaith marriage and religious conversion: a case study of Muslim converts in Sabah, Malaysia, in: *International Conference on Behavioral, Cognitive and Psychological Sciences (BCPS 2011)*, vol. 23, pp. 1—14.

- Sirazhudinova, S. V. (2010) Gendernoe ravnopravie kak uslovie razvitiia grazhdanskogo obshchestva na Severnom Kavkaze [Gender equality as a condition for the development of civil society in the North Caucasus], *Sotsiologiya vlasti*, no. 4, pp. 170—177.
- Sirazhudinova, S. V. (2012) *Grazhdanskoe obshchestvo: traditsionalizm i islam na Severnom Kavkaze* [Civil society: traditionalism and Islam in the North Caucasus], Rostov-na-Donu: AzovPechat'.
- Sirazhudinova, S. V. (2013) Gendernaia politika v respublikakh Severnogo Kavkaza: sovremennye tendentsii [Gender policy in the republics of the North Caucasus: current trends], in: *Polozhenie zhenshchiny v traditsionnom obshchestve: Sotsiologicheskoe issledovanie*, available from: http://www.perspektivy.info/rus/nashe/gendernaja_politika_v_respublikah_severnogo_kavkaza_sovremennye_tendencii_2013-12-05.htm (accessed 14.02.2018).

Статья поступила 06.06.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Дзутцев Хасан Владимирович — доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра исследований приграничных регионов Юга России, Институт социально-политических исследований РАН, г. Владикавказ; заведующий кафедрой социологии, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Россия, khasan_dzutsev@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Head of the Centre of the Russian Southern Regions Studies, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of Sociology, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation).

Дибирова Аминат Паруковна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр исследований приграничных регионов Юга России, Институт социально-политических исследований РАН, г. Владикавказ, Россия, dibirova59@mail.ru (Cand. Sc. (Biology), Senior Researcher, Centre of the Russian Southern Regions Studies, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society

2020. No. 1. P. 127—136

DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.10

Женщина в российском обществе

2020. № 1. С. 127—136

ББК 63.1(2)6

DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.10

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РАБОТНИЦ ПРОМЫШЛЕННОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

О. В. Северцева

Выборгский институт (филиал),
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
г. Выборг, Россия, oseverseva@mail.ru

Анализируется историография советского периода, посвященная изучению повседневности работниц промышленности Санкт-Петербурга во второй половине XIX — начале XX в. Большинство советских историков старались отразить в своих исследованиях реальную картину условий труда и быта женщин — работниц фабрик и заводов столицы. Доказано, что повседневность работниц к 1914 г. несколько улучшилась по сравнению с последними десятилетиями XIX в.

Ключевые слова: повседневность, работницы, промышленность, Санкт-Петербург, вторая половина XIX — начало XX в., историография, советский период.

DAILY LIFE OF WOMEN INDUSTRIAL WORKERS OF ST. PETERSBURG IN THE SECOND HALF OF THE XIX — THE BEGINNING OF THE XX c. IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY

O. V. Severceva

Vyborg Institute (Branch), Pushkin Leningrad State University,
Vyborg, Russian Federation, oseverseva@mail.ru

The article analyzes the historiography of the Soviet period on the daily life of women-workers of industrial St. Petersburg in the second half of the XIX — early XX c. Soviet historians tried to reflect in their studies the real life of women workers in factories and factories. Censorship, which existed in the USSR, often prohibited such publications. But Soviet

researchers were able to hide in their texts forbidden information. Many proposals were about the low wages of women workers, but very little about the fact that wages increased. Much was said about the long working day and very little about the fact that the working day was decreasing. They wrote a lot about poor housing for workers and quite a bit about the fact that the workers had good apartments and rooms. Thanks to such tricks, modern researchers have a unique historical wealth of Soviet historians.

Key words: everyday life, workers, industry, St. Petersburg, second half of the XIX — early XX c., historiography, Soviet period.

В настоящее время изучение повседневной жизни различных слоев населения России является одной из наиболее актуальных тем исторических исследований. Н. Л. Пушкарева пишет: «История повседневности (everyday life history, Alltagsgeschichte, his-toire de la vie quotidienne) — новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности — комплексное исследование повторяющегося, “нормального” и привычного, конструирующего стиль и образ жизни, их компоненты и их изменения у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения» [Пушкарева, 2005: 21].

Повседневность работниц промышленных предприятий Санкт-Петербурга во второй половине XIX — начале XX в. не была темой отдельных работ ни в дореволюционный, ни в советский, ни в современный период. Однако во многих исследованиях представлены материалы, позволяющие получить некоторую информацию об условиях жизни и труда женщин-работниц столицы России этого времени.

Дореволюционную литературу можно условно разделить на консервативную, либеральную и социал-демократическую. Консерваторы считали, что экономические трудности, с которыми приходится сталкиваться работницам промышленности, это результат переходного периода модернизации страны. Они «преследовали следующую цель: поставить рабочих под контроль правительства и церкви, не допустить еще большего распространения в рабочей среде социалистических и революционных идей» [Снесарева, 2012: 19]. По мнению консерваторов, властям необходимо было дать больше возможностей для развития промышленного производства и обязательно создать в государстве систему социального страхования рабочих, предоставить им условия для повышения образовательного и культурного уровня, не нарушая патриархальных устоев российского общества. Л. А. Тихомиров писал: «Если мы станем держать в состоянии сбродной толпы целые миллионы народа, то, разумеется, эти миллионы потеряют возможность вырабатывать в себе общественное воспитание, не могут сохранить никакой социальной дисциплины и, наоборот, могут лишь постепенно отрываться от общего дела русской нации, как действительно некоторый бездомный “пролетариат”».

Устроение этого нового “сословия” является одной из важнейших современных задач России, и в этой задаче мы должны исходить из тех же общих идеалов, на которых построены у нас и другие сословия, и вся Россия» [Тихомиров, 1902].

Либерально настроенные исследователи считали, что создание комфортных условий для развития промышленного предпринимательства в России не сможет улучшить быт простых тружеников промышленности. Главной целью любого предпринимателя является получение максимальной прибыли, а значит, хозяева предприятий будут любыми путями снижать свои издержки, что в первую очередь отразится на условиях труда наемной рабочей силы. Либералы не только предлагали свои изменения в существующее законодательство, но требовали установить строгий контроль над выполнением Устава о промышленности (1893 г.) всеми предпринимателями.

По мнению некоторых либералов, многие законы, принимаемые якобы для улучшения условий жизни работников фабрик и заводов, на самом деле являлись государственной поддержкой для хозяев этих предприятий [Литвинов-Фалинский, 1904; Лунц, 1909; Тютрюмова, 1908]. Кроме того, они настаивали на том, что многие социальные проблемы рабочих и работниц государство должно было взять на себя, а не перекладывать их на плечи хозяев предприятий и тем более самих тружеников промышленности, например: «Во избежание несправедливости и протестов и для лучшей постановки дела, средства, необходимые для охраны материнства и воспитания детей, должны быть признаны государственным расходом и ассигноваться из общегосударственных доходов» [Покровская, 1915: 4].

Социал-демократы решение проблемы экономических и социальных трудностей работников промышленности видели только в свершении пролетарской революции и установлении социалистического общества. В. И. Ленин считал, что у рабочих нет другого выхода как соединиться вместе для борьбы с фабрикантами и теми несправедливыми порядками, которые установлены законом. Так же как консервативные и либеральные деятели, социал-демократы считали, что государство обязано обеспечить рабочим и работницам промышленности достойные условия жизни. Но, как писала Н. К. Крупская, «чтобы добиться действительной охраны труда, рабочим нужно завоевать политическую свободу... В борьбе за отстаивание лучших условий труда, за политическую свободу, за лучшее будущее рука об руку с мужчиной-рабочим пойдет и женщина-работница» [Крупская, 1901: 24]. И эта борьба даст женщине-работнице не только благополучную жизнь, но введет ее в «царство социализма» [Бройдо, 1917: 16].

В советское время, как отмечает В. В. Керов, исследования по истории повседневности, прежде всего бытовых практик, продолжались, но были глубоко идеологизированы [Керов, 2017: 51]. Монографии, описывающие быт рабочих, изданные в СССР, должны были содержать факты нещадной эксплуатации пролетариата. Любое отступление от основ марксизма-ленинизма приводило к запрещению публикаций и другим санкциям. По словам М. А. Фельдмана, утвердившиеся в СССР в приказном порядке явно завышенные представления о социально-политическом облике класса-гегемона носили откровенно пропагандистский характер и на долгие годы затормозили разработку данной проблемы, причем любое сопротивление этой линии безжалостно подавлялось НКВД [Фельдман, 2010: 188].

Тем не менее многие советские авторы смогли опубликовать достоверные материалы о повседневности работниц промышленности Санкт-Петербурга во второй половине XIX — начале XX в. Именно поиск правдивой информации в советских монографиях по исследуемой проблеме является целью данной статьи.

Санкт-Петербург не только как столица, но и как один из центров промышленного производства России в пореформенные годы притягивал огромное количество отходников из различных уголков нашей страны. С каждым годом увеличивалось и количество женщин — работниц фабрик и заводов столицы. В 1890 г. переписью в черте Петербурга было учтено 19,0 % работниц среди общей массы столичного пролетариата, а через 10 лет уже 20,3 % [История рабочих Ленинграда, 1972: 185].

Э. Э. Крузе проанализировала причины увеличения числа женщин в обрабатывающей промышленности не только Петербурга, но и всей России: «Рост применения женского труда в период империализма в России объясняется его дешевизной. Кроме того, происходил рост числа потомственных кадровых рабочих, живущих в городе вместе с семьями и порвавших связь с землей. Наконец, рабочий со средним заработком один не мог содержать семью...» [Крузе, 1976: 99]. Она также ссылается на фабричных инспекторов, которые еще в дореволюционный период пытались объяснить постоянно увеличивающееся количество женщин на фабриках и заводах страны, во-первых, тем, что при одинаковой с мужчинами продуктивности женщины более аккуратны в работе и делают мало прогулов, и, во-вторых, тем, что женский труд применяется везде, где не требуется физической силы [там же: 99—100].

Американский историк Р. Стайтс обратил внимание также на то, что хозяева промышленных предприятий охотно брали на работу женщин, так как «...работницы гораздо лучше управляемы, чем рабочие» [Стайтс, 2004: 229].

Следует сказать и о других причинах увеличения числа работниц фабрик и заводов, которых не коснулись советские исследователи. Число рабочих, не только женщин, также постоянно возрастало в силу увеличения количества промышленных предприятий в стране, и в столице в частности [Северцева, 2016а]. Кроме того, работницы, большая часть которых раньше были крестьянками, в своих деревнях не могли заработать даже те небольшие деньги, которые им платили на фабриках. И наконец, не менее важный факт: город давал бывшим крестьянкам определенный, не свойственный сельской жизни, уровень свободы. Работница могла по своему усмотрению распоряжаться свободным временем. Столица предоставляла совершенно новые возможности для проведения досуга [Северцева, 2017].

Если причины роста числа работниц промышленной сферы практически не исследовались советскими историками, то вопросы распределения рабочего времени и заработной платы женщин были рассмотрены более основательно.

Рабочие графики для мужчин и женщин на фабриках и заводах были одинаковы. Рабочий день (12—15 часов в сутки) удлинялся за счет сверхурочных работ [Ацаркин, 1976: 14; Сукновалов, Фоменков, 1968: 29]. Советские исследователи отметили также тенденцию к уменьшению продолжительности рабочего времени. Законом от 1897 г. продолжительность рабочего дня устанавливалась в размере 11,5 часа, ночные работы для женщин были запрещены с 1885 г., работы внутри рудников — с 1891 г. (см. об этом: [Северцева, 2016b: 270]).

В Санкт-Петербурге рабочий день, например в текстильной промышленности, где трудилось более всего женщин, даже до революции 1905 г. был равен 10,6 часа [История рабочих Ленинграда, 1972: 188]. Как отмечала Э. Э. Крузе, «...закон 2 июня 1897 г. ... несомненно, улучшал положение рабочих» [Крузе,

1976: 249]. Ю. И. Кирьянов также подробно проследил все этапы уменьшения рабочего времени тружеников промышленности. Он писал: «Меньшая занятость на производстве... расширяла свободное время, которое можно было использовать на повышение образовательного и культурного уровня, воспитание детей, участие в деятельности рабочих организаций и др. Отражением происходивших сдвигов в бюджете времени рабочего являлось увеличение доли грамотных и расширение круга читающих рабочих» [Кирьянов, 1979]. На рост числа грамотных женщин в России в пореформенные годы обратила внимание и Э. Э. Крузе: «...чем моложе были рабочие, тем выше был среди них удельный вес грамотных... Среди работниц эта закономерность проявлялась еще резче» [Крузе, 1976: 121].

Но в работах советских авторов не освещался вопрос, который поднял Р. Стайтс: «Одна из проблем реформы женского труда, причем не только в России, заключалась в том, что сами женщины зачастую не желали сокращения рабочего времени или улучшений условий работы, что и после революции будет вызывать озабоченность русского рабочего движения» [Стайтс, 2004: 235]. Отсутствие данной информации в трудах советских исследователей вполне объяснимо. Авторы пытались «защитить» работниц и скрыть отсутствие у них основ экономической грамотности. Женщины на большинстве предприятий работали сдельно и уменьшение рабочего дня напрямую связывали с сокращением заработной платы, не понимая, что низкий уровень цены труда, как писал К. Маркс, подталкивает к удлинению рабочего времени. Но и, наоборот, удлинение рабочего времени вызывает, в свою очередь, понижение цены труда, а вместе с тем понижение дневной или недельной заработной платы [Кирьянов, 1979].

Об уровне заработной платы работниц также довольно подробно написано во многих исследованиях советского периода. Женщинам на промышленных предприятиях за одинаковый с мужчинами труд платили значительно меньше [История рабочих Ленинграда, 1972: 185; Сукновалов, Фоменков, 1968: 30; Кирьянов, 1979; Крузе, 1976: 215].

Кроме того, большинство исследователей, как отмечает Ю. И. Кирьянов, следуя государственной идеологии, придерживались мнения об общем обнищании рабочего класса в дореволюционной России. Лишь некоторые ученые смогли доказать, что утверждения В. И. Ленина об ухудшении положения рабочих не совсем верны. По словам Ю. И. Кирьянова, «эта точка зрения с трудом пробивала себе дорогу в исследованиях по истории рабочего класса России, причем определенные сдвиги наблюдаются только в литературе последних лет»* [Кирьянов, 1979].

* Ю. И. Кирьянов на личном примере столкнулся с невозможностью достоверного изложения фактов по положению рабочего класса в России в советское время. Так, в 1970 г. в Москве был опубликован сборник статей «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония». М. А. Фельдман пишет: «Ю. И. Кирьянов выступил в нем [сборнике] с большой статьей “Об облике рабочего класса России”, где, опираясь на многочисленные статистические материалы, привел вполне объективные, но малоприятные для тогдашних партийных чиновников из отдела науки ЦК КПСС данные о пьянстве, сравнительно невысокой квалификации, низком образовательном уровне и религиозности большинства дореволюционных рабочих. Правда, “для баланса” в статье были еще и некоторые шаблонные, “идеологически выдержанные” фразы, но они не меняли общего заключения работников отдела науки ЦК КПСС об опасном образе мыслей автора» [Фельдман, 2010: 188].

Ю. И. Кирьянов замечает: «Реальная заработная плата фабрично-заводских рабочих... за 1900—1914 гг. в целом несколько возросла» [Кирьянов, 1979]. Данные о вполне приличном материальном положении рабочих и даже некотором увеличении реальной заработной платы можно встретить и у Э. Э. Крузе [Крузе, 1976]. По воспоминаниям одного из революционных рабочих, его детство хоть и было безрадостным, но оборвышем он не был: «...на мне часто оказывались новые рубашонки и штанишки. Большой грязи не видал. Нужды — тоже. Кое-когда мне перепадали и лакомства» [Гончаров, 1930: 10].

Многие советские историки обратили внимание на уменьшение заработной платы работников промышленности за счет штрафов, причем взгляды сложились диаметрально противоположные. Одни исследователи высказывали утверждение, что система штрафования довольно ощутимо действовала на среднемесячный заработок рабочих, практически уничтожая их и без того скудное жалование. Другие считали, что штрафы несущественно влияли на размер заработной платы рабочего и не являлись дополнительной прибылью для хозяев. Штрафы скорее были воспитательным способом воздействия на работников заводов и фабрик, однако унижающим человека и показывающим бесконтрольную власть хозяев предприятий.

В исследованиях советских историков содержится огромное количество материала об условиях труда и жизни работниц промышленности. Эти условия были одинаковыми для мужчин и женщин, в частности работников промышленности столицы второй половины XIX — начала XX в.: отсутствие гигиенических норм и норм техники безопасности на предприятиях, самое низкое качество жилья [Шабалин, 1949: 62; Ацаркин, 1976: 15, 45; Сукновалов, Фоменков, 1963: 28, 40; Бабушкин, 1955: 31].

Однако на советских промышленных предприятиях в 1920-х гг. царила такая же антисанитария, как и в дореволюционной России. Например, М. С. Шагинян, посетив бывшую фабрику Торнтон в Санкт-Петербурге, писала: «Здесь носится нездоровая мельчайшая пыль от волосинок, в отделении кашляется, плохо дышится, меня обступают туберкулезные работницы с жалобами и ругательствами...» [Шагинян, 1925: 42].

Правдивое описание жизни рабочих на фабриках и заводах страны не прошло для М. С. Шагинян даром. Первые ее произведения, такие как «Фабрика Торнтон» или «Невская нитка», читатели еще увидели. В дальнейшем описание М. С. Шагинян действительности, совершенно не соответствующее новым стандартам, оценивалось как клеветническое (к примеру, изображение рабочих советского Урала) [Перхин, 2008: 134]. В результате она не смогла напечатать многие свои статьи, были разорваны отношения с газетами «Труд» и «Правда». Ее «суждения и выводы были лишены политической начинки и никак не соответствовали пропагандистской схеме того времени о превосходстве нового, советского над старым...» [там же: 135].

Ю. И. Кирьянов обратил внимание на некоторое улучшение жилищных условий рабочего класса: «...неверно полагать, что в течение нескольких десятилетий капиталистического развития под воздействием борьбы пролетариата жилищные условия рабочих не претерпели изменений к лучшему» [Кирьянов, 1979].

Конечно, советским авторам необходимо было осветить и участие работниц в стачках, забастовках, митингах и общем рабочем движении под руководством большевиков. Э. Миловидова писала: «Начало движения работниц в России совпадает с первыми проблесками пробуждения классового самосознания русского пролетариата...» [Миловидова, 1929: 364]. Но уже на следующей странице ее исследования говорится о том, что работницы участвовали в забастовках и стачках, которые носили в основном экономический характер, они довольно поздно включились в общероссийское рабочее движение: «Здоровый классовый инстинкт толкает работниц на поддержку забастовок, нередко женщины сами организуют и проводят “фабричные бунты”, но едва спала волна острой стачечной борьбы, едва встали рабочие снова на работу, победителями или побежденными, как женщины опять живут врасыпную, еще не осознавая необходимость тесной организации, постоянного товарищеского общения. В нелегальных партийных организациях массовая работница в те годы (до 1905 г. — О. С.) попадает еще только как исключение» [там же: 365]. Низок был уровень политического сознания работниц.

Подводя итог, необходимо отметить, что исследования советских авторов о повседневности работниц промышленности Санкт-Петербурга во второй половине XIX — начале XX в. представляют богатый историографический материал. Большинству советских историков удалось предоставить читателям достоверную информацию об условиях труда и быта женщин — работниц фабрик и заводов столицы. Повседневная жизнь работниц была тяжелой, но имела тенденцию к улучшению. С каждым годом работы на фабриках и заводах столицы они все более проникались атмосферой столичной жизни. Появлялось все больше грамотных женщин, особенно среди молодежи [Крузе, 1976: 121]. Женщины могли следить за модой и получать развлечения, недоступные для них в деревнях [Ацаркин, 1976: 56—57; Кузнецов, 1948: 114]. Но политической жизнью работницы интересовались мало и только в том случае, если видели прямую выгоду для себя.

Библиографический список

- Ацаркин А. Н. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России (1900 — октябрь 1917). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1976. 415 с.
- Бабушкин И. В. Воспоминания, 1893—1900. М.: Госполитиздат, 1955. 176 с.
- Бройдо Е. Л. (Львова Е.) Женщина-работница. Пг.: Рабочая б-ка, 1917. 16 с.
- Гончаров В. Ф. За Невской заставой: записки Алексея Бузинова. М.; Л.: Госиздат, 1930. 176 с.
- История рабочих Ленинграда. Т. 1: 1703 — февраль 1917. Л.: Наука, 1972. 556 с.
- Керов В. В. Екатеринбург, Томск, далее везде: какая она, российская история «городской повседневности», и зачем она нужна // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2017. № 48. С. 50—59.
- Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России. 1979. URL: http://www.hist.msu.ru/about/gen_news/ (дата обращения: 15.08.2016).
- Кузнецов Е. Русские народные гулянья по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева. Л.: Искусство, 1948. 151 с.

- Крузе Э. Э.* Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л.: Наука, 1976. 300 с.
- Крупская Н. К.* Женщина-работница. Мюнхен: Газ. «Искра», 1901. 24 с.
- Литвинов-Фалинский В. П.* Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1904. 344 с.
- Лунц М. Г.* Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России: сборник статей. М.: Печ. дело, 1909. 384 с.
- Миловидова Э.* Женский вопрос и женское движение. М.; Л.: Госиздат, 1929. 508 с.
- Перхин В. В.* «19 статей моих пропали в недрах “Правды”»: (журналистские письма М. Шагинян 1942—1947 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. 2008. № 3. С. 132—142.
- Покровская М. И.* Страхование и охрана материнства // Женский вестник. Пг., 1915. № 1. С. 1—4.
- Пушкарева Н. Л.* «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Гласник Этнографического института САНУ. Белград, 2005. Т. 53. С. 21—34.
- Северцева О. В.* Женщины на текстильных предприятиях Санкт-Петербурга во второй половине XIX — начале XX в. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: (региональный аспект): материалы Международной научной конференции. СПб., 2016а. С. 345—350.
- Северцева О. В.* Охрана труда женщин — фабричных работниц во второй половине XIX — начале XX в. // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития: (навстречу 300-летию российской полиции): материалы научно-теоретической конференции. СПб., 2016б. С. 269—272.
- Северцева О. В.* Досуг в повседневной жизни работниц промышленных предприятий Санкт-Петербурга во второй половине XIX — начале XX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб., 2017. Вып. 8. С. 46—51.
- Снесарева Н. В.* Особенности пролетариата и рабочего вопроса в России на страницах консервативной прессы конца XIX — начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2012. № 3. С. 14—19.
- Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930. М.: РОССПЭН, 2004. 614 с.
- Сукновалов А. Е., Фоменков И. Н.* Фабрика «Красное знамя»: очерки истории Ленинградской государственной ордена Ленина трикотажно-чулочной фабрики «Красное знамя», 1855—1967. Л.: Лениздат, 1968. 448 с.
- Тихомиров Л. А.* Рабочий вопрос и русские идеалы. 1902. URL: http://dugward.ru/library/tihomirov/tihomirov_rab_vop_rus_idea.html (дата обращения: 11.12.2017).
- Тютрюмова Р. А.* Фабричное законодательство в России. М.: Польза, 1908. 359 с.
- Фельдман М. А.* Историк на рубеже двух веков: к 80-летию Ю. И. Кирьянова // Российская история. 2010. № 4. С. 187—192.
- Шабалин Б. И.* Фабрика на Обводном: очерк истории завода «Красный треугольник». Кн. 1: 1860—1917. Л.: Лениздат, 1949. 340 с.
- Шагинян М. С.* Фабрика Торнтон: с письмом Н. К. Крупской. М.; Л.: Крестьян. газ., 1925. 71 с.

References

- Atsarkin, A. N. (1976) *Zhizn' i bor'ba rabochei molodezhi v Rossii (1900 — oktiabr' 1917)* [Life and fight of young workers in Russia (1900 — October 1917)], Moscow: Mysl'.
- Babushkin, I. V. (1955) *Vospominaniia, 1893—1900* [Ivan Vasilyevich Babushkin's memoirs, 1893—1900], Moscow: Gospolitizdat.
- Broïdo, E. L. (L'vova E.) (1917) *Zhenshchina-rabotnitsa* [Female worker], Petrograd: Rabochaia biblioteka.
- Fel'dman, M. A. (2010) Istorik na rubezhe dvukh vekov: K 80-letiiu Iu. I. Kir'ianova [A historian at a turn of two centuries: To Iu. I. Kir'ianov's 80 anniversary], *Rossiiskaia istoriia*, no. 4, pp. 187—192.
- Goncharov, V. F. (1930) *Za Nevskoi zastavoï: Zapiski Alekseia Buzinova* [Za Nevskoj zastavoj: Zapiski Alekseja Buzinova], Moscow, Leningrad: Gosizdat.
- Istoriia rabochikh Leningrada* (1972) [History of workers of Leningrad], vol. 1: 1703 — fevral' 1917, Leningrad: Nauka.
- Kerov, V. V. (2017) Ekaterinburg, Tomsk, dalee vezde: kakai ona, rossiiskaia istoriia "gorodskoi povsednevnosti", i zachem ona nuzhna [Yekaterinburg, Tomsk, further everywhere: what is it, the Russian history of "city daily occurrence", and why it is necessary], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istoriia, no. 48, pp. 50—59.
- Kir'ianov, Iu. I. (1979) *Zhiznennyi uroven' rabochikh Rossii*, available from www.hist.msu.ru/about/gen_news/ (accessed 15.08.2016).
- Krupskaia, N. K. (1901) *Zhenshchina-rabotnitsa* [Female worker], Miunkhen: Gazeta "Iskra".
- Kruze, È. È. (1976) *Polozhenie rabochego klassa Rossii v 1900—1914 gg.* [The provision of working class of Russia in 1900—1914], Leningrad: Nauka.
- Kuznetsov, E. (1948) *Russkie narodnye gulian'ia po rasskazam A. Ia. Alekseeva-Iakovleva* [The Russian festivities according to stories by A. Ya. Alekseev-Yakovlev], Leningrad: Iskusstvo.
- Litvinov-Falinskiï, V. P. (1904) *Fabrichnoe zakonodatel'stvo i fabrichnaia inspektsiia v Rossii* [The factory legislation and factory inspection in Russia], St. Petersburg: Tipografiia A. S. Suvorina.
- Lunts, M. G. *Iz istorii fabrichnogo zakonodatel'stva, fabrichnoi inspektsii i rabochego dvizheniia v Rossii* [From history of the factory legislation, factory inspection and labor movement in Russia], Moscow: Pechatnoe delo.
- Milovidova, È. (1929) *Zhenskiï vopros i zhenskoe dvizhenie* [Women's issue and women's movement], Moscow, Leningrad: Gosizdat.
- Perkhin, V. V. (2008) "19 statei moikh propali v nedrakh «Pravdy»": (Zhurnalistskie pis'ma M. Shaginyan 1942—1947 gg.) ["19 my articles were gone in a subsoil of the «Pravda»: (Journalistic letters M. Shaginyan 1942—1947)], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 10, Zhurnalistika, no. 3, pp. 132—142.
- Pokrovskai, M. I. (1915) Strakhovanie i okhrana materinstva [Insurance and protection of motherhood], *Zhenskiï vestnik*, no. 1, pp. 1—4.
- Pushkareva, N. L. (2005) "Istoriia povsednevnosti" i ètnograficheskie issledovaniia byta: raskhozhdeniia i peresecheniia ["Daily occurrence history" and ethnographic researches of life: divergences and crossings], *Glasnik Ètnograficheskogo instituta SANU*, Belgrad, vol. 53, pp. 21—34.
- Severtseva, O. V. (2016a) Zhenshchiny na tekstil'nykh predpriatiiakh Sankt-Peterburga vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Women at the textile enterprises of St. Petersburg in the second half of XIX — the beginning of the XX c.], in: *Material'nyi faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoi zhizni naseleniia Rossii: Istoriia i sovremennost': (Regional'nyi aspekt)*: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, pp. 345—350.

- Severtseva, O. V. (2016b) Okhrana truda zhenshchin — fabrichnykh rabotnits vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Labor protection of women — factory workers in the second half of XIX — the beginning of the XX c.], in: *Gosudarstvo i pravo: Ėvoliutsiia, sovremennoe sostoianie, perspektivy razvitiia: (Navstrechu 300-letiiu rossiiskoi politicii)*: Materialy nauchno-teoreticheskoi konferentsii, pp. 269—272.
- Severtseva, O. V. (2017) Dosug v povsednevnoi zhizni rabotnits promyshlennykh predpriatii Sankt-Peterburga vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Leisure in everyday life of workers of the industrial enterprises of St. Petersburg in the second half of XIX — the beginning of the XX c.], in: *Stolitsa i provintsii: Vzaimootnosheniia tsentra i regionov v istorii Rossii*: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, iss. 8, pp. 46—51.
- Shabalin, B. I. (1949) *Fabrika na Obvodnom*: Ocherk istorii zavoda “Krasnyi treugol’nik” [Fabrik on Bypass: Sketch of history of plant “Red Triangle”], iss. 1: 1860—1917, Leningrad: Lenizdat.
- Shaginian, M. S. (1925) *Fabrika Thornton: S pis’mom N. K. Krupskoi* [Fabrika Thornton: With N. K. Krupskaya’s letter], Moscow, Leningrad: Krest’ianskaia gazeta.
- Snesareva, N. V. (2012) Osobennosti proletariata i rabocheho voprosa v Rossii na stranitsakh konservativnoi pressy kontsa XIX — nachala XX v. [Features of the proletariat and a working question in Russia on pages of the conservative press of the end of XIX — the beginnings of the XX c.], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, seriia Istorii i politicheskie nauki, no. 3, pp. 14—19.
- Staits, R. (2004) *Zhenskoe osvoboditel’noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nigelizm i bol’shevizm, 1860—1930* [Women’s liberation movement in Russia: feminism, nihilism and bolshevism, 1860—1930], Moscow: ROSSPEN.
- Suknovalov, A. E., Fomenkov, I. N. (1968) *Fabrika “Krasnoe znamia”*: Ocherki istorii Leningradskoi gosudarstvennoi ordena Lenina trikotazhno-chulochnoi fabрики “Krasnoe znamia”, 1855—1967 [Factory “Red Flag”: Studies in the history of the Leningrad state order of Lenin the knitted hosiery factory “Red Flag”, 1855—1967], Leningrad: Lenizdat.
- Tikhomirov, L. A. (1902) *Rabochii vopros i russkie idealy*, available from http://dugward.ru/library/tihomirov/tihomirov_rab_vop_rus_idea.html (accessed 11.12.2017).
- Tiutriumova, R. A. (1908) *Fabrichnoe zakonodatel’stvo v Rossii* [The factory legislation in Russia], Moscow: Pol’za.

Статья поступила 08.06.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Северцева Ольга Валентиновна — преподаватель, Выборгский институт (филиал) Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, г. Выборг, Россия, oseverseva@mail.ru (Lecturer, Vyborg Institute (Branch), Pushkin Leningrad State University, Vyborg, Russian Federation).

Woman in Russian Society

2020. No. 1. P. 137—150

DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.11

Женщина в российском обществе

2020. № 1. С. 137—150

ББК 63.3(2)614-8+76.003

DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.11

Е. ВИНОГРАДОВА КАК ПУБЛИЧНАЯ ФИГУРА: ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ЗНАМЕНОСТИ В ПРЕССЕ 1935—1936 гг.

Д. И. Наволоцкая

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
г. Санкт-Петербург, Россия, dnavolotskaya@eu.spb.ru

Рассматривается образ стахановки Е. Виноградовой в качестве советской знаменитости. Анализ репрезентаций данного образа в прессе позволил выявить особенности советской культуры знаменитости, а также патриархальные черты советского общества. Советская культура знаменитости, во многом похожая на культуру знаменитости капиталистических стран, не противопоставляла частное и публичное. С одной стороны, это помогало избежать неравенства в изображении отношений между прославленными стахановцами и их многочисленными последователями, показать единство всех советских граждан как одной большой трудовой семьи. С другой стороны, репрезентация образа стахановки в качестве второстепенного члена этой семьи доказывала сохранение патриархальной гендерной иерархии в советском публичном дискурсе.

Ключевые слова: Е. Виноградова, стахановское движение, новая советская женщина, советский гендер, культура знаменитости.

E. VINOGRADOVA AS A PUBLIC FIGURE: THE IMAGE OF THE SOVIET CELEBRITY IN THE PRESS 1935—1936

D. I. Navolotskaya

European University at St. Petersburg,
St. Petersburg, Russian Federation, dnavolotskaya@eu.spb.ru

This article considers the image of stakhanovka E. Vinogradova as a Soviet celebrity. The analysis of Vinogradova's representations in the press reveals the features of the Soviet celebrity culture, as well as patriarchal nature of the Soviet society. Being similar to celebrity culture of the capitalist countries in many respects, Soviet celebrity culture did not oppose private and public. On the one hand, it helped to avoid inequality in relations between the famous stakhanovites and their "fans" and to show the unity of all Soviet citizens as one big working family. But on the other hand, the image of stakhanovka as a minor member of this family proved the preservation of the patriarchal gender hierarchy in the Soviet public discourse.

Key words: E. Vinogradova, Stakhanovism, new Soviet woman, Soviet gender, celebrity culture.

Введение

В ноябре 1935 г. газета «Известия» напечатала письмо публициста И. Эренбурга первой стахановке текстильной промышленности Евдокии Виноградовой: «...но, все же, как это хорошо, что фотографируют вас, Дуся! Знаете, за кем охотятся фоторепортеры парижских газет? За ревнивой бездельницей, пристрелившей своего мужа, за содержанкой американского короля жевательной резины или за “Мисс Францией” — так зовут в Париже будто бы самую красивую девушку. Выбирают ее знатоки. Они щурят глаза, меряют бедра, цитируют древних авторов и тихонько пускают слюну. На вас, Дуся, наверное, не раз заглядывались ивановские парни, но как хорошо, что вы не “Мисс Франция”, а первая работница Советской страны» [Эренбург, 1935]. Эренбург противопоставлял Е. Виноградову звездам капиталистических стран. В отличие от них Дуся обращала на себя внимание прессы не внешними данными, а личными достижениями, ведь прежде всего она была «первой работницей Советской страны». Это противопоставление говорит о том, что знатная стахановка и «мисс Франция» — феномены одного порядка, так как являются женщинами-знаменитостями.

Несмотря на то что в советской прессе нельзя было встретить таких слов, как «звезда» или «знаменитость», знатность стахановки предполагала известность, сравнимую с известностью западных селебрити. В данной статье предлагается рассмотреть образ Е. Виноградовой как попытку создания советской знаменитости, фундаментальным образом отличной от знаменитости в капиталистических странах. Такой подход позволяет вписать советскую культуру в общеевропейский культурный контекст и в то же время выявить особенности советской культуры знаменитости, а также доказать, что, хоть исторически западным моделям модерности и принадлежит первенство, они не являются единственными и одинаковыми для всех обществ [Дэвид-Фокс, 2016]. В западных обществах знаменитость играет важную роль в поддержании их основ — либеральной демократии и рыночного капитализма [Morgan, 2011: 100]. Их отсутствие в Советском Союзе при наличии массовых производства и потребления дает возможность определить общее и особенное в существовании одного явления в разных контекстах [Хоффманн, 2018: 15].

Культура знаменитости (celebrity culture) — характерный феномен современных обществ. Необходимыми условиями ее возникновения являются демократизация общества, понижение влияния религии, коммерциализация повседневной жизни, а также появление массовых производства и потребления [Fishzon, 2011: 799], распространенных медиа [Studlar, 2015: 58] и городской культуры развлечений [Лилти, 2018: 46, 47]. К общим характеристикам культуры знаменитости причисляют визуальность [Studlar, 2015: 58], публичность, растиражированность образа звезды [Лилти, 2018: 84]. Кроме того, важной составляющей популярности является взаимосвязь звезды и ее фанатов: споры о героях дня позволяют публике ощутить себя общностью зрителей — заинтересованных, взбудораженных, шокированных или восторженных [там же: 60]. Само существование известности зависит от массового узнавания определенного лица как селебрити [Studlar, 2015: 58].

Образ Евдокии Виноградовой обладал большинством из перечисленных характеристик. В середине 1930-х гг. она была одной из самых упоминаемых женщин страны. Простая работница становится известной благодаря публикациям статей и фото в прессе, за которыми следует выпуск специальной брошюры, посвященной ее авторскому стахановскому методу [Виноградова и др., 1935], и небольших биографических очерков [Софронов, 1936; Ракитников, 1938]. Вскоре о Евдокии и ее сменщице Марии Виноградовой снимается документальное кино [Дуся и Маруся Виноградовы... , 1936], и наконец, стахановка становится прототипом главной героини музыкального художественного фильма «Светлый путь» (1940 г.). В газетах писали о «необычайной переписке», которую стахановка вела с советскими гражданами из разных концов страны — советскими эквивалентами фанатов.

Однако советская массовая культура была полностью подконтрольна прагматике и дизайну партийно-государственных кампаний и не подчинялась коммерческим законам, от которых зависела популярность звезд в капиталистических странах. С момента появления феномена знаменитостей в XVIII в. издатели публиковали то, что пользовалось спросом у читателей, для получения максимальной выгоды, прежде всего подробности личной жизни их кумиров [Лилти, 2018: 116]. То есть по законам рынка большой спрос рождал пропорциональное предложение. Интерес советских граждан не мог прямо влиять на появление в публичном пространстве нового героя. Скорее публике предписывали, какой у нее должен быть вкус, так же как это было и на регулируемом рынке товаров и услуг, где советская промышленность планировала и распространяла товары с малым вниманием к спросу на них у потребителя [Oushakine, 2014: 210, 211].

В рамках культуры капиталистических стран селебрити были товаром, созданным для потребления массовой публикой с целью ее развлечения [Studlar, 2015: 1]. Поэтому в процессе создания образов звезд учитывались запросы аудитории, которая играла важную роль в успешности знаменитости как товара. Успешность советских героев не зависела от спроса на них как товар индустрии развлечений. Советские знаменитости создавались не как рекомендованные товары, способные развлечь, а как образцы для подражания, символизирующие прежде всего труд, работу над собой отдельного человека ради коллектива. Они содержали фундаментальную систему ценностей, следовать которой было не рекомендовано, а жизненно необходимо для здорового функционирования советского общества, как это преподносилось в прессе. По данной причине спрос аудитории на советских селебрити не влиял напрямую на создание их образов. Не только технический персонал, но и рядовые рабочие негативно относились к стахановцам [Siegelbaum, 1990: 83, 90, 93, 298], однако количество публикаций о них только возрастало в 1935—1936 гг.

Еще одним важным отличием советской культуры знаменитости была зависимость публичности фигуры от конкретных достижений. Если в капиталистических странах, как отмечает И. Эренбург, поводом к возрастающей известности могли стать скандальные подробности личной жизни, внешние данные, то советские герои были известны прежде всего за счет своих достижений на благо коллектива. Аудитория советской прессы также должна была узнавать в героях

из газет себя, а те ценности, которые пропагандировали на их примере, были жизненно важны для всех советских граждан и уж точно не предназначались для развлечения публики.

Таким образом, анализ культуры знаменитости позволяет получить представление о тех нормах, которые распространялись с помощью образа звезды. Прежде всего она служила примером человека, сумевшего сделать то, что являлось достижением в определенный период, для определенной категории людей [Turner, 2013: 10]. Кроме этого, образ знаменитости всегда обладал наибольшим влиянием в качестве ролевой модели индивидуального стиля и поведения, особенно для молодежи [Studlar, 2015: 58, 72]. Наконец, Е. Виноградова как публичная фигура и женщина представляла аудитории правильные гендерные роли [ibid.: 68].

В советской прессе, а потом и в историографии женщина — технический эксперт, активная общественница считалась показателем успешного осуществления советского проекта гендерного равенства [Чирков, 1978; Любимова, 1969]. Современные исследователи более критично относятся к попытке большевиков освободить женщин. Созданный в литературе или периодических изданиях образ новой советской женщины должен был привить определенную доктрину, предписывать роли в общественной сфере жизни, которые модифицировались в зависимости от требований политического момента [Goldman, 1993; Wood, 1997; Бородин, Бородин, 2000; Шабатура, 2006]. В литературе большое внимание уделяется культурологическому анализу визуальных источников с целью проследить способы формирования советского канона изображения новой женщины [Дашкова, 2002]. Цель данного исследования — сосредоточиться на содержательной стороне образа Е. Виноградовой, созданного в прессе, объяснить механизм возникновения публичной фигуры в советском контексте: какая информация должна была предаваться огласке, какая нет и что это могло сказать о советском гендерном порядке.

В данной работе я остановлюсь на анализе статей в прессе, освещавших трудовые рекорды стахановки, так как именно эти публикации имели наиболее широкое распространение. Советская пресса первой определяла, как писать об образцовых достижениях или общественно-политической деятельности стахановки. Несмотря на отличия, советских героев и звезд капиталистических стран объединяло внимание прессы, «назойливых журналистов», как отмечал И. Эренбург. Именно за счет прессы они становились публичными фигурами. В ходе исследования были рассмотрены статьи о ткачихах Виноградовых в изданиях центральных органов власти и общественных организаций, таких как «Правда», «Работница», «Известия», «Легкая индустрия», «Труд», «Комсомольская правда», «Пионерская правда».

Хронологические рамки исследования ограничиваются 1935—1936 гг. 1935 г. — пик индивидуальных стахановских рекордов, когда после известий о высоких трудовых показателях А. Стаханова в августе 1935 г. появляется целый ряд новых «инициаторов высокой производительности труда» в разных отраслях [Инициаторы... , 1935]. С 1936 г. стахановское движение все больше утрачивает свою экстраординарность, а у инициаторов движения в легкой и тяжелой промышленности появляется множество последователей — рядовых стахановцев

в рамках отдельной фабрики или завода [Siegelbaum, 1990: 101, 102]. К концу 1930-х гг. снижается и частота упоминания Е. Виноградовой в прессе (всего за 1935 г. было 82 публикации, за 1936 г. — 43, 1937-й — 14, 1938-й — 19; 1939, 1940 гг. — 2).

Трудовые рекорды и общественно-политическая деятельность стахановки

Советская культура знаменитости репрезентировала принцип равных возможностей для всех советских граждан, отсутствие всяких иерархий. Поэтому газеты писали не о звездах, а о героях и героинях, слово «слава» использовалось вместо «популярности», «последователи» — вместо «фанатов» и «поклонников». Однако и в прессе на месте старой иерархии, построенной на эксплуатации труда, создавалась новая, в основе которой лежали достижения публичных фигур — героев, стахановцев. Пантеон советских героев был иерархичен. Образ Е. Виноградовой как стахановки и публичной фигуры легитимировал достижения советских женщин на производстве. Однако среди остальных «инициаторов высокой производительности труда» Е. Виноградова занимала второстепенное положение.

«Всесоюзный рекорд ткачихи Виноградовой» впервые был описан в газете «Легкая индустрия» как победа в конкурсе на «мировые нормы на ткацких автоматах» [Всесоюзный рекорд... , 1935]. Он заслуживал внимания, так как одна ткачиха в рабочую смену по норме стала обслуживать больше станков по сравнению с европейскими стандартами и приближалась к американским нормам труда. Данный факт был призван доказать наметившееся первенство Советского Союза и поставить под сомнение западные представления о способностях человека при работе со станками [там же]. Кроме того, всесоюзный рекорд был примечателен способом, с помощью которого Е. Виноградова одновременно обслуживала сразу семьдесят ткацких станков. Четкий, непрерывный маршрут — обход и наблюдение за работающими станками, строгая экономия времени должны были решить проблему хаотичности в движениях работниц. Главным условием успешного использования метода было соблюдение маршрута.

Помимо Е. Виноградовой, в статье упоминались и другие лучшие ткачихи-ударницы фабрики им. Ногина. Комплект из 70 станков она обслуживала вместе со сменщицами М. И. Виноградовой и В. М. Сандаловой. Однако выделялась в публикации только Е. Виноградова. По сравнению с такими же молодыми ткачихами она не только обслуживала данный комплект на момент выхода статьи, но и была «пионером высокой производительности труда на фабрике», т. е. одна из первых стала работать с большим количеством станков. Согласно архивным документам, Виноградовы с мая 1935 г. обслуживали комплект из 70 станков [РГАСПИ]. Впоследствии на протяжении двух лет, в 1935—1936 гг., Е. Виноградова появлялась в публикациях вместе с Марией Виноградовой, сменщиц и однофамилиц даже стали называть сестрами. Но в дуэте ткачих на страницах прессы в качестве технического эксперта всегда выделялась Евдокия.

Мария представляла старый путь овладения профессией, когда ткачиха-мастер передавала свой опыт работы подростку в цехе, а Евдокия — новый: она получила знания в школе фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Но так как

в сотрудничестве двух сменщиц, согласно материалам прессы, всегда лидировала Евдокия, получение технического образования в ФЗУ выигрывало по сравнению с индивидуальным ученичеством на фабрике. Будучи старше Евдокии на четыре года, Мария не могла учиться в ФЗУ, на производство она пришла значительно раньше, в 1926 г., и постигала ремесло в ученицах у старшей ткачихи [Лешуков, 1985: 13].

Подробное описание технической стороны виноградовского метода подчеркивало важность освоения новых технологий и одновременно должно было убеждать в том, что мир техники, прежде считавшийся мужским, теперь доступен и женщинам. Новый, рациональный метод работы по маршруту противопоставляется старому методу. Работница не должна была смотреть или возвращаться назад — иначе, как говорила Дуся, «будешь без толку бегать от станка к станку, пойдут завалы» [Всесоюзный рекорд... , 1935].

Рекорд Е. Виноградовой был результатом не только инициативности, но и успешного «овладения техникой», что традиционно считалось мужской прерогативой [Koenker, 1995: 1442]. При этом в публикациях всячески подчеркивалось, что такой заход на «мужскую территорию» ни в коей мере не означал отказа от традиционной женственности. Работа девушки со станками изображалась как естественное женское занятие. Производственный цех стахановки описывался как большое хозяйство, которым можно похвастаться [Растет и ширится движение... , 1935]. В присутствии Дуси ткацкие станки начинали оживать, а без нее становились бездушной техникой: «Зал замирает, тускнеет. <...> Без нее станки скучны и угрюмы. Мертвый чугун. Мертвые нитки. ... Через полчаса зал снова оживает». Станки приобретали антропоморфные черты: у каждого из них «свой нрав, свои легко уловимые особенности». Дуся заботится о том, чтобы ни один станок не был «в обиде, уделяя всем равное внимание» [Первое Всесоюзное совещание... , 1935]. В той же статье описывается, как после рабочей смены Е. Виноградова направляется в пионерский отряд, где она в качестве вожатой занимается воспитанием детей и относится к ним так же внимательно, как и к станкам. Место работы и дом стахановки не противопоставлялись: производственный цех приобретал черты уютного домашнего хозяйства, а к станкам стахановка, как к живым детям, испытывала материнское чувство заботы.

Автор другой статьи подчеркивал женственность Дуси и ее сменщицы, описывая, как придирчиво девушки выбирают нарядную рабочую форму, в которой они будут трудиться во время запланированного нового рекорда. Зайдя в выходной день в магазин, Виноградовы долго не могли подобрать цвет новых платьев для дня перехода на обслуживание 144 станков. Раскритиковав белый и черный выбор друг друга, ткачихи сошлись на шелковых темно-синих платьях [Виноградовы, 1935].

Легитимация женщин на производстве в публичном дискурсе сосуществовала с сохранением прежней гендерной иерархии, где преобладали мужчины. Отрасли тяжелой промышленности ценились больше и считались мужскими [Attwood, 1999: 2, 12; Голдман, 2010: 121]. Работница — инициатор стахановского движения в текстильной промышленности на страницах прессы маркировалась как женскую. Связанная с потреблением легкая промышленность

была не в приоритете советского экономического развития [Голдман, 2010: 124, 125]. Поэтому, хотя Дуся была полной противоположностью «отсталым» работницам из прессы 1920-х гг. [Koenker, 1995: 1439], как женщина и самая юная стахановка среди остальных инициаторов высокой производительности труда она всегда оставалась младшим членом символической трудовой семьи во главе со Сталиным. Образы стахановцев были частью культа Сталина, подтверждением достижений Советского государства, а следовательно, и подтверждением его легитимности [Chatterjee, 1999: 4]. Фигура вождя, в свою очередь, репрезентировала тех членов общества, которые обладали наибольшей властью — мужчин [Плампер, 2010: 13].

Расширение границ советской женственности за счет освоения женщиной мужской сферы деятельности, как отмечает А. Крылова, не разрушало прежнюю гендерную иерархию [Krylova, 2011: 13, 14]. Женская сфера — текстильная промышленность — сохраняла свое подчиненное положение по сравнению с остальными отраслями. Обладая всеми образцовыми мужскими признаками профессионализма, Е. Виноградова сохраняла фемининные черты во внешности, а ее работа со станками репрезентировалась как естественное женское занятие.

Стахановка, будучи публичной фигурой, легитимировала новые возможности, открывшиеся для советской женщины не только на производстве, но и в политике. Теперь женщина была способна освоить технику, активно занималась общественно-политической деятельностью. Евдокия участвует во Всесоюзном совещании стахановцев [Siegelbaum, 1990: 84], а во время совещания в Наркомате легкой промышленности она выступает активным критиком технического персонала предприятий [Речь орденоноски... , 1936]. Следующая ступень — учеба в Промышленной академии им. Молотова, во время которой Виноградова посещает «митинг по вопросам помощи детям и женщинам героической Испании» [Знатные ткачихи... , 1936]. Итогом политической карьеры Е. Виноградовой становится ее избрание депутатом Верховного Совета СССР в 1937 г. [Депутаты Верховного Совета СССР... , 1937].

Однако по степени близости к принятию политических решений стахановка заметно проигрывала другим «инициаторам высокой производительности труда». К примеру, Н. Сметанин — инициатор стахановского движения в обувной промышленности еще до своего избрания в депутаты Верховного Совета участвовал в редакционных комиссиях Сталинской конституции 1936 г. [Речь т. Н. С. Сметанина... , 1936]. В прессе активно печатали его речи как кандидата [Выступление т. Сметанина... , 1935], рекомендательные письма в его адрес в рамках избирательной кампании [Наш кандидат... , 1937]. Присутствие Е. Виноградовой в политической сфере было менее заметно. Не было опубликовано ни одной ее речи в качестве кандидата или уже действующего депутата Верховного Совета, рекомендательных писем ей как кандидату. Это свидетельствует о том, что двери в политическую сферу для женщин были открыты, но идеальная работница являлась больше текстильщицей и комсомолкой, чем политиком.

«Личная жизнь»

Личная жизнь Е. Виноградовой как публичной фигуры также предавалась огласке. Однако границы между частным и публичным в ее жизни были крайне размыты и даже совпадали. Не только из-за того, что производство репрезентировалось как домашнее хозяйство стахановки, а станки как дети, но и за счет того, что ее семья, досуг в репрезентациях были тесно связаны с коллективом, публичным пространством.

Семье Е. Виноградовой посвящалось значительно меньше статей по сравнению с публикациями о ее трудовых рекордах и общественно-политической деятельности. Но все, что было известно о ее родных, служило созданию образа идеальной дочери или матери. Семья Е. Виноградовой, о которой писали в газетах, состояла из матери и дочери. Отец Дуси никогда не упоминался. Однако, согласно прессе, Евдокия не испытывала недостатка в родственниках. Она была младшей сестрой по труду сменщицы-однофамилицы Маруси Виноградовой, младшей стахановкой среди инициаторов высокой производительности труда, подругой народной артистки, представительницы старой интеллигенции Е. П. Корчагиной-Александровской. Как новая советская женщина уже в качестве депутата Верховного Совета Дуся напрямую общалась с избирателями, хлопотала и пыталась помочь каждому, словно заботливая мать и в то же время истинная дочь рабочего класса. Единственным мужчиной в этой символической семье, о которой писали в прессе, был Сталин. Именно благодаря ему стали возможны трудовые рекорды первой стахановки.

Таким образом, родственные связи, возникавшие на основе трудовых отношений, на примере образа стахановки приравнивались к родству по крови и ценились даже больше. Дружба на основе труда, приводившая к возникновению родственных связей, объединяла всех советских граждан в одну большую семью. Образ большой трудовой семьи, созданный в прессе, не содержал разделения между частным и публичным, а женщине в нем отводилась роль дочери или матери, заботящейся прежде всего о всех советских гражданах.

Если на производстве, в политике, сферах публичной жизни, ранее чуждых женщине, стахановка выполняла традиционные женские роли матери или дочери, то в реальной семье она брала на себя мужскую роль. Работа позволяла Е. Виноградовой и ее матери, несмотря на отсутствие «кормильца» в семье, быть экономически независимыми. Мать Дуси брала на себя роль завхоза, распределявшего общий бюджет, а дочь была основным «добытчиком». Заработка Дусе хватало, «чтобы хорошо питаться и удовлетворять свои бытовые и культурные запросы» [Бюджет семьи Виноградовых, 1935]. В своих интервью после традиционных слов о количестве выработанной ткани Дуся говорила об увеличившемся заработке [По примеру Е. Виноградовой, 1935; Мастерам высокой производительности..., 1935]. Образование, трудовые рекорды делали женщину независимой и обеспеченной.

Личный досуг Е. Виноградовой хоть и был направлен на разностороннее развитие собственной личности, но в конечном итоге предназначался для коллектива. Ведь умение «следить за собой», «культурно себя держать» говорили о навыках самоконтроля, что, в свою очередь, способствовало развитию более сложных технических навыков. Культурность, таким образом, становилась

источником эффективности промышленного труда [Волков, 1996: 211]. Распространение культурности шло от внешних практик к внутренним — от опрятности и хороших манер до идеологической убежденности [там же: 216].

Первые индивидуальные стахановские рекорды поддерживали кампанию по распространению культурности. В контексте 1930-х гг. культурный образ жизни прививался рабочим с целью нормализации обихода и общественного порядка в городах, переживавших массовый приток мигрантов из сельской местности [там же: 206, 208]. К ценностям культурности относили практики как ухода за внешностью, потребления качественных товаров, так и разностороннего самообразования, внутренней работы над собой. Досуг ткачихи Виноградовой совмещали с чтением технической и художественной литературы, Е. Виноградова занималась спортом и даже участвовала в театральной труппе молодежного театра [Всесоюзный рекорд... , 1935]. Ткачихи непременно посещали театр, когда были на слетах и совещаниях в Москве. Не забывала Е. Виноградова и про техническое образование — основу своей работы: она закончила ФЗУ, а потом и Промышленную академию в Москве.

Однако образ Евдокии не был универсальным. Юная текстильщица-комсомолка могла быть показательным примером профессиональной программы для женщин первого советского поколения, молодых городских жительниц в 1930-х гг. Для женщин из параллельного мира деревни образец представляла женщина-трактористка Паша Ангелина, для работниц старшего поколения примером для подражания была инициатор первой сквозной стахановской бригады А. А. Шавалева. С началом пронаталистического поворота в 1936 г. новые образы-ориентиры стали появляться и специально для матерей-стахановок.

Пик публикаций о ткачихах Виноградовых приходится на 1935 г., когда в упомянутых изданиях центральных органов власти выходит около 82 статей, заметок, посвященных новым трудовым рекордам ткачих. Вместе с утратой стахановским движением экстраординарности уже после 1936 г. имя ткачих Виноградовых все реже встречается в газетах, количество публикаций о них сокращается почти в два раза — до 43: стахановки упоминаются в связи с празднованием годовщины стахановского движения, 8 Марта, съезда комсомола. В 1937—1939 гг. Виноградовы предстают уже по отдельности в качестве слушательниц Промышленной академии им. Молотова, а потом и депутатов Верховного Совета СССР. Образ стахановки был «на волне» и активно тиражировался до тех пор, пока представлял актуальные ролевые модели для советских граждан, успев стать шаблоном для изображения новых героинь.

Заключение

Особенности образа Е. Виноградовой как советской знаменитости позволяют посмотреть на нее не только как на инструмент пропаганды [Attwood, 1999: 2; Buckley, 2006: 67; Siegelbaum, 1990: 148]. В отличие от знаменитостей капиталистических стран [Studlar, 2015: 58] известность стахановцев напрямую зависела от их личных достижений. Они были направлены прежде всего на благо коллектива, который и прославлялся в лице героя. Во многом благодаря этому огласке предавалась информация (а значит, она одобрялась), имеющая прямое или косвенное отношение к коллективу. В этом случае информация

о личности ради нее самой, а не коллектива считалась если не скандальной, то неприличной, что и подразумевал И. Эренбург, счастливо отмечая кардинальное отличие Е. Виноградовой от «мисс Франция».

Таким образом, советская культура знаменитости выполняла диаметрально противоположную функцию по сравнению с культурой знаменитости капиталистических стран. Частное и публичное в советской культуре не противопоставлялись, между ними ставился знак равенства. Это должно было помочь избежать всяких иерархий, что и отразилось на языке описания советских знаменитостей. Между стахановцами и их последователями нет дистанции, они скорее родственники по труду, но не фанаты и далекие от них звезды. Однако в силу того что женщина осваивала нехарактерные для себя роли технического эксперта, политика, «кормильца семьи», патриархальная гендерная иерархия не нарушалась.

Библиографический список

- Бородина А., Бородин Д.* Баба или товарищ?: идеал новой советской женщины в 20—30-х годах // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: сборник научных работ. 2000. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/borodini.htm (дата обращения: 10.01.2019).
- Бюджет семьи Виноградовых // Легкая индустрия. 1935. 30 сентября.
- Виноградова Е., Виноградова М., Лебедева Е.* Наш метод работы. Иваново: Гос. изд-во Иван. пром. обл., 1935. 52 с.
- Виноградовы // Легкая индустрия. 1935. 7 ноября.
- Волков В. В.* Концепция культурности, 1935—1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1—2. С. 194—213.
- Весоюзный рекорд ткачихи Виноградовой // Легкая индустрия. 1935. 12 сентября.
- Выступление т. Сметанина на Ленинградском вокзале в Москве // Легкая индустрия. 1935. 15 ноября.
- Голдман В.* Женщины у проходной: гендерные отношения в советской индустрии (1917—1937 гг.). М.: РОССПЭН, 2010. 358 с.
- Дашкова Т.* Идеология в лицах: формирование визуального канона в советских журналах 1920—1930-х годов // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века / под ред. К. Аймермайхера, Г. Бордюгова, И. Грабовского. М.: АИРО-XXI, 2002. 480 с.
- Депутаты Верховного Совета СССР — работники легкой промышленности // Легкая индустрия. 1937. 18 декабря.
- Дуся и Маруся Виноградовы: передача смены // Легкая индустрия. 1936. 18 января.
- Дэвид-Фокс М.* Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/4/modernost-v-rossii-i-sssr-otsutstvuyushaya-obshaya-alternativna-pr.html> (дата обращения: 15.01.2019).
- Знатные ткачихи — студентки Промакадемии // Работница. 1936. № 28. С. 9.
- Инициаторы высокой производительности труда // Правда. 1935. 13 октября.
- Лешуков Т. Н.* Виноградовскими маршрутами: полвека стахановского движения текстильщиков. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1985. 103 с.

- Лилти А.* Публичные фигуры: изобретение знаменитости (1750—1850). СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. 496 с.
- Любимова С. Т.* Из истории деятельности женотделов // Вопросы истории КПСС. 1969. № 9. С. 68—77.
- Мастерам высокой производительности — поддержку и внимание // Легкая индустрия. 1935. 16 октября.
- Наш кандидат — Николай Сметанин // Известия. 1937. 21 октября.
- Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев промышленности и транспорта: люди сталинской закалки // Пионерская правда. 1935. 16 ноября.
- Плампер Я.* Алхимия власти: культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 496 с.
- По примеру Е. Виноградовой // Легкая индустрия. 1935. 26 сентября.
- Ракитников А. Н.* Евдокия Викторовна Виноградова. М.: Госполитиздат, 1938. 20 с.
- Растет и ширится движение виноградовцев и сметанинцев. Премии инициаторам-передовикам // Легкая индустрия. 1935. 6 октября.
- РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 85. Д. 633. Оп. 29. Л. 13 [Орджоникидзе Г. К. Пометки на списке стахановцев промышленности и транспорта г. Москвы и области, Донбасса и др., не ранее 13 ноября 1935 г.].
- Речь Николая Сметанина у молодежи Московского избирательного округа // Комсомольская правда. 1937. 27 ноября.
- Речь орденоноски Е. В. Виноградовой, стахановки фабрики им. Ногина, на совещании стахановцев в Наркомлегпроме // Легкая индустрия. 1936. 30 августа.
- Речь т. Н. С. Сметанина на VIII Чрезвычайном съезде Советов // Легкая индустрия. 1936. 27 ноября.
- Софронов Н. С.* Дуся Виноградова. М.: Мол. гвардия, 1936. 125 с.
- Хоффманн Л. Д.* Вращивание масс: модерное государство и советский социализм, 1914—1939. М.: Новое лит. обозрение. 2018. 424 с.
- Чирков П. М.* Решение женского вопроса в СССР, 1917—1937 гг. М.: Мысль, 1978. 255 с.
- Шабатура Е. А.* Гендерный анализ образа «новой женщины» в советской культуре 1920-х годов // Омский научный вестник. 2006. № 8. С. 18—22.
- Эренбург И.* Письмо Дусе Виноградовой // Известия. 1935. 21 ноября.
- Attwood L.* Creating the New Soviet Woman: Women's Magazines as Engineers of Female Identity, 1922—1953. New York: St. Martin's Press, 1999. 213 p.
- Buckley M. E.* A Mobilizing Soviet Peasants: Heroines and Heroes of Stalin's Fields. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. 367 p.
- Chatterjee C.* Soviet heroines and public identity // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1999. № 1402. P. 1—17.
- Fishzon A.* The operatics of everyday life, or How authenticity was defined in Late Imperial Russia // Slavic Review. 2011. Vol. 70, № 4. P. 795—818.
- Goldman W. Z.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 351 p.
- Koenker D. P.* Men against women on the shop floor in early Soviet Russia: gender and class in the socialist workplace // The American Historical Review. 1995. № 5. P. 1438—1464.
- Krylova A.* Soviet Women in Combat. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 336 p.
- Morgan S.* Celebrity: academic “pseudo-event” or a useful concept for historians? // Cultural and Social History. 2011. № 1. P. 95—114.
- Oushakine S. A.* “Against the cult of things”: on Soviet productivism, storage economy, and commodities with no destination // The Russian Review. 2014. Vol. 73, № 2. P. 198—236.

- Siegelbaum L. H. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935—1941*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 344 p.
- Studlar S. The changing face of celebrity and the emergence of motion picture stardom // *A Companion to Celebrity* / ed. by P. D. Marshall, S. Studlar. Hoboken: John Wiley & Sons, 2015. 584 p.
- Turner G. Picture personalities, stars and celebrities // *Understanding Celebrity* / ed. by G. Turner. Thousand Oaks: Sage Publishing, 2013. 184 p.
- Wood E. A. *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1997. 320 p.

References

- Attwood, L. (1999) *Creating the New Soviet Woman: Women's Magazines as Engineers of Female Identity, 1922—1953*, New York: St. Martin's Press.
- Borodina, A., Borodin, D. (2000) Baba ili tovarishch?: Ideal novoi sovetskoi zhenshchiny v 20—30-kh godakh [Baba or friend?: The ideal of a new Soviet woman in the 1920s and 1930s], *Zhenskie i gendernye issledovaniia v Tverskom gosudarstvennom universitete*, available from http://www.a-z.ru/women_cd1/html/borodini.htm (accessed 10.01.2019).
- Buckley, M. E. (2006) *A Mobilizing Soviet Peasants: Heroines and Heroes of Stalin's Fields*, Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
- Chatterjee, C. (1999) Soviet heroines and public identity, *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*, no. 1402, pp. 1—17.
- Chirkov, P. M. (1978) *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR, 1917—1937 gg.* [The solution of the female issue in the USSR, 1917—1937], Moscow: Mysl'.
- Dashkova, T. (2002) Ideologiya v litsakh: formirovanie vizual'nogo kanona v sovetskikh zhurnalakh 1920—1930-kh godov [Ideology in the faces: the formation of the visual canon in Soviet magazines of the 1920s — 1930s], in: Aimermaikher, K., Bordiugov, G., Grabovskii, I. (eds), *Kul'tura i vlast' v usloviakh kommunikatsionnoi revoliutsii XX veka*, Moscow: AIRO-XXI.
- Dévid-Foks, M. (2016) Modernost' v Rossii i SSSR: otsutstvuiushchaia, obshchaia, al'ternativnaia ili perepletënnai? [Modernity in Russia and the USSR: absent, general, alternative or intertwined?], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4, available from <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/4/modernost-v-rossii-i-sssr-otsutstvuyushaya-obshaya-alternativna-pr.html> (accessed 15.01.2019).
- Érenburg, I. (1935) Pis'mo Duse Vinogradovoi [Letter to Dusa Vinogradova], *Izvestiia*, 21 noiabria.
- Fishzon, A. (2011) The operatics of everyday life, or How authenticity was defined in Late Imperial Russia, *Slavic Review*, vol. 70, no. 4, pp. 795—818.
- Goldman, V. (2010) *Zhenshchiny u prokhodnoi: Gendernye otnosheniia v sovetskoi industrii (1917—1937 gg.)* [Women at the checkpoint: Gender relations in Soviet industry (1917—1937)], Moscow: ROSSPĖN.
- Goldman, W. Z. (1993) *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Khoffmann, L. D. (2018) *Vzrashchivanie mass: Modernoe gosudarstvo i sovetskiĭ sotsializm, 1914—1939* [The cultivation of the masses: Modern state and Soviet socialism, 1914—1939], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Koenker, D. P. (1995) Men against women on the shop floor in early Soviet Russia: gender and class in the socialist workplace, *The American Historical Review*, no. 5, pp. 1438—1464.
- Krylova, A. (2011) *Soviet Women in Combat*, Cambridge: Cambridge University Press.

- Leshukov, T. N. (1985) *Vinogradovskimi marshrutami: Polveka stakhanovskogo dvizheniia tekstil'shchikov* [Vinogradov routes: Half a century of the Stakhanov textile movement], Yaroslavl: Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Lilti, A. (2018) *Publichnye figury: Izobretenie znamenitosti (1750—1850)* [Public figures: The invention of the celebrity (1750—1850)], St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha.
- Liubimova, S. T. (1969) Iz istorii deiatel'nosti zhenotdelov [From the history of the activity of women's departments], *Voprosy istorii KPSS*, no. 9, pp. 68—77.
- Masteram vysokoi proizvoditel'nosti — podderzhku i vnimanie (1935) [Masters of high performance — support and attention], *Legkaia industriia*, 16 oktiabria.
- Morgan, S. (2011) Celebrity: academic “pseudo-event” or a useful concept for historians?, *Cultural and Social History*, no. 1, pp. 95—114.
- Nash kandidat — Nikolaï Smetanin (1937) [Our candidate — Nikolay Smetanin], *Izvestiia*, 21 oktiabria.
- Oushakine, S. A. (2014) “Against the cult of things”: on soviet productivism, storage economy, and commodities with no destination, *The Russian Review*, vol. 73, no. 2, pp. 198—236.
- Pervoe Vsesoiuznoe soveshchanie rabochikh i rabotnits — stakhanovtsev promyshlennosti i transporta: liudi stalinskoï zakalki (1935) [The first All-Union meeting of workers and workers — Stakhanovites industry and transport: people of the Stalinist school], *Pionerskaia pravda*, 16 noiabria.
- Plamper, Ia. (2010) *Alkhimiia vlasti: Kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve* [Alchemy of power: The cult of Stalin in the visual arts], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Po primeru E. Vinogradovoi (1935) [Following the example of E. Vinogradova], *Legkaia industriia*, 26 sentiabria.
- Rakitnikov, A. N. (1938) *Evdokiia Viktorovna Vinogradova* [Evdokia Viktorovna Vinogradova], Moscow: Gospolitizdat.
- Rastët i shiritsia dvizhenie Vinogradovtsev i Smetanintsev. Premii initsiatoram-peredovikam (1935) [The movement of Vinogradovites and Smetaninets is growing and expanding. Prizes to the initiators of the foremost], *Legkaia industriia*, 6 oktiabria.
- Rech' ordenonoski E. V. Vinogradovoi, stakhanovki fabriki im. Nogina na soveshchanii stakhanovtsev v Narkomlegprome (1936) [Speech order socks E. V. Vinogradova, Stakhanovka factory them Nogin at a meeting of the Stakhanovites in the People's Commissariat], *Legkaia industriia*, 30 avgusta.
- Rech' tovarishcha N. S. Smetanina na VIII Chrezvychainom s'ezde Sovetov (1936) [Speech by comrade N. S. Smetanin at the VIII Extraordinary Congress of Soviets], *Legkaia industriia*, 27 noiabria.
- Shabatura, E. A. (2006) Gendernyi analiz obraza “novoi zhenshchiny” v sovetskoï kul'ture 1920-kh godov [Gender analysis of the image of the “new woman” in Soviet culture of the 1920s], *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 8, pp. 18—22.
- Siegelbaum, L. H. (1990) *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935—1941*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Sofronov, N. S. (1936) *Dusia Vinogradova* [Dusya Vinogradova], Moscow: Molodaia gvardiia.
- Studlar, S. (2015) The changing face of celebrity and the emergence of motion picture Stardom, in: Marshall, P. D., Studlar, S. (eds), *A Companion to Celebrity*, Hoboken: John Wiley & Sons.
- Turner, G. (2013) Picture personalities, stars and celebrities, in: Turner, G. (ed.), *Understanding Celebrity*, Thousand Oaks: Sage Publishing.
- Vinogradova, E., Vinogradova, M., Lebedeva, E. (1935) *Nash metod raboty* [Our working method], Ivanovo: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Ivanovskoi promyshlennoi oblasti.
- Volkov, V. V. (1996) Kontsepsiia kul'turnosti, 1935—1938 gody: sovetskaia tsivilizatsiia i povsednevnost' stalinskogo vremeni [The concept of culture, 1935—1938: Soviet

civilization and the everyday life of the Stalin era], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 1—2, pp. 194—213.

Wood, E. A. (1997) *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*, Bloomington: Indiana University Press.

Znatnye tkachikhi — studentki Promakademii (1936) [Noble weavers — students of the Promacademy], *Rabotnitsa*, no. 28, p. 9.

Статья поступила 05.02.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Наволоцкая Дарья Игоревна — аспирантка факультета истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия, dnavolotskaya@eu.spb.ru (Post-graduate student at the Faculty of History, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Каширкина А. А., Морозов А. Н.** Права женщин в современном обществе: результат генезиса или объективная необходимость? 3

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Титаренко Л. Г.** Гендерный дисбаланс или рост гендерного равенства? 17
- Горшкова И. Д., Мирясова О. А.** Гендерное неравенство в современной российской высшей школе 29
- Рычихина Н. С.** Современные тенденции женской международной трудовой миграции 45
- Ключко О. И., Чекалина А. А., Иоффе Е. В., Ерофеева М. А., Сухарева Н. Ф., Самосадова Е. В.** Гендерные трансформации в представлениях российской студенческой молодежи 55
- Архиреева Т. В.** Образ идеального отца у мужчин, имеющих детей 70
- Смирнова О. В.** Представления о безопасности в юношеском возрасте: половой и гендерный аспект 85
- Савинов Л. И., Соловьева Т. В., Бистяйкина Д. А., Карасева А. С.** Социокультурная детерминация позднего деторождения и меры семейно-демографической политики в области рождаемости (На материалах Республики Мордовия) 101
- Дзуцев Х. В., Дибирова А. П.** Гендерный аспект в духовной жизни населения республик Северного Кавказа 113

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

- Северцева О. В.** Повседневность работниц промышленности Санкт-Петербурга во второй половине XIX — начале XX в. в советской историографии 127
- Наволоцкая Д. И.** Е. Виноградова как публичная фигура: образ советской знаменитости в прессе 1935—1936 гг. 137
- Информация для авторов* 151

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

- Kashirkina A. A., Morozov A. N.** Women's rights in modern society:
the result of genesis or an objective necessity? 3

SOCIAL SCIENCES

GENDER SOCIOLOGY

- Titarenko L. G.** Gender imbalance or growth of gender equality? 17
- Gorshkova I. D., Miryasova O. A.** Gender inequality in current Russian
higher education institutions 29
- Rychikhina N. S.** Modern trends of women's international labor migration 45
- Klyuchko O. I., Chekalina A. A., Ioffe E. V., Erofeeva M. A., Sukhareva N. F.,
Samosadova E. V.** Gender transformations in the views of Russian youth 55
- Arkhireeva T. V.** Men-who-have-children image of the ideal father 70
- Smirnova O. V.** Safety representations in youth: a sex and gender aspect 85
- Savinov L. I., Solovyeva T. V., Bistyaykina D. A., Karaseva A. S.**
Socio-cultural determination of late fertility measures and family-demographic
policy of birth rate (On materials of the Republic of Mordovia) 101
- Dzutsev Kh. V., Dibirova A. P.** Gender aspect in the spiritual life
of the North Caucasus republics population 113

HISTORICAL SCIENCES

GENDER HISTORY

- Severceva O. V.** Daily life of women industrial workers of St. Petersburg
in the second half of the XIX — the beginning of the XX c.
in the Soviet historiography 127
- Navolotskaya D. I.** E. Vinogradova as a public figure: the image
of the Soviet celebrity in the press 1935—1936 137
- Information for the authors* 151

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 1 — 2020

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 31.03.2020 г. Печать плоская. Бумага писчая.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 10,7. Тираж 40 экз.
Заказ № 62. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит ежеквартально с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
в **РОССИЙСКОМ**
ОБЩЕСТВЕ